

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Эсирге

Эсирде

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ
сборник

Бишкек 2024

УДК 396
ББК 66.74 (5 Кир)

Ж 55

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ сборник

Руководитель проекта «Эсимде: осмысляя свое прошлое», составитель
и ответственный редактор Эльмира Ногойбаева.

Ж 55 ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ: – Б.: 2024.-158 стр.

ISBN 978 - 9967 - 9292 -9 - 6

История XX века, как и любого времени, соткана из биографий отдельных людей. В этой книге представлены личные истории людей, проживавших в Кыргызстане в советский период. Женские судьбы, которые были не заслуженно забыты или намеренно долгое время умолчены. Нам важно услышать каждого. Не коллективный голос масс, государства и позиции отдельных властей, а голоса людей – разные, не услышанные, часто драматические, но, безусловно, имеющие право на память. Мы пытаемся уйти от черно-белых контрастов. Наш подход в том, что история советского периода и периода независимости Кыргызстана еще до конца не раскрыта и не осмыслена. Особенно если мы говорим с позиции человека. Описывая прошлое, мы обращаемся к исследованиям памяти – memory studies, одному из наиболее интенсивно развивающихся сегодня направлений современного социо-гуманитарного знания.

Авторы:

Гүльзада Абдалиева
Болот Абдрахманов
Раушан Абылкасымова
Алагөз кызы Гүлзат
Айида Кубатова
Нестор Маничкин
Бактыгуль Мидинова
Людмила Молдалиева
Айгуль Омурканова
Мукарам Токтогулова
Динара Сапарова
Клара Сооронкулова
Гүлжамал Эсеналиева

Редакционная группа:

Эльмира Ногойбаева
Алагөз кызы Гүлзат

ISBN 978 - 9967 - 9292 -9 - 6

УДК 396
ББК 66.74 (5 Кир)

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Место предисловия. *Эльмира Ногойбаева*
- 6 Забытые лица репрессий: женщины.
Алагөз кызы Гүлзат
- 20 Мария – кыргызская сноха. *Людмила Молдалиева*
- 33 «Дочь врага народа». Автобиография Аккагаз Арабаевой
как документ эпохи. *Айида Кубатова*
- 44 Память об Уркуне, женские судьбы. *Гүльзада Абдалиева*
- 62 Военная летчица Зинаида Кокорина. Возвращая имена.
Болот Абдрахманов
- 65 Манасчи Зууракан Сыдыкова. *Мукарам Токтогулова*
- 82 Тепкедей апа. Неповторимая судьба. *Гүлжамал Эсеналиева*
- 84 Елена Дружинина, открывшая Ош научному миру.
Бактыгуль Мидинова
- 98 История жизни Шекер. *Клара Сооронкулова*
- 108 «Вперед, в тоталитарное прошлое?»,
или Завещание Регины Хелимской. *Айгуль Омурканова*
- 122 Век жизни: борьба и воля Марии Мартын.
Нестор Маничкин
- 136 Гүлжанар Садыкова, медсестра из Джелалабада.
Воспоминания об Афганской войне.
Раушан Абылкасымова
- 144 Табачницы. *Динара Сапарова*
- 154 Авторы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

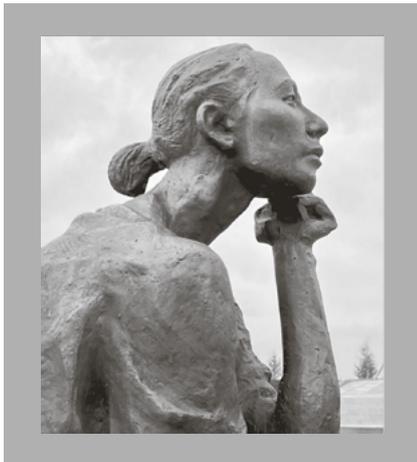
История Кыргызстана – голосом, почерком, судьбами Женщин. Женщин, имён которых нет ни в древних летописях, ни в описаниях современных событий, а если и есть, то они упомянуты вскользь, на полях. Плюс описательный элитизм, когда основные персонажи – из руководящих должностей и воинской героики – когда миром правят патриархи, тогда имена и заслуги женщин и вовсе уходят в тень отцов, мужей, братьев, начальников...

Как им жилось? В мирные и военные времена? В открытиях и преследованиях? Как каждая из наших героинь проживала свою судьбу? Сохраняла мир и знания, опыт и память, передавая их следующим поколениям – детям, которых надо было ещё выносить и сохранить. ...Тепкедей, Шекер, Зууракан, Мария, Гульжанар, Регина, Азиза, Жумагуль... бесконечная вереница судеб: простые труженицы, репрессированные или жёны репрессированных, проданные за еду девочки, воительницы, матери. Каждая заслуживает своего повествования. Для памяти в своей семье и/или в государстве. Как имя той, редко упоминаемой 138-ой – женщины, похороненной на месте нынешнего мемориала «Ата-Бейит» ещё в 1938 году. В той точке памяти, которая изначально носила женское имя (в метафоре о манкурте Ч. Айтматова – «Эне Бейит» (Могила матерей)).

Мы хотим вернуть голоса этих женщин – через их судьбы мы пытаемся понять себя, чего мы стоим. ...не через героизм, скорее – через жертвы, через любовь, которые мы не можем не ощущать и не имеем право не ценить.

Вернуть имена женщинам. Вернуть память о них.
Эсимде. Мы помним. Важно помнить.

*Эльмира Ногойбаева,
«ЭСИМДЕ»*

ЗАБЫТЫЕ ЛИЦА РЕПРЕССИЙ: ЖЕНЩИНЫ

Алагөз кызы Гүлзат

С 1991 года проводятся многочисленные исследования о механизмах и институтах, стоявших за репрессиями в СССР. Учёные внимательно изучают детали того, как действовали репрессии внутри советской системы. Несмотря на обширный объем знаний, накопленный в этой области, существует заметный пробел в исследованиях биографий жертв тоталитарного режима. Прежде всего, остаются, по сути, неисследованными истории, опыт и личные рассказы жертв. В особенности, есть несколько важных моментов, которые следует учитывать при рассмотрении жертв как представителей одной группы. Женщин необходимо изучать как отдельную группу. Ещё в 1990-е годы Барбара Клемент в своей работе указывала на то, что женщины как жертвы этого террора нуждаются в систематическом исследовании¹. Однако даже спустя более 30 лет судьба и история женщин в период репрессий остаются в тени патриархальной истории.

В центральноазиатском регионе, включая Кыргызстан, репрессии советского времени рассматриваются через призму государственной независимости. В научной среде и в общественном дискурсе доминируют исследования об истории жизни в основном мужчин – репрессированных государственных деятелей того времени. Судьбы женщин и детей данного периода рассматриваются лишь как часть образа известных личностей – мужей и отцов. Очевидна ограниченная информация о непосредственном опыте женщин во время сталинских репрессий. Даже если специальных исследований и источников на эту тему не так много, то путем сбора сведений из различных научных работ, воспоминаний, устных исторических источников можно постепенно восстановить опыт женщин Центральной Азии подвергшихся репрессиям или столкнувшихся после ареста мужа с репрессивным

*Мемориальный комплекс
Ата-Бейит, памятник
жертвам Большого террора.*

аппаратом советского государства, в обществе всеобщего недоверия и подозрительности.

Масштабы советских репрессий были столь велики, что мы, кажется, уже привыкли воспринимать жертвы как безликие статистические данные. Статистика здесь исчисляется не десятками и сотнями, а десятками тысяч и миллионами. А за ними трагедии ещё десятков тысяч семей. Этой темой я заинтересовалась с самого начала, как только открылись архивы и появились первые устные истории, особенно меня волновали судьбы детей и жён репрессированных. Бесспорно, большинство официально обвиненных и понесших наказания во время репрессий были мужчинами. Но и женщин было немало. Даже если многие из них не были расстреляны, то были арестованы, сосланы, оставшиеся на свободе жили в состоянии социальной изоляции. В России и Восточной Европе по этой теме проводятся значительные исследования, документируются судьбы и истории женщин – жертв репрессий, издаются специальные монографии. Значительная

часть исследований проводилась и в соседнем Казахстане, общественность знакомится с той стороной репрессий, которая затрагивает судьбы женщин.

Судьбы семей, пострадавших в 20-50-х гг. XX века от преследований по политическим и религиозным убеждениям, социальным, национальным и другим особенностям, до сих пор остаются в тени. Резонно, что после распада Советского Союза и обретения Кыргызстаном независимости пришло время реабилитировать жертвы репрессий, разобраться в нашем прошлом и дать политическую оценку. Так, с 1920 по 1954 годы на территории Кыргызстана репрессиям подверглись более 40 тысяч человек.

Ещё одна группа, столкнувшаяся с репрессиями – женщины, приговоренные к расстрелу или ссылке в 1937-38 годах. Известно, что среди 138 расстрелянных и захороненных в Ата-Бейите, одна из жертв – женщина. Однако её личность до сих пор остается неустановленной и часто умалчивается в общей статистике.

Значительная категория женщин, столкнувшихся с репрессиями – это те, кто стал объектом карательного аппарата из-за своих мужей, отцов, братьев. По всему СССР жертвами репрессий в той или иной степени становились родственники, в том числе и жёны практически всех репрессированных. По официальным данным 18 тысяч женщин были приговорены к смертной казни просто потому, что их мужья были признаны виновными. 5 июля 1937 года спецкурьер доставил наркомму внутренних дел СССР Николаю Ежову копию постановления № П51/144. В нём говорилось «о заключении в лагеря на 5-8 лет всех жен осужденных изменников родины», «организовать для этого специальные лагеря», «установить порядок, по которому все жены изобличенных изменников родины подлежат заключению в лагеря». В. Молотов, игравший в то время активную роль в принятии политических решений, позже в 1970-е годы объяснял причину этого решения «необходимостью было отделить их от общества, иначе они могли стать распространителями различных просьб и жалоб».

Действительно, женщины активно писали письма и запрашивали о судьбе и месте нахождения своих мужей, арестованных государством. Нам об этом известно из биографии известной Азизы Рыскуловой, из писем Нагимы Айтматовой, из рассказов родственников сосланных в Украину кыргызов. С одной стороны, государство в отношении этих женщин приняло стратегию устрашения арестом и ссылкой, а с другой стороны – применяло метод сокрытия и утаивания последствий репрессий. Жён тех, кого признавали «врагами народа», отправляли в специализированные исправительно-трудовые лагеря системы ГУЛАГа. Этих женщин часто разлучали со своими семьями и детьми, подвергали принудительным работам, пыткам и другим тяжелым наказаниям. Многим женщинам грозили голод и смерть. В качестве примера можно упомянуть узниц лагеря АЛЖИР (Акмолинский лагерь жён изменников родины) на территории Казахстана.

В Советском Союзе против членов семей «врагов народа» применялись отдельные формулировки. Впервые понятие «член семьи изменника родины» было введено в 1919 году. Приказ № 163 от 2 ноября 1919 года, названный

Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР».

«Смерть изменникам» призывал *«не только карать перебежчиков и паникёров, но и арестовывать их семьи»*.

В Казахстане был создан Акмолинский лагерь для жен изменников родины (АЛЖИР) в 1937 году специальным приказом Центрального Комитета ВКП(б). Через этот лагерь прошло до 20 000 женщин². Жёны, дочери и сёстры «врагов народа» безвинно страдали в 17-ом женском лагере специального отделения Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области Казахстана, известном как «26-я точка»³. Снисхождения не было в том числе женщинам, ожидавшим ребёнка. В результате за решеткой родились 1507 младенцев, многие из них погибли из-за голода, холода и отсутствия надлежащего ухода. Это 26-я точка Карагандинского лагеря (КарЛАГ) находилась недалеко от нынешней Астаны, было организована в 1937-м году в селе Тонкерис (Малиновка) на основании приказа НКВД СССР №00486 от 5 августа.

АЛЖИР занимал 30 000 гектаров земли. Имел несколько филиалов в Карагандинской и Акмолинской областях. Узницы Акмолинского лагеря занимались земледелием, разводили скот, участвовали в строительных работах. *«Лагерь состоял из нескольких саманных бараков, четырёх вышек и колючей проволоки. В течение января и февраля заключенные начали поступать непрерывным этапом. Только из Бутырской тюрьмы прибыло 1600 женщин⁴. Женщин привозили в АЛЖИР со всех концов страны: из Москвы, Ленинграда, Украины, Грузии, Армении, Средней Азии. Мест для женщин заключенных не хватало. И вновь прибывшие сами строили себе бараки в пургу и метель, жару и дождь, устанавливали в них нары. Вместо матрацев бросали на деревянный настил солому. Для отопления бараков женщины косили камыш, который в течение двух зим являлся основным видом топлива. Дневальные сутками подкладывали камыш в печь, но он давал так мало тепла, что температура в бараках не превышала 6-8 градусов»*.

Детей, попавших в лагерь вместе с матерями, в возрасте 2-3 лет отделяли от матерей и отправляли в детский

дом на «воспитание». АЛЖИР был ликвидирован в начале 1950 года, его узницы были переведены в другой лагерь, а отбывшие свой срок были освобождены. Однако до тех пор, пока в 1956-1957 годах жертвы политических репрессий не были оправданы. Большинство заключенных не имели права вернуться на прежнее место жительства. Об этом лагере стали открыто говорить и писать лишь в конце 1980-х гг.

Турар Рыскулов с женой Азизой Рыскуловой.

Музейно-мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР» был открыт 31 мая 2007 года в ауле Акмол Целиноградского района Акмолинской области.

Сегодня этот мемориальный комплекс включает в себя монумент «Арка скорби», композиции «Отчаяние и бессилие» и «Борьба и надежда», а также стену памяти с именами женщин, отбывавших срок в этом лагере. Экспозиции музея и материальные документы знакомят с историей политических преследований и механизмами работы учреждений исполнения наказаний. Ежегодно в День памяти жертв политических репрессий в этот мемориальный комплекс приезжают родственники и сами узники Акмолинского лагеря. С каждым годом их всё меньше и меньше...

Азиза Рыскулова. В качестве примера по применению стратегии устрашения, о которой было сказано выше, можно привести судьбу Азизы Рыскуловой. Супруга Турара Рыскулова, известного казахстанского политика, жертвы репрессий, часть политической деятельности которого связана также с Кыргызстаном. Азиза Рыскулова (в девичестве Исенгулова) родилась 6 августа 1911 года в Жаркенте. В 1922 году её семья переехала в Алма-Ату. В 18 лет Азиза стала одной из первых красавиц города. В один из приездов Турара Рыскулова в Алма-Ату, их познакомил Искандер

Тынышпаев. Девушка сразу покорила Турара Рыскулова, но долго не решалась ответить на его предложение руки и сердца. Видимо, сыграла роль большая разница в возрасте. Согласно документам, он был старше её на семнадцать лет. В 1931 году вся семья Исенгуловых переехала в Москву. Окончив в 1929 году зооветеринарное училище в Алма-Ате, Азиза поступила в ветеринарный институт – единственное на тот момент высшее учебное заведение в городе. Переехав в Москву, она пошла по стопам отца и продолжила обучение в Московском зооветеринарном институте, который успешно окончила в 1935 году. Получив диплом ветеринарного врача, устроилась на работу в Московскую ветеринарную академию. После окончания учебы для Азизы начался новый этап. Дом, семья и совместная работа с любящим мужем создавали ощущение полноценной, интересной жизни. Однако этот период длился недолго. На смену ему пришла ужасающая трагедия, навсегда стершая представление о нормальной человеческой жизни. В мае чета Рыскуловых приехала на короткий отпуск в Кисловодск. В это время Азиза Рыскулова была беременна младшей дочерью. За сорок дней до родов, 21 мая 1937 года, Турар Рыскулов был арестован в доме отдыха. Он был удивлен, но спокоен и заверил жену, что это недоразумение. Однако он глубоко ошибался. Через восемь с половиной месяцев, в ночь с 9 на 10 февраля 1938 года, его расстреляли в недрах Лубянки. Члены семьи Рыскуловых были в полной растерянности и отчаянии. Они не прислушались к советам друзей срочно покинуть Россию. Зачем бежать, если ты не чувствуешь за собой никакой вины? Тем более, что до рождения малышки, которую потом назовут Рида, оставалось всего несколько дней. Семью выселили из квартиры на Новинском бульваре и поместили в коммуналку на улице Русакова в Сокольниках. Через два месяца после ареста Турара Рыскулова младший брат Азизы, двадцатилетний Шамиль Исенгулов, был репрессирован за «контрреволюционную деятельность», приговорен к пяти годам лишения свободы и отбывал наказание в Коми АССР.

На его будущем был поставлен крест. Он вернулся из лагеря тяжело больным⁵.

В феврале 1938 года забрали и маму Азизы. Пятидесятитлетняя Арифа Атауловна, домохозяйка, была осуждена на восемь лет, как «шпионка Рыскулова» отбывала наказание в Акмолинском лагере. Она скончалась в 1945 году от кровоизлияния в мозг, немного не дожив до освобождения. За три дня до смерти она собрала свои вещи, и для каждого из своих детей сделала узелок, а затем передала их сокамернице. 30 апреля 1938 года Азизу отправили в лагерь вслед за матерью. Через пять дней после ареста её дочь Сауле Рыскулову, которой не было и пяти лет, отправили в детский дом в селе Дубки Одесской области Украины. В Карлаге Азиза Рыскулова встретилась со своей матерью, но они недолго пробыли вместе. Арифа Атауловна была отправлена в Акмолинский лагерь жён изменников родины, так они разлучились навсегда. Маленькая Рида, как и многие другие дети, в трехлетнем возрасте была отбрана у матери и отправлена в Осакаровский детский дом Карагандинской области. Азиза Рыскулова, арестованная в 26-летнем возрасте, провела в лагере почти 10 лет. Восемь из них по 58-й статье, как член семьи изменника Родины, остальное время в качестве вольнонаемной. В лагере Азиза работала ветеринаром. Она была хорошим специалистом, терпелива и неутомима, поэтому её убедили остаться на этой работе и после освобождения. После восьмилетнего срока Азизе Рыскуловой разрешили забрать дочь Риду из детского дома.

«10 лет без права переписки». Чтобы показать террор в более смягченном виде, чем есть на самом деле, репрессированных не только очерняли, но и их приговоры и исполнение наказаний умышленно скрывались. Одним из неопровержимых доказательств этого является формулировка – «осуждён в дальний лагерь на десять лет без права переписки», которую сообщали семьям тех, кто уже был приговорен к смертной казни. В Уголовном кодексе такого наказания не было. Указанная формулировка не была

формально законной. Её придумали в НКВД, чтобы скрыть количество приговоренных к смертной казни во время Большого террора (1937-1938 гг.). «10 лет без права переписки» затем заменяли свидетельствами о смерти от различных заболеваний или несчастных случаев во время пребывания в лагере.

На неоднократные обращения родных, которые не знали о том, что их отец или муж расстреляны, отправляли сообщения с этой формулировкой. Так продолжалось на протяжении и последующие годы. Даже после смерти Сталина многие жёны тех, кто был расстрелян, продолжали получать официальный документ, подтвержденный всеми возможными печатями, и не знали правды о смерти своих мужей. Эта ложь господствовала во времена Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко. Лишь в годы перестройки Постановлением КГБ СССР от 30 сентября 1989 года в документах о смерти жертв репрессий во время большого террора было разрешено указывать дату казни и настоящую причину смерти.

В эти годы свыше 670 тысяч человек были расстреляны по постановлениям «троек» при управлениях НКВД, решениям «двоек», то есть Комиссии наркома внутренних дел и прокурора СССР (Ежова и Вышинского) и по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР⁶. «Приговорён к десяти годам исправительно-трудовых лагерей без права переписки» – так офицерам НКВД было приказано отвечать на запросы родственников о судьбе расстрелянного. Согласно приказу, эта формулировка должна была сообщаться только устно. Было запрещено отвечать в письменной форме. В архиве «Мемориала» имеется редкий документ, свидетельствующий о нарушении этого требования. Это история одного документа. Наталья Дмитриевна Шаховская пришла в информотдел НКВД на Кузнецком мосту, чтобы получить какую-то информацию о судьбе арестованного мужа, написала заявление о своей глухоте и попросила дать письменный ответ. На той же бумаге сотрудник службы безопасности написал: «*сослан в лагерь без права пере-*

«Порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН», №108сс от 24 августа 1955 года.

Инструкция КГБ СССР 1963 года «О порядке рассмотрения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов».

писки». На самом же деле она не был глухой, а лишь хотела получить сведения о муже, жив он или нет. Воспоминания Натальи Шаховской и её дочери хранятся в архиве «Мемориала». «Мы десять лет ждали отца. Потому что, когда мама пошла узнать о его судьбе, сказали: “Ваш муж приговорен к десяти годам без права переписки”. Мы подумали, что раз нам так сказали в уважаемом учреждении, значит это правда. Так что моя мама всю жизнь прожила одна», – вспоминает дочь Натальи Шаховской.

Те, кому сообщили про «десять лет без права переписки», искали своих родных и жили с надеждой на встречу. Примером тому судьба нескольких семей, о которых мы расскажем ниже. В середине 1940-х годов начали истекать сроки первых репрессированных, приговоренных к «десяти годам без права переписки». Родственники надеялись

на амнистию, объявленную по случаю победы в войне, надеялись – что их мужья, отцы, братья скоро вернутся домой. Однако ни один из них не вернулся из этих «дальних лагерей», о которых сообщали в органах безопасности. В связи с неизвестностью судеб репрессированных начались обращения в силовые структуры. В приемных НКВД лежали письма, написанные Сталину, Калинину и депутатам Верховного Совета, в которых люди спрашивали, где их отец, муж, брат, сын. Большинство из них не только писали письма, но и приходили в правоохранительные органы в поисках ответов. Ещё в сентябре 1945 года начальник 1-го особого отдела НКВД полковник Кузнецов писал в докладной записке наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии: *«В связи с истечением десятилетнего срока в приёмные НКВД — УНКВД поступают многочисленные заявления граждан о выдаче справок о местонахождении их близких родственников, осужденных названным выше порядком. Докладывая об изложенном, полагал бы необходимым установить следующий порядок выдачи справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания: Впредь на запросы граждан о местонахождении их близких родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938 годах бывшими тройками НКВД-УНКВД, Военной Коллегией Верховного Суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, сообщать им устно, что их родственники, отбывая срок наказания, умерли в местах заключения НКВД СССР»*⁷.

О том, что предложение Кузнецова было одобрено свидетельствует докладная записка В.Н. Меркулова, В.В. Чернышова, Б.З. Кобулова, с резолюцией Л.П. Берии, в которой говорится: *«По существу предложения начальника 1 спецотдела НКВД СССР полковника тов. КУЗНЕЦОВА о порядке выдачи справок членам семей лиц, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД, Военной Коллегией Верховного Суда ССР и в особом порядке, считаем целесообразным: Впредь на запросы граждан о местонахождении их родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938*

годах бывшими тройками НКВД, Военной Коллегией Верховного Суда СССР и в особом порядке, сообщать им устно, что осужденные умерли в местах заключения».

Самый известный случай в Кыргызстане связан с судьбой репрессированного Торокула Айтматова. Он был политическим и государственным деятелем 20-х годов XX века. В 1929-1931 годах, был председателем Центрального Совета народного хозяйства Кыргызской АССР, до 1933 года – ответственным секретарем, затем 1-м секретарем Араван-Бурунского районного комитета ВКП(б). С сентября 1933 по 1935 год он был 2-м секретарем Кыргызского областного комитета ВКП(б)⁸. 1 декабря 1937 года был арестован и обвинен в том, что собирался *«свергнуть советское правительство вооруженным путем, создать буржуазно-националистическое государство под протекторатом Англии»* и являлся *«видным членом Социал-Туранской контрреволюционной-националистической партии»*, которая была разоблачена и уничтожена в Кыргызстане. Расстрелян Торокул Айтматов 5 ноября 1938 года. В последствии на долю Нагимы Айтматовой пришлось много испытаний. К тому же она происходила из социальной категории, не соответствующей идеалам советской идеологии. Нагима родилась в 1904 году в семье Хамзы Абдувалиева, уважаемого и состоятельного в Караколе человека, была хорошо образована. Её брак с Торокулом Айтматовым в 1926 году стал началом трудного пути. В 1935 году в разгар политических волнений семья переехала в Москву, а в 1937 году, с исключением из партии, репрессии коснулись и Торокула Айтматова. Арест Торокула Айтматова в период чисток 1937 года стал одним из самых тяжелых периодов в жизни семьи. Будучи женой «врага народа», Нагима Айтматова не могла устроиться на работу, получать государственные услуги, находилась под угрозой ареста. Пережив трагические последствия политических репрессий, Нагима и её дети стали свидетелями того, как взрослых мужчин семьи приговаривали к смертной казни, что не могло не оставить неизгладимый след в их жизни. Трагические события

показали стойкость Нагимы и её стремление защитить своих детей в эпоху политических преследований, которые сопровождалась личными жертвами. История семьи Айтматовых подчеркивает силу Нагимы в преодолении трудностей, созданных государством, в один из самых мрачных периодов советской истории, которые подвергли испытаниям семейные узы и напоминают нам о широком влиянии политических репрессий на общество. Арест Торокула Айтматова отразился на образовании и карьере его детей.

Тоталитарный режим скрывал проводимые им жестокие массовые репрессии, представлял себя как силу, несущую всем лишь благополучную жизнь и так легитимизовал свою власть. Тогда как жизнь членов семьи «врагов народа» сопровождалась преследованиями практически до распада СССР. В Советском Союзе в сталинскую эпоху ярлык «враг народа» очень широко использовался как инструмент репрессий, а жён тех, кого считали «врагом народа», часто отправляли в трудовые лагеря в системе ГУЛАГа. Этих женщин часто разлучали с семьями и детьми, подвергали принудительным работам, пыткам и другим тяжелым наказаниям.

Участь женщин в период репрессий была трагична, это разрушительно сказывалось не только на отдельных семьях, но и на обществе в целом, отдавались эхом на последующих поколениях, воспитанных матерями, несущими бремя государственных репрессий.

1. В. Е. Clements, *Daughters of Revolution: A History of Women in the USSR* (Illinois, 1994) p. 77.
2. Музей АЛЖИР. <https://museum-alzhir.kz/ru/o-muzee/istoriya-muzeya-alzhir>
3. Смаиловой Ш. Знаменитые имена «АЛЖИРА». – Мысль. – 2014. Сураганова З. К. АЛЖИР как феномен «женской» несвободы в репрессированной памяти казахского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2018. — № 5 (22).

4. Музей АЛЖИР. <https://museum-alzhir.kz/ru/o-muzee/istoriya-muzeya-alzhir>
5. Смаиловой Ш. Знаменитые имена «АЛЖИРА». – Мысль. – 2014. Сураганова З. К. АЛЖИР как феномен «женской» несвободы в репрессированной памяти казахского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2018. — № 5 (22).
6. Как скрывали правду о расстрелянных, или что такое «10 лет без права переписки»? <https://lib.memo.ru/book/20905>
7. Международный мемориал <https://www.memo.ru/ru-ru/> <https://lib.memo.ru/media/book/20905.pdf>
8. Айтматова, Роза Торекуловна. Белые страницы истории: (Мои воспоминания). – Б.: ОсОО «V.R.S. Company», 2013. – 268 с.

МАРИЯ – КЫРГЫЗСКАЯ СНОХА

Людмила МОЛДАЛИЕВА

Светлой памяти моей мамы посвящается...

Живу и люблю Кыргызстан, наши горы, народ и культуру. Всей своей душой я кыргызска, выросла здесь, долго жила в Нарыне. Моя семья как курак – из разных судеб и лоскутков. Особенный узор в нём – жизненный путь моей мамы. Мама из поволжских немцев, ещё раньше это сообщество тех – «кто не брал оружие в руки» (менониты), потому и кочевал народ в те земли, где это дозволено. Потом был тяжёлый период войны, когда советские немцы не имеющие отношения к тому что происходило в Европе, были изгнаны из Поволжья, подвергнуты гонениям. Мама в отличие от многих выжила. Её судьба переплелась с судьбой моего отца Жапара, родились две дочери. Так я обрела не только свою семью, но и родину – Кыргызстан. Родину, которую не променяю ни на что.

Михель (урожденная Гельвих) Мария Яковлевна, родилась 8 апреля 1912 г. в селе Моор Бальцерского района Саратовской области. Туда её предки переселились из Германии в XVIII веке. С 1941 по 1956 год находилась в концлагере «Трудовая армия» в г. Городок Бурят-Монгольской АССР. Похоронена в Бишкеке в 1991 году.

...Мария была младшим, двенадцатым ребёнком. Когда она родилась, старшие братья уже были женаты, но продолжали жить в семье. Накануне вечером на семейном совете старший брат Андрей сказал, что Марии учиться незачем, хватит в доме одной ученицы – Луизы.

Мария очень огорчилась таким решением семьи, ночью она тихо плакала в подушку от невозможности изменить что-либо. Очень уж она хотела учиться и поэтому решила подглядывать за старшей сестрой Луизой, когда та будет выполнять домашние задания.

Весь день Мария работала не покладая рук, но когда Луиза садилась делать уроки, она ближе передвигала к ней

ткацкий станок и заглядывала в её тетрадь. Вначале она ничего не понимала – какие то полоски, крючки, кружочки. Но потом, со временем уже начала различать письмо и арифметику.

Луиза вслух произносила всё, что писала, так ей легче было запоминать, а это как раз было на руку Марии, она вслед за ней повторяла написанное. Вскоре она выучила весь алфавит и могла читать по слогам, но цифры нравились ей больше, они были для неё развлечением: весь день она складывала, умножала, делила их и всё это производила в уме. Иногда спрашивала у сестры, что означает то или иное действие, почему только-что было много и вдруг ничего не осталось, куда всё делось?

В семье все любили Марию, она была тихим, ласковым ребёнком. Как-то раз брат Андрей, приехав с базара, позвал Марию к себе, погладил её по головке и сказал, что чуть не купил ей сегодня гребешок, но поскольку он оказался с маленьким дефектом, он не взял его, но обязательно подарит ей гребешок за все её старания.

Мария, от счастья что ей чуть не купили гребешок, не могла найти себе места. В тот день и в последующие дни она с радостью и с ещё большим рвением работала по дому. Мысль о том, что у неё чуть не появился собственный гребешок поднимала ей настроение. Ещё большее волнение у неё вызывало то, что старший брат заботится о ней – у неё были три старшие сестры, но брат именно ей чуть не купил гребешок... Ведь, как известно, в немецких семьях царили строгие правила, особой любви и внимания никто не проявлял открыто, все чувства были сдержанные.

Воспоминания о чуть не купленном гребешке, о тех радостных чувствах сопровождали Марию на протяжении всей её долгой жизни, они относили её в далекое детство, где она была так счастлива, почувствовав тогда любовь и заботу. Любовь в семье – это самое главное, что мы получаем в этой жизни, она и согревает нас на протяжении всей жизни. Так сложилось, что у Марии, когда она выросла и вышла замуж, были заботливый муж и добрая свекровь.

Рождение детей – это то, о чём может мечтать каждая девушка, входящая в новую семью. Большого достатка у них никогда не было, но все работали не покладая рук, чтобы прокормить большую семью.

Наступили тридцатые, голодные годы для Поволжья. Один за другим умерло трое детей, остался только сын Ваня. Мало им было бедствия от голода – тут ещё вскорости грянула война, которая разворотила их жизнь и пустила под откос жизнь всей семьи. Советские немцы попали в лагерь в самом начале Великой Отечественной войны, когда гитлеровские войска наступали по всем фронтам. Сталин дал приказ убрать местных немцев в глубь СССР, боясь, что они перейдут на сторону врага. Мужчин и мальчиков старше 12 лет пешком погнали из Саратовской области в Сибирь, женщин погрузили в товарные вагоны и отправили в места, где были самые тяжелые климатические и жизненные условия. Многие, кто посмел противоречить конвоирам, по прибытию на место заключили в лагерь под названием «Трудовая армия». Мама попала туда, из-за того, что заступилась за одну женщину, у которой отобрали детей. «Трудовая армия» – это концентрационный лагерь советского образца, подчинённый ГУЛАГу (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, специальное отделение ОГПУ и НКВД, осуществлявшее контроль над лагерями с использованием труда заключенных). Все живут в бараках за колючей проволокой, на работу ходят под конвоем, если кто-то умирает, бросают в общую яму, не засыпают пока, она не заполнится.

Муж погиб первым от истощения, едва добрался до лагеря, об этом Мария узнала уже спустя много времени. Её беспокоила судьба сына и матери, которые остались одни, когда её угнали в лагерь. Она понимала, что мать уже не выживет, но сын, совсем маленький, ему не было ещё и семи лет, где его искать, где он скитается, оставшись один на один в это суровое, военное время?

Сёстры и братья тоже были угнаны, по ночам Мария молила Бога, чтобы все они остались живы. О том, что у неё

впереди, она и думать не хотела, ей был дорог каждый прожитый день, он был ей дорог тем, что она ещё жива и не теряет надежду найти родных и сына. Когда-нибудь этот кромешный ад должен был закончиться, только вера в Господа помогала ей не терять надежду.

...Под резкие окрики конвоиров, а иногда и под удары прикладом по спине, едва переставляя занемевшие от холода ноги, колонна из нескольких сот женщин возвращалась в лагерь. Наконец, показались бараки, облегчённый вздох прокатился по всему строю. Под лай огромных овчарок, кидавшихся на них из-за высокого забора и команды «разойдись» – женщины разбредались по своим местам. Сидя на нарах, с трудом сняв с посиневших от холода ног тяжелые резиновые сапоги из толстого грубого материала, Мария с облегчением, усиленно растирала их руками. Эти сапоги были специально изготовлены для работы на рудниках, заключенные называли их «чтз».

Промывая вольфрам, стоя по колено в ледяной воде, мама тяжело заболела ревматизмом, и тогда её перевели на работу в конюшню. Там у неё была комнатка, где потом родились мы с сестрой. Жизнь на конюшне была, конечно, легче. Лошадям выдавали паёк зерновыми из которых мама варила нам кашу, паёк для лошадей был лучше пайка, который выдавался арестантам. Она стала возить директора фабрики на запряженной лошадей двуколке.

...Весть о Великой Победе над фашистской Германией застала женщин-лагерниц на лесоповале, где они валили лес на расстоянии 8-9 километров от лагеря. Услышав радостную новость, они бросились бежать в сторону лагеря, ни окрики конвоиров, ни их стрельба в воздух не могли их уже остановить, и тем пришлось броситься за ними следом. Они бежали, полагая что с Победой пришла их свобода, закончились все их беды и в лагерь они прибегут уже освобожденными... Они отбыли более трёх лет, но как оказалось, до свободы им осталось ещё долгих, невыносимо тяжелых одиннадцать лет только за то, что они родились немками...

Отец наш, Майлиев Жапар, был председателем колхоза в Кантском районе, по ложному доносу в 1942 году был осужден по 58 статье («враг народа») на 10 лет, без права переписки и сослан в г. Городок Бурят-Монгольской АССР, туда, где отбывала свой срок наша мама. Он был мастером на все руки, рубил сёдла из дерева, обтягивал их кожей, обивал фигурными гвоздями, создавая настоящее произведение искусства. Но больше всего ему по душе было кузнечное дело, где он не только мог ковать подковы, но и создавал украшения из серебра.

Рабочих рук не хватало, отцу дали статус «вольноходенец» для работы в кузнице, которая находилась в городе, отец мог свободно передвигаться по городу, но вечером обязан был возвращаться в тюрьму. Кузница и познакомила моих родителей, мама приводила туда своих лошадей менять им стертые подковы.

Мои родители были ограничены в своих действиях, им необходимо было получить специальное разрешение от комендатуры, получив его, они зарегистрировали свой брак. Первой родилась сестра Нина, но когда мама была в положении мной, срок заключения у папы закончился и он, конечно, засобирался домой. По прибытию он обещал вызвать нас с мамой, но по неизвестным нам причинам он этого не сделал.

Оказывается, папа давно принял решение, что не будет нас вызывать к себе и поэтому свидетельство о браке он оставил под клеёнкой на столе. Там дома у него была жена, хотя детей у них не было. Мы думаем, это решение было очень тяжелым для отца: он возвращался домой после десяти лет отсидки, женщина на которой он женился, была немка, и он не знал как бы всё это восприняли его родственники. Вскоре мама случайно обнаружила документы и сразу все поняла...

После смерти Сталина началось послабление для трудармейцев, но они все равно не имели права самостоятельно покидать трудовой лагерь: для этого необходимо было приглашение родственников. Дядя Андрей пригла-

сил нас к себе в Казахстан. Почти все братья и сёстры мамы оказались в северном Казахстане, по тем временам тоже не очень благодатном крае. Рядом с домом дяди был расположен санаторий «Боровое» для больных с легочными заболеваниями. Мама устроилась работницей на кухню в столовую санатория, и нам дали комнату в старой, заброшенной больнице в лесу, где в одной из пустующих комнат, более-менее пригодной для жизни, мы стали жить втроём с мамой.

Нам тоже хотелось жить в полной семье, чтобы и у нас был отец, как у других детей. Мы хотели найти своего отца, потому что помимо того, что нас обзывали «киргизухами», «детьми фашистки», в придачу к этому мы ещё были и «безотцовщиной».

Мама работала в столовой почти до одиннадцати часов ночи. Наигравшись на улице, мы с Ниной заходили домой, садились за стол, раскладывали папины фотографии и предавались мечтам о том, как бы мы жили с ним. Незаметно засыпали, положив головы на фотографии. Так было почти каждый день. Мама приходила, поднимала нас и укладывала в постель. Конечно, наши мечты о папе приносили ей много страданий. Она не знала что

Людмила Молдалиева с сестрой Ниной, отцом Жапаром, Ларисой (дочерью брата Вани) и матерью Марией.

Отец, мать с сестрой Ниной на руках, сзади брат Ваня и подруга матери.

Жапар и Мария.

делать, а мы, взрослея, всё больше и больше настаивали отвезти нас, чтобы хотя бы его увидеть и знать, что он есть у нас на самом деле. Маме было очень трудно, ведь отец по сути бросил нас, не позвал, не вызволил нас из трудового лагеря. Как бы он нас там встретил, возможно, у него были уже другие дети – все это очень пугало маму. Если бы он опять отвернулся от нас, это стало бы большой трагедией для нас с сестрой. Но мы настаивали, заставили маму, и она, взяв отпуск, решила повезти нас к отцу.

Весной 1959 года мы собрались в путь в далекую, но такую желанную нам страну Кыргызстан, страну, где жил наш Папа. Утром, перед дорогой, мама посадила нас и сказала: *«Я видела сон, видела всю нашу дорогу до самой встречи с отцом, вплоть до цвета чапана, который был на плечах его жены. Господь Бог показал мне наш путь, значит, я поступаю правильно»*. Мамин сон был нашим путеводителем, мы нигде не задерживались, а сразу шли в нужном направлении, так мы доехали до села, где жил папа. Ранним утром мы вышли в центре села у правления колхоза, и как было в мамином сне, нам навстречу шло стадо коров, идущие на пастбище. В сторонке стояли женщины, и мама сразу направилась к ним, представилась и спросила как найти ей Жапара, отца её детей. Они сказали, что он не живет в селе, а живёт в Казахстане, там где Кантский район арендует земли для зимовки скота. В то утро туда ехала машина с грузом, мама подошла к водителю и попросила нас туда отвезти.

Водитель, а это оказался папин двоюродный брат, сразу пошел к председателю колхоза. Они решили, что нам лучше переждать его здесь в селе, пока машина не вернется назад. Председатель сам подошел к нам и попросил дожидаться отца здесь.

Когда дядя приехал туда, он отвел отца в сторону и рассказал ему о нашем приезде. Не знаем, как папа отреагировал, многое, наверное, было передумано. Нелегко было и его жене, ведь приехали его дети, его законная жена, а у них был только приёмный сын. Как бы ни было, им пришлось со-

браться и ехать на встречу с нами. Как положено, она напекла боорсоков и сварила мясо.

Одна из женщин, сразу предложила нам пожить у неё эти дни. Мы взяли чемодан и пошли за ней. Но только мы зашли во двор её дома, как прибежал другой папин брат и забрал нас к себе. По дороге нас встречали толпы людей, весть о нашем приезде уже облетела все село. Все нас разглядывали, цокали языками, что-то говорили, но мы их не понимали.

На протяжении трёх дней до приезда отца дядин двор наполнился большим базаром. Люди приезжали из близлежащих сел, чтобы только посмотреть на нас – *«Жапардын немис аялынын кыздарына»*, большинство из них были наши дальние родственники. Они плохо знали русский, мы кыргызский, но общение наше шло полным ходом, потому что в основе разговора было любопытство и интерес друг к другу.

И однажды утром, мама сказала нам: *«Бегите, вон идёт ваш папа»*. Мы побежали навстречу отцу, он шел по тропинке через огороды, позади шла его жена.

Сёстры Людмила и Нина.

Мария с дочерьми Людмилой и Ниной.

Сёстры Людмила и Нина.

С криком: «*Нина, это наш папа*», я повисла у него на руке. Он наклонился, поцеловал нас и направился к маме.

Она стояла под деревом, на котором уже распустились листья, солнце только поднялось и мама стояла освещенная солнцем: высокая, статная, одетая в светлую ситцевую кофточку и прямую чёрную юбку. Волосы были заплетены и уложены короной на голове. Папа подошел и подал маме руку. «*Не знаю, Жапар, подать мне тебе руку или нет*», – сказала мама. Отец произнес слова извинения, и мы пошли в дом, с трудом пробираясь через толпу собравшихся людей.

В то время в аилах было много аксакалов. Это были седовласые, степенные и самые уважаемые люди. Собравшись в доме дяди, старейшина из аксакалов спросил у отца, намерен ли он оставить нас у себя? Если он этого не сделает, тогда аксакалы сами оставят нас, и будут помогать нам (эл багат, журт багат) и больше никогда не дадут нас в обиду. Они сказали, что эти маленькие девочки из нашего рода «бул эки тырмактай кыз биздин тукумдан» (на тот момент нам было 6 и 8 лет) заслуживают большого, огромного уважения, они проделали такой дальний путь из Монголии сюда в поисках отца и своей земли – поэтому не может быть никакой речи об их возвращении обратно. Они будут жить и расти на родной земле. Если их мать захочет, то пусть остается, не захочет – пусть уезжает, но эти маленькие девочки, уже больше никогда не покинут свою Родину. Конечно, они осудили отца за то, что он не вызвал нас к себе как обещал, а бросил одних в чужой стороне...

Аксакалы признали и свою вину, ведь все они знали, что у Жапара остались дети в Монголии, но никто не заинтересовался, не спросил у него про них. А эти две маленькие кыргызки показали истинную любовь к своей Родине, сами нашли дорогу домой, ту дорогу, которую должны были показать им они, заставив его вызвать их...

...Если у нас жизнь и наладилась, то мама переживала нелегкие дни. Её пытались отравить, угрожали ножом, требовали, чтобы она уехала вместе с нами, но всё потом

как-то образовалось. Мы всё понимали, что это было со стороны родственников папиной жены.

...Да, когда мы ехали в Кыргызстан, по дороге в поезде с нами приключилась невероятная история, воспоминания о которой заставляют нас переживать и по сей день. Кто-то в вагоне сообщил проводнику, что чеченка украла детей и везёт их в Кыргызстан. Чеченкой называли нашу маму, потому что она была черноволосая, её волосы отливали синевой, в народе такой цвет называют «воронное крыло». Когда поезд прибыл на очередную станцию, на перроне нас уже ждала милиция. Нас сняли с поезда и повели в отделение, мы начали плакать и говорить, что она наша мама, никакая она не чеченка, а немка, и зовут её Мария.

Разобравшись быстро, нас отпустили, и когда мы прибежали, поезд уже начал движение, мама успела закинуть нас, а сама стала медленно отставать, так как поезд быстро набирал ход. В поезде ехали солдаты, они взяли за руки цепочкой, один из них спрыгнул на землю, схватил маму за руку и затащил в вагон. Мы кричали, плакали, это были страшные минуты нашей жизни, мы чуть не уехали одни вникуда без нашей мамы...

...Папа с мамой прожили вместе до глубокой старости. Они всегда жили в мире и согласии, никогда я не слышала, чтобы папа повысил на неё голос, но мама могла, она была шумная. Когда приходила мама, заканчивалась тишина.

Самой большой мечтой мамы было дать нам с сестрой высшее образование, она всячески нам помогала, пока мы учились. Она говорила, что только образованный человек сможет занять достойное место в жизни и принести пользу своему народу. Плакала от радости, взяв в руки наши дипломы. Она всегда тянулась к знаниям, научилась самостоятельно читать на русском, но писала только на немецком языке.

Мама была старшей снохой в роду, поэтому все мероприятия проходили через неё. Она научилась хорошо понимать кыргызский язык, немного говорила на нём, но у нее он был свой особенный. Она говорила отцу каждую пятницу утром: «*Жапар, читай куранок*». Только спустя

годы я поняла почему она так говорила – она собрала два слова в одно: «*куран окуу*».

Мама соблюдала все обычаи, традиции, отправляла меня к снохам из нашего рода и говорила: «*пусть готовят дасторкон, идём читать куран*». Она была «киндик апа» (принимала роды) для многих детей чабанов, которые рождались на зимних пастбищах. Готовила для них специальную еду, необходимую для восполнения сил, ухаживала за новорожденными.

Когда чабаны вновь возвращались на зимнее пастбище, мы всегда ходили к ним на *өрлүктөл* (угощение по приглашению), поздравляли с благополучным возвращением. Её никогда не надо было просить что-то сделать, надо было просто сказать в её присутствии о своей проблеме, мама сразу сама предлагала свою помощь. Она умела ценить внимание, которое ей оказывали, и возвращала его вдвойне. Годы, проведенные в заключении научили её дорожить даже самым малым. Она говорила всегда: «*Кто малого не ценит – тот большего не достоин!*»

Учила нас взаимоотношениям в семье. Говорила, чтобы мы никогда не хаяли своих мужей другим людям. «*Плохой – не живи, живешь – терпи. Кто мужа своего хает, тот сам ничего не стоит*». Простые жизненные истины, но как они точно выражают суть отношений: не терять человеческого достоинства, уважать свою семью.

Я всегда жила далеко от родительского дома, но сестра жила в Бишкеке и каждую субботу с мужем ездили к родителям. И если иногда Нина не могла поехать в субботу к маме, то в понедельник, после одиннадцати утра мама была уже у неё работе с плетёной корзинкой в руках, в которой были молоко и испеченные ею лепешки. С вопросом: «*Дорогой ребенок, у тебя все хорошо?*» на немецком языке, мама открывала дверь в её кабинет.

Мама была очень беспокойной и заботливой, с отцом они приезжали к нам в Ташкент, Нарын. Почти еженедельно отправляла нам посылки в Нарын со всевозможными вкусностями, считая, что там нечего кушать кроме мяса.

Когда родители вернулись из Казахстана в село, папины друзья иногда подшучивали над ним, а иногда вполне серьезно говорили, что у него нет сына, жена его немка, сможет ли она достойно проводить его в последний путь? Возможно, папу это очень огорчало, но он отвечал им, что у него есть дочери, которых он воспитал как сыновей, зятя, которые сделают всё как положено, и никто не заметит, что у него не было сына. После похорон отца его друзья пришли и поцеловали маме руки, выражая свою искреннюю благодарность и признательность за достойные проводы их друга.

...Мама никогда не жаловалась, всегда с пониманием относилась к тому, что советская власть так несправедливо поступила с её народом. Она говорила, что время было такое, ничего не поделаешь. Когда первые немцы стали уезжать на постоянное место жительства в Германию, она никогда не высказывала своего мнения по этому поводу.

Конечно, в душе она тоже хотела увидеть свою далёкую историческую Родину, но об этом никогда не говорилось вслух. Она понимала, что мы никогда не поедем туда, что творилось у нее на душе, мы уже никогда не узнаем.

Мы не предложили ей самой ехать с сыном, может быть надо было бы так поступить, но почему-то это ни разу не пришло нам в голову. Она, возможно, и отказалась бы, но мы не дали ей такого шанса, скорее из-за своего эгоизма. Сейчас мы очень сожалеем об этом.

Мама составила завещание, подписала его. Я прочитала его вслух, когда мы собрались у её постели тогда уже тяжело больной. Она нас всех благословила, затем подозвала моего мужа и взяла его руку, поцеловала её и крепко, крепко пожалала. Она доверила ему всю свою большую семью.

Когда мама ушла из жизни, мы хоронили её по-христиански, потому что в последние годы своей жизни она приняла веру баптистов, католической церкви в Канте, да и в Бишкеке тогда не было, и она как-то так нашла свой путь к Богу. Всю жизнь она была верующим человеком, мы не слушали её и смеялись над её словами, когда она просила

нас обратиться с просьбой к Богу, говорили: «*Религия – опиум для народа*». Коммунистическая идеология вела мощнейшую пропаганду атеистического воспитания.

Нина купила для обивки гроба ткань – плющ золотистого цвета, мы привезли его в мастерскую, и там рабочие спросили у Пети жезде, что он шефа хоронит что ли? Петя сказал, что этот гроб для его тещи. У них молотки чуть не вылетели из рук от удивления, а Петя сказал, что его теща достойна еще более лучшего, это самое малое, что они могут для неё сделать.

Проводить маму в последний путь приехали все родственники из села и города, когда гроб с телом мамы опустили, то кто-то из родственников громко крикнул: «*Я айланайындар, неужели мы не прочитаем куран Мария апабызга, как это так?*» Дважды звучал Куран в тот день на христианском кладбище Чон-Арыка, разнося далеко над вечным покоем божественное слово по ушедшей из жизни замечательной женщины – кыргызской келин, нашей мамы.

...Когда я впервые летела в Германию, то при посадке самолета, увидев в иллюминаторе немецкую землю, я заплакала, мне стало обидно за маму, что она родилась и умерла, ни разу не увидев свою историческую Родину. Пока мама была жива, мы не имели возможности повезти её, а когда у нас появилась возможность, мамы уже не было с нами.

Мы не смогли её отблагодарить за всё, что она сделала для нас в этой жизни. За то, что не оставила нас в самые тяжелые минуты её жизни, за то, что переступив через свою гордость и осуждения близких, вернула нам отца и привезла на Родину. Она не только привезла нас домой, но и сделала нас полноправными членами общества, мы уверенно и твердо встали на ноги, потому что мы были на своей Родине..., а цену жизни на своей Родине мама знала как никто другой... Она была простой полуграмотной женщиной, но она понимала, что значит жить на своей земле, быть равной, равноправной, она хотела своим девочкам счастья и тепла у родного костра...

«ДОЧЬ ВРАГА НАРОДА». АВТОБИОГРАФИЯ АККАГАЗ АРАБАЕВОЙ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Айида КУБАТОВА

Долгое время было опасно даже упоминать его имя, но сегодня вряд ли можно найти человека, который не знал бы Эшенаалы Арабаева, который в годы независимости стал известен кыргызскому народу не только как педагог-просветитель, но и как общественно-политический деятель, принимавший участие в основании кыргызской советской государственности в начале XX века. Ещё до установления советской власти он был известен как педагог-просветитель не только кыргызскому, но и казахскому и узбекскому народам.

Думаю, что читатели меня не осудят, если я наряду с такими известными исследователями как А. Осмонкулов, Э. Маанаев, С. Байгазиев, С. Ожорбаева, М. Эсенгулова, Ж. Байдилдеев, Т. Абдрахманов и др. с гордостью отмечу и свой вклад в исследование педагогической и общественно-политической деятельности этого человека. В своих исследованиях я изучала его просветительскую деятельность, которую он вел ещё до установления советской власти и научно доказала, что этот великий просветитель, государственный и патриот являлся одним из видных представителей движения джадидизма в Кыргызстане, которое распространилось в колониальный период среди тюркоязычных народов, находящихся в составе российской империи, впервые реформировало мусульманское образование, а затем переросло в политическое движение. В настоящее время я работаю над тем, чтобы о нём узнали в таких странах, как Турция, Казахстан, Россия, Узбекистан, Япония. Признанием нашего вклада можно считать тот факт, что сегодня имя Эшенаалы Арабаева упоминается в одном ряду с А. Байтурсуновым, М. Дулатовым, М. Жумабаевым, М. Бехбуди, А. Авлони, А. Кадыри и другими известными просветителями Туркестанского края.

В ходе исследования, для нас было приятной неожиданностью обнаружить в Центральном государственном архиве Кыргызской Республики помимо документов и фотографии жены Эшенаалы Арабаева Кадичи и его каракольского учителя Заира Таирова. О нём мы узнали из рукописей самого Эшенаалы Арабаева, Таир Заиров не только обучал его, но и посоветовал ему углубить свои знания и продолжить обучение в России.

Позже мы познакомились с Майрамкан Арабаевой, дочерью Биймырзы Омурбай уулу, родного брата Эшенаалы Арабаева, у нас сложились очень хорошие отношения. К сожалению, она скоропостижно умерла от внезапной болезни. В нашу последнюю встречу почувствовав, что её состояние ухудшается, она попросила меня сводить её в Исторический музей. Когда мы пришли туда, она передала музею фотографию Эшенаалы Арабаева и справку о его реабилитации, которую она бережно хранила все эти годы. Я даже представить не могла, что это наша последняя встреча. Тогда же она передала мне стопку пожелтевших бумаг.

«Не думаю, что они представляют интерес для музея, отдам их лучше тебе, может быть, ты что-нибудь напишешь о моей сестре. Если я умру, то никто не узнает о них», – сказала она. Это были копии документов (среди них один оригинал), написанных дочерью Эшенаалы Арабаева – Аккагаз. Вскоре после этого Майрамкан Арабаевой не стало. Меня с ней познакомила исследовательница Миргуль Эсенгулова, нас троих объединял интерес к судьбе и наследию Эшенаалы Арабаева, мы были знакомы долгие годы и стали близкими людьми. Увы, люди уходят из нашей жизни, так уж она устроена. Очень жаль, что она не успела принять участия в мероприятиях к 140-летию просветителя оставившего значительный вклад в истории кыргызского народа. Она всегда оставляла все дела, когда дело касалось Эшенаалы Арабаева, она его очень ценила и гордилась родством с таким человеком. Сколько писем мы с ней написали, чтобы реализовать нашу идею документального фильма об Эшенаалы Арабаеве, сколько кабинетов обошли,

были у премьер-министра Абылгазиева, заместителя министра образования и науки, министра культуры Т. Казакова, А. Кулматов и др., обращались к депутатам К. Иманалиеву и К. Осмоналиеву, мы даже Президенту писали. Иногда мы переживали, что нашей мечте о фильме не суждено сбыться. К счастью, наша идея воплотилась в жизнь, и на «Кыргызфильме» режиссёром Б. Айдаралиевым был снят документальный фильм. Майрамкан Арабаева тоже дала интервью, и мы вместе с творческой командой побывали в Иссык-Кульской области и в Кочкоре. К сожалению, она на дожила до премьеры фильма. Эта статья не только в память о наказе Майрамкан Арабаевой, но и возможность рассказать людям о тяжёлой судьбе семьи после того, как Эшенаалы Арабаев, просветитель, стоявший у истоков не только нашей государственности, но и науки и печати, попал в жернова политических репрессий.

Информация подготовлена на основе автобиографии Аккагаз Азыковой (она взяла фамилию мужа), которую она несколько раз писала на кыргызском и русском языках. Мы узнали, что Аккагаз Арабаева родилась в августе 1914 года. У Эшенаалы Арабаева были дочь и сын по имени Эркин. Вероятно, Э. Арабаев назвал дочь Аккагаз, что значит – чистый лист, в честь Аккагаз Досжановой (1893-1932), одной из первых представительниц казахской интеллигенции, первой женщины-врача, активного члена партии «Алаш»,

Ишенаалы Арабаев.

*Заир Таиров, учитель
новометодной школы в
Караколе, где учился И. Арабаев.*

которая окончила в 1914 году женскую гимназию в Оренбурге, затем медицинский курс в Москве и медицинский факультет САКУ. Поскольку Э. Арабаев также был членом партии «Алаш», сотрудничал с газетой «Казак» и находился в тесном контакте с казахской интеллигенцией, то мог быть близко знаком с Аккагаз Досжановой. Можно с уверенностью сказать, что сына, появившегося на свет 10 августа 1924 года, он назвал Эркином с мечтой о независимости и свободе, к которой в то время стремился кыргызский народ. Это было созвучно с теми именами, которые давали своим детям его соратники: Абдыкерим Сыдыков назвал своего сына Эрк (что значило Эркин Кыргызстан – Свободный Кыргызстан), Абдыкадыр Орозбеков – Озгоруш (изменение, революция), Касыма Тыныстанов – Тендик (равенство) и Бирлик (единство).

В своей автобиографии Аккагаз Арабаева пишет, что её отец родился в селе Талаа-Булак Чолпонского района Тянь-Шаньской области в бедной крестьянской семье и потерял отца, когда ему было три года, и что его мать осталась с шестью малолетними детьми (два сына, четыре дочери) на руках, овдовевшая Жалчынчач (из этого документа мы узнали имя матери Э. Арабаева), чтобы содержать своих детей, нанималась на различные работы, а позже, когда дети подросли, старший сын батрачил у бая Омурбая, подросшие дочери тоже помогали матери, вышивали дома и обменивали это на еду.

Её отец окончил в 13 лет местную школу, в 1899-1909 годах обучал детей в селе Кунбатыш в Кочкоре и в Конур-Олене каракольского кантона, в 1910-1912 годах учился в медресе «Галия» в Уфе. Она отмечала, что в 1913-1916 её отец преподавал в школах сел Конур-Олен и Торт-Куль по новому методу. Действительно, в 1909-1912 годах Э. Арабаев учился в медресе «Галия», считавшемся самым передовым учебным заведением того времени, где знания давались по новым методам. Ещё во время учебы он написал предисловие и оказывал содействие в публикации произведения Молдо Кылыча «Зилзала», которое

считается первым произведением, изданным на кыргызском языке. В том же году Э. Арабаев совместно с казахским просветителем и своим другом Хафизом Сарсекеевым подготовили учебник «Алипбээ жаки тото» – букварь для кыргызских и казахских детей, и опубликовали его в издательстве «Шарк» в Уфе.

В автобиографии вкратце указано, что с 1918 по май 1933 года Э. Арабаев работал на советских, преимущественно педагогических, научно-исследовательских и преподавательских должностях, получал пенсию за педагогическую работу.

В другой рукописи Аккагаз Арабаева пишет, что в 1918-1919 годах её отец исполнял обязанности руководителя районного комитета Тонской волости, организовывал педагогические курсы, собирал устные народные произведения, был членом и председателем Жети-Суйского (Семиреченского) областного революционного комитета, принимал участие в работе I съезда союза «Кошчу» и IX Всесоюзного съезде советов в Москве, был заместителем председателя Жети-Суйского областного комитета союза «Кошчу», а также принимал участие во II съезде советов Жети-Суйской области. В той же рукописи она написала об исключении её отца из партии в 1925 году и отметила, что из-за отсутствия документов не знает точную причину.

В действительности же в 1925 году Арабаев критиковал местные власти за неверную реализацию политики «партии и народа» с А. Орозбековым, М. Янгулатовым, А. Сыдыковым, И. Айдарбековым и другими, подписал «Письмо тридцатки» в Центральный Комитет партии, отправленное в Москву, и как все, упомянутые выше, был обвинён и исключен из партии.

*Кадича Кайбылда кызы,
супруга Ишенаалы Арабаева*

В 1926-1932 годах. Арабаев преподавал командному составу милиции, в школе № 8, в партийной и медицинской школе. В 1931-1932 годах он был сотрудником Научно-исследовательского института и готовил учебники.

«Когда во второй половине мая 1933 года органы НКВД арестовали отца как «националиста», мне было 16 лет», – пишет дочь Арабаева, в другой автобиографии слово «националист» зачеркнуто и исправлено тушью другого цвета на «враг народа» (сделала ли это она сама или кто-то другой неизвестно). «До окончания следствия, в 1934 году (на самом деле он умер в 1933 году), мой отец умер в Ташкенте после болезни», – пишет она. В том же тексте приводятся подробные сведения о том, что после Октябрьской революции он работал в отделе народного образования, а с 1926 по 1933 годы работал преподавателем медицинской школы во Фрунзе.

До 1927 года Аккагаз, как и большинство детей, росла под опекой родителей. В 1927 году она была принята в Кыргызский педагогический техникум в Пишпек (учебное заведение было открыто 25 октября 1925 года как Кыргызский институт просвещения, а с 1928 года стало Педтехникумом).

Студенческая жизнь, стремящихся к знаниям молодых людей, не ограничивалась лишь учёбой, студенты также участвовали в музыкально-хоровой студии. В этом кружке принимали участие будущий композитор Абдылас Малдыбаев, поэт Жума Жамгырчиев, будущие воспитатели и учителя молодого поколения – Толонбай Данияров, Аккагаз Арабаева, Айшакан Тумонбаева и др. Введение в учебный процесс уроков физкультуры, открытие кружков спортивного профиля, например, кружка художественной гимнастики было для студентов чем-то новым. *«Наш учитель Базаркул привез из Москвы женщину, которая очень хорошо преподавала физкультуру. Мы даже не знали, что такое физкультура, только парни играли бегая туда-сюда. И эта новая учительница физкультуры начала преподавать художественную гимнастику. Базаркул агай проходил мимо нас и спрашивал, как проходит урок и что мы изучаем», – вспоминает Аккагаз Арабаева.*

Преподаватель педагогического училища Владимир Образцов организовал изостудию, одним из активных участников которой был будущий известный художник Гапар Айтиев¹.

Вместе с Аккагаз Арабаевой учились около десяти первых образованных по тем стандартам кыргызских девушек – Мискина Алиева (жена известного государственного деятеля Осмонкула Алиева, её девичья фамилия Тана кызы), Айшакан Карасаева (в то время Тумонбаева), Нурия Эшмамбетова, Курман Кыдырбаева, Гульниса Мамбетова и др. Они жили в общежитии. Директор учебного заведения Петр Кузьмич Юдахин искренне заботился о девушках и старался создать для них комфортные условия. Аккагаз Арабаева вспоминает, что он переживал за девушек, иногда приходил сам, чтобы убедиться, что все хорошо, даже приходил в столовую, посмотреть всё ли в порядке. Вместе с П. Юдахиним кыргызский язык студентам преподавал и Б. Данияров, возглавлявший учебный отдел. Он был близок к молодежи и учил их чётко и ясно выражаться на кыргызском языке, петь, танцевать кыргызские танцы, издавать газету на кыргызском языке. Однажды Базаркул Данияров сказал: *«Аккагаз, ты хорошо пишешь диктанты и сочинения, а Гапар Айтиев хорошо рисует. Было бы хорошо, если бы вы вдвоём издавали газету для октябрят и пионеров, и назвали её “Балапан”. Так мы с Гапаром и с несколькими помощниками издавали в техникуме газету на кыргызском языке» – вспоминает она.*

Справка о реабилитации Э. Арабаева, выданная дочери Аккагаз.

Майрамкан эже, внучка брата И. Арабаева.

При содействии Базаркула Даниярова в техникуме было организовано пять пионерских отрядов, для них вели работу хоровые студии. Субан Юсупов был назначен пионервожатым. В хоровом кружке участвовали А. Малдыбаев, Ж. Жамгерчиев, Т. Данияров и др. А. Арабаева, Айшакан Карасаева, Гульниса Мамбетова были солистками хора и ставили концерты в театре союза «Кошчу». На праздники или по другим поводам в техникум приезжали государственные деятели и писатели, такие как Дж. Абдрахманов, Турдалы Токбаев, Баялы Исакеев, Осмонкул Алиев, Эркинбек Эсенаманов, Торокул Айтматов, Сатар Кулматов, Абдыкадыр Орозбеков, Таш Кудайбергенова, Нуркул Кулназаров, Батырхан Мээрханов. Говорится также, что они были очень удивлены, когда кыргызские девушки выполняли для них упражнения по спортивной гимнастике.

Окончив педагогический техникум, Аккагаз работала ассистентом в педагогическом кабинете при том же техникуме. В 1933 году выпускников перевели в педагогический институт. Её как студентку, которая хорошо училась и активно участвовала в общественной жизни, приняли на исторический факультет. После того как её отец Э. Арабаев одним из первых среди кыргызской интеллигенции был арестован по ложному обвинению, Аккагаз, только что оправившееся после тифа, как «дочь арестованного врага народа» была исключена из института и уволена с работы. Мало того, её исключили из рядов комсомольской организации, в которой она состояла с 1928 года. Разумеется, это было большим ударом для семьи Э. Арабаева, особенно для молодой девушки. Таким образом, её исключили из института, и она на полтора года осталась без работы. Когда она встретила своего учителя Базаркула Даниярова, то от обиды начала плакать и сказала, что не знает, что делать, кыргызских школ не было, а школа № 9 находится очень далеко и там нет мест, он ответил: *«Доченька ты и дома можешь учиться. Не обращай ни на что внимания, трудности пройдут, и ты вернешься. Я знаю, что ты очень старательная»*, – утешал он её.

Дома она занималась воспитанием своего младшего брата Эркина¹, которому только исполнилось девять лет.

После ареста отца её мать, чтобы содержать детей, должна была работать. Её мать Кадича была дочерью Кайбылды Алматаева², который в своё время был уважаемым и зажиточным человеком в Тонском районе.

Не зная, как быть Аккагаз, понимая, насколько это будет нелегко, была вынуждена снова обратиться к Базаркулу Даниярову. Но несмотря на то, что в то время помогать Аккагаз, считавшейся «дочерью врага народа», было очень опасно, Базаркул Данияров, проявил участие к судьбе девушки, и пригласил её в техникум и устроил её на должность методистки-лаборантки. Также он оказал содействие, чтобы её в 1936 году снова приняли в пединститут. Однако по семейным обстоятельствам она не смогла продолжить обучение. Данияров всеми силами помогал дочери известного просветителя Арабаева в то время, когда от неё отвернулись родственники и знакомые. Аккагаз всю жизнь была благодарна своему учителю, который позже также станет жертвой репрессий. С 1934 по 1938 год её никуда не брали на работу. Её мать устроилась на швейную фабрику, и несмотря на небольшую зарплату все были рады, что ей удалось устроиться на работу. Она и дома брала заказы и шила, дочь помогала матери, так они зарабатывали на жизнь. В 1934 году Аккагаз вышла замуж за своего двоюродного брата Кулия Азыкова, он заведовал кафедрой и преподавал агрономию в Комвузе во Фрунзе. Она взяла его фамилию, а также сменила отчество и стала Азыковой Аккагаз Алиевной. Женитьба на «дочери врага народа» имела последствия и для её мужа. По воспоминаниям Аккагаз, *«за то, что он женился на мне, его несколько раз исключали из комсомола и вновь принимали»*. В 1939–1946 годах К. Азыков принимал участие в Великой отечественной войне в составе советской армии. После возвращения он продолжил работу в научно-исследовательских учреждениях сельскохозяйственного направления. Кулия Азыков поддерживал Аккагаз и пытался облегчить её участь, он стал настоящей опорой для семьи репрессированного Эшенаалы Арабаева. После того, как Кулия и Аккагаз поженились, их жизнь действительно начала меняться к лучшему.

«В 1938 году я написала специальное обращение нашему отцу Калинину, председателю Верховного Совета СССР, о своём положении, о том, что я без всякой вины не работаю и не учусь. И только после того, как этот человек направил специальное письмо в Министерство просвещения Кыргызстана о том, что я имею право учиться и работать, я получила возможность преподавать кыргызский язык в русских школах», – вспоминала она.

В 1938-1939 годах из-за нехватки учителей она работала учительницей в школах №4 и № 23. Аккагаз, владевшая русским и кыргызским языками, в 1939-1941 годах работала переводчиком в Кыргызском телеграфном агентстве. В эти годы она училась на вечернем отделении Педагогического института, затем перевелась на заочное отделение литературного факультета, который и окончила. В годы Отечественной войны, а затем и в 1946-1947 годах, она была заведующий учебной частью в школе № 28 города Фрунзе, затем в школе № 1 в Кочкоре, а в 1947-1949 годах работала учительницей кыргызского языка в медицинском учебном заведении во Фрунзе, где до ареста работал её отец. За вклад в дело обучения молодежи, вопреки всем трудностям, Аккагаз Арабаева была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.».

С точки зрения современности может показаться странным что в 1947 году Аккагаз вступила в партию. Возможно, то, что она стала членом партии, которая имела прямое отношение к смерти самого близкого ей человека, образованнейшего человека своей эпохи, гуманиста, несмотря на преданное служение людям, ставшего жертвой власти, было связано с тем, что ярлык «дочери врага народа» бросал тень на её имя, к тому времени уже известного педагога, и был способом избавиться от надвигающейся беды, или же она, как и её отец, верила советской власти и думала таким образом послужить родине. В любом случае, не имея разъяснений от самой Аккагаз Арабаевой, мы можем только предполагать. В своем заявлении о вступлении в партию она написала: «Я не знаю, был ли он действи-

тельно националистом или выступал против советской власти. Никаких действий или слов, сказанных моим отцом против нашей партии и правительства, я не замечала. Я представляю своего отца лишь опытным педагогом», – искренне защищала она отца, однако писала, что «меня воспитала и обучила Коммунистическая партия и правительство. Моя цель – оправдать доверие партии и правительства и стать достойным тружеником социалистического общества», – писала она, добавив слова, которые заставляют содрогнуться: «если мой отец действительно выступал против политики партии и правительства, то он правильно наказан». Как писала его дочь, Эшенаалы Арабаев и другие в то время не выступали против советской власти, они хорошо понимали силу советской власти, поэтому их родственники также знали, что они преданно служили своему народу, своей стране и советской власти. Однако власть демонстрировала свою силу, уничтожила тысячи людей, чтобы запугать народ и управлять ими беспрекословно. Их семьи долгое время страдали от этой власти, они не имели права получать образование или выезжать в другие места. Это было время заставившее детей ненавидеть родителей, время, настроившее друг против друга братьев и сестёр.

На наш взгляд эти рукописи показывают превратности судьбы не только Аккагаз Арабаевой, несшей бремя дочери «врага народа», но и детей Торокула Айтматова, Баялы Исакеева, Жусупа Абдрахманова и других тысяч репрессированных, которых постигла схожая участь, оставившая след в их сердцах, и считаем, что необходимо представить их общественности как некий исторический документ.

1. Орузбаева-Даниярова К., Даниярова А. Базаркул Данияров – первый педагог. Портрет на фоне эпохи. – Бишкек, 2021. – С. 148.
2. Эркин Арабаев (1924-1995) окончил Сельскохозяйственную академию имени К. И. Тимирязева. 17 лет работал ректором Сельскохозяйственного института имени К.Я. Скрябина.
3. Рукой Аккагаз написано «из зажиточной семьи, дочь кулака», эта ремарка написана на краю бумаги другими чернилами, заметно, что это написано по принуждению, мы думаем, что сама бы она так не написала.

ПАМЯТЬ ОБ УРКУНЕ, ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Гульзада АБДАЛИЕВА

*Каргыштын шамы жанганда,
Жазыксыз кандар тамганда.
Таяныч издеп тырмалап,
Жөө-жалаң жолго салганда.
(Когда загорелся пожар проклятый
И пролилась кровь невинных людей,
Из последних сил ища опоры,
Мы вышли в дорогу, полную лишений.)*

К. Тыныстанов

Исследования памяти показывают, что на протяжении всей истории человечества существовало множество форм насилия в отношении женщин. В истории кыргызского народа один из самых трагических эпизодов – это восстание 1916 года – Уркун. События 1916 года, в особенности то, что пришлось пережить женщинам, сохранились глубоко в памяти кыргызского народа и передавались из поколения в поколение.

Восстание 1916 года охватило всю территорию Туркестана. 100 населенных пунктов Ферганской области, 28 населенных пунктов Самаркандской области и 20 населенных пунктов Сырдарьинской области охватило восстанием. Однако самое массовое и кровопролитное восстание произошло в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области. Так как ни в одном другом районе Туркестана местное население не столкнулось с таким тяжелым положением, как в Семиречье.

На севере Кыргызстана первые волнения начались в июне-июле и характеризовались определенными особенностями. В восстании участвовали кыргызы, казахи, дунга-

не, уйгуры, сарт-калмаки, татары, а также некоторые русские и украинские крестьяне. Восстание переросло в вооруженное столкновение с хорошо вооруженными царскими войсками. После разгрома восстания кыргызы, преследуемые карателями были вынуждены бежать в Китай. По данным К. Усенбаева, количество беженцев составило 164 тысячи человек, 130 тысяч из них это кыргызы, составлявшие треть северных кыргызов [11, 236]. Если быть точнее, то в Китай бежали 27 тысяч семей из Пржевальского уезда, 8 тысяч семей из Пишпекского уезда, 10 тысяч семей из Джаркентского и Верненского уездов.

Так, 35 тысяч кыргызов из 32 волостей Пишпекского и Пржевальского уездов отправились в Учтурпанский и Аксуйский уезды Восточного Туркестана, а кыргызы-казахи из 7 волостей Джаркентского и Верненского уездов отправились в Текес, Кунос и другие населенные пункты, расположенные на территории уезда Кульджа. Кроме того, в Китай бежали жители 5 из 13 волостей Ат-Баши в Нарыне [11,148].

«Беженцы прибыли на территорию Китая в конце сентября и начале октября», –

*Центральный
государственный архив
кинофотофонодоку-
ментов КР.
Асылбаш. Участники
восстания 1916 года.
Дата съемки: 1931 год.*

сообщал русский драгоман в Кашкаре Г. Ф. Стефанович. В конце сентября – начале октября кыргызы и казахи, жители 39 волостей Пишпекского, Пржевальского, Джаркентского, Копальского и Верненского уездов Семиреченской области, не смогли оказать сопротивления карательным отрядам царской армии и бежали в Китай [14, 4].

Вынужденный исход кыргызов в Китай после подавления восстания в Семиреченской области Туркестана получил название и остался в памяти народа как «Үркүн».

Алыйман. ...Судьба Алойман тесно связана с историей сорока мучеников – «Кырк шейт». Во время восстания 1916 года те, кто не смог бежать в Китай, были вынуждены прятаться в укромных местах. Абатбеку Борубай уулу было 13 лет, когда произошла эта история. «Жители Ак-Терека прятались в пещерах. Следовавший за ними карательный отряд остановился в урочище Кен-Булуң в селе Ак-Терек Тонского района. Расположившись в юрте, они потребовали “найти девушку”. Двух-трёх девушек, которых им привели, они нашли некрасивыми. После того, как распространился слух, что ищут девушку для начальника отряда, всем симпатичным девушкам нанесли на лица сажу, одели в плохую одежду. Одну девушку стащили с лошади и умыли, она оказалась красавицей. Когда 16-летнюю Алойман, дочь Касыма, уводили солдаты карательного отряда, её мать Айша закрыла лицо руками и зарыдала со словами: “Её же уже засватали”. Глава карательного отряда, забрал девушку на одну ночь, наутро зарезал одного барана, которого взял у местного кыргыза, и вернул её домой.

Алойман, не стерпев такого насилия, несколько раз пыталась покончить с собой. Однако её мать, братья и сёстры следили за ней и сохранили ей жизнь. Позже Алойман вышла замуж и родила двоих детей» [6, 35].

Подвергшись насилию со стороны палачей карательного отряда, Алойман получила психологическую травму и

хотела покончить с собой. Только благодаря поддержке родителей, братьев и сестёр она смогла выйти из сложной ситуации. То, что случилось с Алойман – лишь малая часть того, что пришлось пережить девушкам и женщинам на территории Кыргызстана в 1916 году.

Положение беженцев в Китае. Беженцы-кыргызы, которым удалось пересечь китайскую границу, подвергались ограблениям со стороны кочевавших в этих местах калмаков. Они захватывали у кыргызов скот, имущество и женщин. После этого местная китайская верхушка принуждала отдать в дар оставшееся имущество. Оказавших сопротивление было принято жестоко убивать и забирать все вещи.

Кыргызов было много в городах Учтурпан и Аксу (Алтышаар) Восточного Туркестана. Не все, кто бежал в Учтурпанский район через перевал Бедель смогли сохранить свой скот: лишь 10% лошадей, 25% баранов, 50% верблюдов. Скот, который дошел до границы Китая, почти полностью пал из-за отсутствия кормов и тяжелого пути. Цены на одежду, продукты питания и товары выросли, а в Какшаале и Учтурпане начался голод [14, 5].

Когда настала ночь стали приходить русские солдаты, они стали грабить нас, отбирали от нас что им пришлово. Бесчинствовали над киргизскими девушками и молодыми женщинами. Утром продолжили нас допрашивать. Кто проходил через допрос, отлучали.

Маз.ч уулу

	б.т.т.
1. 1916 жылы Кашкарага калмак башкары уулу арасында бир дошка бир	1. 42
2. 1918 жылы Кашкарага калмак башкары уулу арасында бир дошка бир	73-79
3. 1918 жылы Кашкарага калмак башкары уулу арасында бир дошка бир	90-92
4. Кашкарага калмак башкары уулу арасында бир дошка бир	82-84

История А. Алыманов
/ историк уулу /

Перед киргизов китайцы и калмаки поданные киргизов целый день впереди, у киргизов/калмыков/женщины и дети целый день и ночь пасут скот, а калмаки им глаз для сна не дают.

Калмаки-женщины-бегенки солдаты в публичных местах в [Гылае,] янсаале и других городах.

Рукописный фонд НАН КР.
Инв. 1519 (Г). Л. 8.

Рукописный фонд
А. Тыныбекова,
Фонд рукописей НАН КР.

Рукописный фонд НАН КР.
Инв. 136. Л. 120.

К. Карасаев так писал об этом в своих воспоминаниях: «Однажды пришли четыре молодые женщины. В изношенной одежде и обессиленные. Исхудавшие до изнеможения. Оказывается, когда люди худеют, то кожа лица прилипает к кости. От голода мужчины умирают как минимум на неделю раньше женщин. Тогда я заметил, что женщина более вынослива и к тяжелой жизни, и к голоду. Кажется, моя мать что-то налила пришедшим женщинам. Отец же сказал: “Доченька, пей понемногу, если много выпьешь, то можешь умереть, пицевод не выдержит”. У одной из них, когда она немного поела, изо рта пошла пена, она сразу умерла. О боже мой, я впервые видел, как голодающий человек умирает от приёма пищи. Такое происходило повсюду. Зимой, одну часть павшей от голода лошади, съедали собаки, а вторую – беженцы-кыргызы. Ходили слухи о случаях людоедства. Все увиденное и услышанное навсегда осталось в моей памяти» [13, 320].

Драгоман Г. Ф. Стефанович отмечал, что в Учтурпане и Аксу уйгуры и дунгане за одну дыню, один арбуз, одну тарелку пшеницы покупали не только одну овцу, одну лошадь, но и жеребёнка [14, 127].

Тяготы и лишения, бежавших в Китай, подтверждают и донесения войскового старшины Семиреченского казачьего войска П.В. Бычкова и драгомана российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефанович («Уход восставших киргиз в Китай»): «Кыргызы, потерявшие скот и не имеющие ничего, кроме домашней утвари, были вынуждены продавать предметы первой необходимости – одежду, казаны, чайники, седла, конскую упряжь и другие вещи, чтобы не умереть с голоду. Из-за высоких цен в Учтурпане и Аксу беженцы-кыргызы начали умирать от голода. Большинство из них болели тифом, черной оспой и другими заболеваниями...находясь в безвыходном положении, кыргызы были вынуждены продавать местному населению своих маленьких детей, девочек старше 12 лет по 30-40

сомов (когда стоимость сома составляла 3 тенге вместо 12 тенге)» [13, 89].

*Качууга айла калган жок,
Качалы десек дарман жок.
Эсил кайран эл журтум,
Көрүп алсак арман жок.
Топурагың бизге алтын,
Тозокто калдык кыз-катын
(Горемычный наш народ,
Не увидеться нам вновь.
Не суждено нам увидеть родную землю.
Нам не спастись.
Бежать нет сил.
Девушки и женщины вынуждены остаться
здесь – в аду.)*

Так А. Тыныбеков описал боль и страдания вынужденно проданных кыргызских девушек и женщин, бежавших в Китай в результате восстания 1916 года против Российской империи.

Судьбы проданных девушек и женщин.

*Катын, кызын сатса да,
Карандай тамак дартынан
Көбү болду дубана
(Чтобы выжить,
Вынужден был продать жену и дочь.
Кого-то взяли в услужение,
Многие пошли по миру.)*

А. Тыныбеков. Рукописный фонд НАН КР. 73 с.

Невозможно описать все лишения и страдания народа, которые пришлось ему пережить в дороге и на чужбине. С одной стороны их убивали каратели, хорошо оснащенные и едой, и оружием, с другой стороны им преграждали путь и пугали высокие горные хребты и перевалы, и ещё они

были ослаблены голодом. Особенно тяжело приходилось тем, кто нёс на себе какой-то груз, тем, кто был голоден и раздет, маленьким детям, старикам и матерям с детьми.

Если обратить внимание на полную трагедий историю Уркуна, то следует отметить две вещи, касающиеся продажи кыргызских девочек-подростков и молодых женщин в Китае из-за голода. Во-первых, часто кыргызы, оставшие от кочевья, не были уверены в своем завтрашнем дне и были вынуждены оставлять своих детей на воспитание кому-то из сердобольных местных жителей, в надежде, что если они выживут, то вернуться и заберут их. Во-вторых, родители были вынуждены продавать своих более бойких детей-подростков, чтобы спасти жизни других своих детей. В то же время на эти средства родители пытались хоть на время спасти оставшихся маленьких или слабых детей в надежде на лучшее. Сколь бы не была трагична эта альтернатива, но это был последний отчаянный шаг совершенно бесправных и несчастных кыргызов по спасению своих проданных и оставшихся детей от голодной смерти.

В этом заключалась особая, полная трагизма философия «Уркуна». Эта была последняя надежда выживания горемычных кыргызов на спасение своих детей от голодной смерти. Они надеялись, что сколько бы унижений и насилия не пришлось пережить их сыновьям и дочерям, проживая у чужих людей если им как-нибудь удастся выжить, то они родители позже смогут спасти их, устроить побег и забрать на родину.

«Имеющий дочь и горный хребет перейдёт». «Неспроста кыргызы придумали пословицу “Имеющий дочь и горный хребет перейдёт”. Люди, у которых были дочери, продавали их, чтобы выжить. Думаете, они много скота и имущества получили за них? Самое большее – одну верховую лошадь и мешок ячменя. А наша несчастная сестра оставалась в чужой стороне проливая слёзы. Даже если бы её не продали, она бы без сомнения умерла

бы от голода», – писал К. Карасаев [10, 319].

О трагедии бежавших в Китай рассказывал и манасчы Саякбай Каралаев: «Мы бежали без оглядки, ели туши умерших в дороге лошадей, так мы дошли до Аксы. Там и начались страдания людей. Дома нет. Лежали на земле у стен домов. За красивых девушек давали лишь по две тарелки кукурузы, мы были в отчаянье. Зима 1916 года. Много людей умерло» [4,8].

А вот рассказ Сейдакан апы, бабушки преподавательницы ИГУ им. К. Тыныстановна Ч. Сооронбаевой: «Когда они шли с кочевьем, то видели тела мёртвых людей, лица которых были закрыты войлоком. Их, вероятно, не успели похоронить. Моя бабушка Сейдекан рассказывала мне, что, когда жила в Китае, она встретила двух девочек из племени сарыбагыш, одной из них было 10 лет, а другой 7 лет. По словам девочек, после смерти матери отец от отчаяния был вынужден продать их одному китаюцу. Я слышала, что старшую из девочек китаец взял в жены, а младшую взял в домработницы».

Таким образом, мы можем отметить, что кыргызские девушки и молодые женщины в Китае

Иллюстрации к повести К. Баялинова «Ажар». Фрунзе, 1965.

сталкивались и с социально-экономическим давлением. Если старшая из проданных девочек подверглась сексуальному насилию, то вторая, чтобы выжить, вынуждена была пойти в наём и работать по хозяйству, конечно же её труд не оплачивался [8].

*Катын, кызың сатылып,
Ачка болдук кесел дарт.
Алып койду кызыңды,
Кытай, калмак, дунган, сарт.
(Продавал жён и дочерей
От голода и холода.
Забрали твою дочь
Китаец, калмак, дунганин и сарт.)*

А. Тыныбеков (Рукописный фонд НАК КР. 79 с.)

К. Карасаев же рассказывал следующее: «Когда мы бежали, я видел сидящих на дороге раздетых кыргызов, которые отморозили руки и ноги и умоляли: “возьмите меня с собой, я человек”». Также К. Карасаев в память о кыргызской девушке писал: «О, брат мой, я была из рода саяк. У моих сородичей было много скота. Я вышла замуж лишь незадолго до Уркуна. Когда мы бежали меня вместе с моим верблюдом захватил калмак. Два раза я пыталась бежать в сторону Иссык-Куля, но мне не удалось. Он избил меня и вырвал клоч волос. Кто теперь будет искать меня!!!». [10, 316].

В своем поэтическом произведении Актан Тыныбеков так перечисляет города Китая куда были проданы кыргызские девушки и женщины:

*Сатылып кеттик кор болуп,
Катын болуп кытайга,
Кара калмак кечилге.
Манжу менен мугулда.
Какшап калдык Кашкарда
Кара-Шаар, Ак-Сууда,
Көбүбүз кеттик Бээжинге.
Катын болуп кытайга,*

*Үрүмчү, Кулжа, Кумулда,
Кара калмак Кучада
Какшап калдык Кашкарда.
(Мы проданы, теперь мы
презренные жены китайцу,
Черному калмаку-монаху,
Манжу и мугулу.
Остались мы, горько рыдая в Кашгаре,
Аксу и Кара-Шааре,
Став женами китайцев,
Многие ушли в Пекин,
Урумчи, Кульджу, Кумул
Среди кара-калмаков в Куче,
Остались мы, горько рыдая в Кашгаре.)*

А. Тыныбеков (Рукописный фонд НАК КР. 89 с.)

Как отметил в своем произведении А. Тыныбеков, кыргызские девушки и женщины были проданы и в такие крупные китайские города, как Пекин, Кашгар, Кульджа и Куча. Драгоман Г.Ф. Стефанович в своих донесениях сообщал, что кыргызских девушек и женщин продавали в качестве проституток в крупные города вплоть до Шанхая. В этих донесениях он приводил информацию о том, что, проданные в публичные дома девушки, не вынеся насилия, покончили жизнь самоубийством, выпрыгнув со второго этажа.

По информации жителя села Кок-Терек Текесского сельского округа Или-Казахского автономного района Китая Абдымолдо Баке: «Бежавшие люди страдали в пути, многие люди погибли от голода и грабежей. Столкнулись с трудностями на границе, пришедших людей гнали назад, говорили, что “вы народ русских”, а сзади догоняли русские солдаты, и между этим в дороге погибло ещё больше людей. За местом под названием Сайкал есть перевал. Чтобы дойти до Иссык-Куля нужно перейти этот перевал, сейчас он называется Кыргыз-Сай или Кыргыз-Ашуу. Когда они прибыли сюда, люди расселились в разных местах, некоторые и до Урумчи дошли. Известно, что в

дороге, не имея возможности их содержать, они оставляли своих сыновей и дочерей разным людям. Были дни, когда они отдавали дочерей замуж и получали толокно. В таких условиях их положение было особенно тяжелым и безвыходным, если они и доживали до весны, то там, куда им пришлось бежать, не было никакого послабления, когда их нанимали работать в поле» [5].

Известный историк К. Усенбаев, отмечает, что около четырёх тысяч девушек и молодых женщин были проданы в Китае состоятельным людям [11, 2].

Спрятанные в одеяла и потник. Так как во время Уркуна в Китае местные народы силой похищали красивых девушек, то беженцы-кыргызы придумывали различные ухищрения, и в памяти народа сохранились различные истории о том, как заворачивали и прятали девушек в одеяла или в войлок. В качестве примера можно привести слова Асылкан Токторбаевой (город Каракол): «Мать моей бабушки, Жумакан Турдубай кызы, родилась в 1905 году. В Уркун ей было 11 лет. Они жили на Иссык-Куле в селе Шаты. По её словам, китайские пограничники вырывали из рук бежавших кыргызов их дочерей, учиняли насилие и забирали в другие места. Маму моей бабушки, так как она была маленькой, её отец спрятал у себя в тулупе, он подпоясал её к себе ремнем, так она прошла незамеченной через границу» [9].

А Осмон Ибраимов вспоминает такую историю: «Мою бабушку, жительницу села Кереге-Таш, Кыдыкову Кенжей, на границе с Китаем, когда приближались пограничники, закрывали потником» [3].

Памятные реликвии. Девушки, бежавшие в Китай и проданные от безысходности, прочно сохранили в памяти воспоминания о родине, где они родились, выросли и о родителях. Как реликвию хранили оставшиеся от прошлой жизни: перламутр, серьги, перья совы для головного убора, темир комуз и др.

«...Мы прибыли на границу с Китаем – Сумбе. Встретил одну кыргызскую девушку. Эта девушка просила: “Я не хочу здесь оставаться. Пусть меня спасут из этого плена. Пусть меня отдадут за самого бедного кыргызского парня. Я согласна. Можешь забрать меня и назвать сестрой, а если не можешь забрать, то сделай мне темир комуз, чтобы я играла на нем и вспоминала родную землю”», – вспоминал К. Карасаев.

Он так описал эту девушку: «Светлолицая, хорошенькая девушка лет четырнадцати. Была одета в китайский бешмет, который был ей под стать. Мне было жаль ее, сердце сжималось. Сколько раз я видел, как девушек продавали за пять фунтов муки. Я был свидетелем того, как многих девушек, которые вели верблюдов с поклажей, покрытой толстым ковром, вышитым на нем журавлями, уводили на границе калмаки. Сколько раз моё сердце разрывалось. Когда я увидел эту девушку, моё сердце сжалось ещё сильнее, мне было её очень жаль» [10, 313]

Кладбище Ажар. 5 августа 2022 года участники марша памяти «Эсимде – Уркун» посетили памятный камень «Ажар» и могилу в Боомском ущелье на перевале Кубаки, прочитав коран в память о всех кыргызских женщин – жертв тех трагических событий.

В этой могиле захоронены останки неизвестной женщины, которая была застрелена в 1916 году. Она погибла от выстрела в голову. Её останки были найдены на перевале и захоронены в Боомском ущелье во время пешего хода в память об Уркуне, который прошел уже после обретения Кыргызстаном независимости. Чтобы драматические судьбы девушек и женщин сохранились на страницах истории кыргызского народа, в этом месте был поставлен памятный камень героине произведения К. Баялинова о событиях тех лет – Ажар. Памятник, который должны были установлен и посвящен всем матерям, сестрам и дочерям, погибшим во время Уркун. На памятном камне высечено:

«Здесь в память о погибших в трагических событиях 1916 года будет установлен общенациональный исторический памятник и памятник Ажар».

К сожалению, памятник Ажар не был установлен. Памятный камень напоминает о печальных и разрушенных судьбах кыргызских женщин, погибших в Уркун, как и Ажар.

Исследовательская платформа «Эсимде» во время марша памяти «Эсимде – Уркун» провела важную работу по доведению истории этого памятного камня до общественности и подрастающего поколения. [esimde.org].

Маралташ. Во время Уркуна девушки и молодые женщины часто сталкивались с сексуальным насилием. Женщины, став жертвами сексуальных истязаний и изнасилований, беременели. В местности Маралташ в Или-Казахском округе Китая существовали специальные рынки, где торговали людьми. На этих невольничьих рынках беженцы считались основным объектом. Беженцы-кыргызы продавали своих детей на невольничьи рынки в Маралташе (Кок-Терекский район Или-Казахского автономного округа). Житель города Кульджа, Жунус Жумадыл, рассказал о трагической судьбе двух сестёр, проданных дунганам: *«Мне тогда было 12 лет, сестре 5-6 лет. В Маралташе нас продали незнакомцам. Когда нас передали незнакомцам, мы долго плакали, а потом молились, что остались живы»* [2].

Проданные здесь девушки называли себя Маралташскими. Место своего «рождения» они считали ни землю, где они родились и выросли, ни кыргызский народ, а место, где они были разлучены со своими родителями – Маралташ. Проданные здесь ещё детьми, женщины собираются раз в два три года и поминают своих родителей. Они вспоминают и рассказывают о том, что им пришлось пережить во время Уркуна. Эта группа некогда проданных девушек сегодня в моем исследовании рассматривается как сообщество жертв.

При рассмотрении судеб проданных девушек и женщин возникает вопрос – почему кыргызы больше, чем сыновей продавали своих дочерей?

Семен Чуйков. «Побег в Китай», 1936 г. Бишкек, КНММИ.

Михаил Рындин «На тропе в Китай», 1935 г. Бишкек, КНММИ.

Возможно, потому что родители, во-первых, думали о сохранении своего рода, а во-вторых, для девочек характерна более быстрая психологическая адаптация к новой среде.

Восстание 1916 года в этнической истории кыргызского народа оказало негативное влияние на демографические, экономические и социально-психологические стороны. В демографическом отношении темпы прироста населения кыргызов резко снизились. Численность кыргызов на территории Кыргызстана, согласно переписи 1897 года, составляла 610 тысяч человек. Поэтому исходя из численности кыргызов по материалам переписи 1897 года с определенной точностью можно подсчитать численность кыргызов в последующие годы. Для этого необходимо рассчитать средний коэффициент динамики годового прироста численности населения данного этноса. Коэффициент прироста можно определить на основе данных официальной административной статистики о численности кыргызов. В 1897-1917 годах коэффициент годового прироста в среднем составлял 1,4%. По официальным данным к началу 1916 году численность кыргызов составила 634 тыс. 800 человек. Однако по данным Всесоюзной переписи 1926 года численность кыргызов на территории Кыргызстана составляла 661 тысячу 171 человек. Следовательно, разница между двумя показателями 1916 и 1926 годов составляет 120 тысяч человек.

Таблица. Численность кыргызов на основе статистических данных всеобщих переписей населения [16, 17]

Перепись населения Российской Империи. 1897 г.	634 800	-	-	634 800
1913 год	863,9			863,9
Всеобщая перепись населения Киргизской АССР. 1926 г.	Кыргызская АССР	344 933	316 238	661 171
Всеобщая перепись населения (год)	население (кыргызы)	мужчины	женщины	Общее число

Результаты снижения темпов прироста населения между всеобщими переписями можно увидеть в таблице, приведенной ниже [16, 17].

№	Между всеобщими переписями населения (года)	Снижение темпов роста населения
1	1897-1917гг.	-0,8%
2	1920-1926 гг.	-5,2%

Во-вторых, экономический фактор национально-освободительного восстания 1916 г., т.е. воздействие на экономику населения. В результате национально-освободительного восстания 1916 года сильно пострадала экономика Пржевальского и Пишпекского уездов.

Восстание 1916 года и масштаб, глубина феномена Уркуна весьма трагичны. Эпопея Уркуна должна сохраниться в исторической памяти кыргызского народа, мы должны помнить о его жертвах и извлекать уроки из прошлого.

Использованная литература:

1. Гендерные исследования. Женская история. Составитель Андреа Пето. Часть. 1. Б. 2004.
2. Жунус Жумадыл (ИКАО, г. Кулжа, 76 лет. Интервью)
3. Ибраимов О. (город Каракол. Интервью, также использованы материалы Ж. Боконтаевой)
4. Каралаев С. О восстании 1916 г. В Киргизии (Запись со слов С. Каралаева сделана м.н. сотрудником сектора литературы ИЯЛИ Д. Сулаймановым). Рукописный фонд НАН КР. Инв. 1487. Л. 8.
5. Сведения жителя села Кок-Терек Текесского округа Или-Казахской автономной области КНР, Абдымолдо Баке
6. Малик Үмөр. Кырк шейит. Ысык-Көл облусу, Тоң району. 2010.
7. Насилие в отношении женщин: предупреждение и борьба с последствиями. Б.2001. 160.
8. Сооронбаева Ч. (город Каракол. Интервью)
9. Токторбаева А. (город Каракол. Интервью)
10. Тыныбеков А. Уркун. Рукописный фонд НАН КР
11. Усенбаев К. У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967.; Азап жолу жана ата конушка кайтуу// Кыргыз маданияты. 1991. 22-авг.
12. Чеканинский.
13. Иссык-Кульский областной архив. Ф. 1041. Оп.1. Д.9. К. Карасаев. Өткөндөгү эске түшүп... Л. 313-326.

14. Эмиграция восставших киргиз в Китай. Протокол генерального Кашкарского консульства Стефановича о положении киргиз в Китае. Рукописный фонд НАН КР. Инв.136.
15. Эсимде. esimde.org
16. Статистические материалы
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Спб. Т.83.
18. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.1928.

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ ЛЁТЧИЦА ЗИНАИДА КОКОРИНА. ВОЗВРАЩАЯ ИМЕНА

Болот АБДРАХМАНОВ

С фотографии, имеющейся в деле, на нас смотрит волевое лицо русской женщины в кожаном шлеме. Эта женщина – первая военная лётчица в истории молодой советской республики. В период после Великой Отечественной войны стали известны имена лётчиц, таких как Гризодубова и Раскова. Почему же жизнь Зинаиды Кокориной осталась за тёмным занавесом истории? Попробуем разобраться в этом – как и когда Зинаида Кокорина стала первой военной лётчицей СССР и почему волею судьбы долгие годы прожила в Кыргызстане.

Родилась Зинаида Петровна Кокорина в 1898 году в Пермской губернии на прииске «Журавлик» в семье рабочего-горняка. Отец умер рано, мать работала санитаркой, дожила до окончания дочерью в 1921 году историко-филологического факультета Петроградского государственного университета и её первого замужества.

Муж Зинаиды Петровны – Альберт Поэль, служил лётчиком-инструктором Качинской авиашколы, трагически погиб во время тренировочного полёта. Зинаида Петровна решает заменить его и добивается зачисления в Качинскую военно-лётную школу. После окончания поступает в Высшую школу воздушного боя и бомбометания в городе Егорьевске. Успешно закончив обучение, становится бесстрашным лётчиком-истребителем и заслуженно завоевывает авторитет у тех, кто пренебрежительно относился к «дамским» полётам.

В 1925 году Зинаида Кокорина – инструктор Высшей военно-лётной школы воздушного боя, с 1926 года – командир 1-ой легкобомбардировочной эскадрильи им. Ленина. До 1935 года Зинаида Петровна находится на службе в РККА в системе ЦС Осоавиахима СССР и уходит в отставку в звании

майора ВВС. Десятки военных лётчиков, воспитанников Зинаиды Кокориной, с глубокой благодарностью и восхищением вспоминают своего волевого, умелого и душевного инструктора.

В 1935 году Кокорина вместе с сыном, дочерью и вторым мужем М. Л. Белоцким командирится по партийной линии в Кыргызстан, где работает заведующей особым отделом обкома ЦК КП(б) Киргизии до рокового 1937 года. Её муж был арестован по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности принадлежности к правотроцкистской организации.

М. Белоцкий был осужден к пятнадцати годам лишения свободы и умер в тюрьме. В 1938 году «за ослабление революционной бдительности» Кокорину исключают из партии и освобождают от занимаемой должности. Всего пять месяцев она работает секретарём Фрунзенского горкома, 20 мая 1938 года по такому же обвинению, что было предъявлено её мужу, Кокорину арестовали органы НКВД.

В течение года Кокорина находится в тюремном заключении и видит, как ежедневно и ежечасно нарушаются методы ведения следствия. Но она не сдаётся. В одной из своих

Зинаида Петровна Кокорина.

жалоб Зинаида требует ведения следствия в присутствии прокурора, обосновывая это тем, что следствие проводится тенденциозно и по штампу. Видимо, наступательная твердость характера, знание законов и упорная настойчивость этой женщины не позволили следователям НКВД сломить её и завершить своё грязное дело.

Кокорина – одна из немногих, кому в эти страшные годы удалось добиться своей реабилитации. 25-го мая 1939 года Постановлением НКВД Киргизской ССР Кокорина З. П. была освобождена из-под стражи «за отсутствием состава преступления» (Архив ГКНБ КР, N 6207-су.С.32-45.).

Через некоторое время после освобождения она была восстановлена в партии, работала штатным пропагандистом Пролетарского РК КП(б) Киргизии, затем – инспектором по кадрам Наркомзема республики. В июне 1940 года назначается директором СШ №28 города Фрунзе, а в сентябре 1941 года переведена директором Сазановской средней школы, сейчас село Ананьево в Иссык-Кульском районе.

До 1960-х годов Зинаида Петровна проживала в городе Фрунзе, затем по семейным обстоятельствам переехала в Москву. А ведь многие горожане и не ведали, что в нашем городе проживала женщина, которая одной из первых связала свою судьбу с военной авиацией. Но время уже сказало свое слово об этой удивительной женщине: имя Зинаиды Петровны Кокориной записано в историю авиации СССР и по праву заняло своё место – первого военного лётчика-женщины в Центральном Доме авиации и космонавтики в Москве.

МАНАСЧИ ЗУУРАКАН СЫДЫКОВА

Мукарам ТОКТОГУЛОВА

«И в это время пришел мой дедушка Сыдык, взял меня за руку, и мы пошли. Дедушка оказался худощавым, высокого роста, красивым и привлекательным человеком. Я удивилась, так как не застала его живым, он умер, когда моему отцу Акимкану было шесть лет. Теперь я думаю, что это правда, когда говорят, что духи предков оказывают покровительство. Так мы и шли с дедушкой, который вёл меня по какой-то дороге. Слева, в темноте, вдали чернело что-то похожее на юрту. Справа, у подножья горы – белые юрты. Он повёл меня к ним, и вот мы оказались перед большой белой юртой. Вход охраняли двое мужчин с копьями. Мой дедушка подошел к ним и что-то сказал, они расступились и впустили нас в юрту. Мы зашли, а там сидят шесть человек исполинского роста. На самом почётном месте на боку лежал Манас, за ним Бакай ата, Алмамбет, до сих пор стоят перед глазами, Чубак, Сыргак..., в общем, сидели вшестером. Сосчитала их про себя – шестеро... Затем дедушка поклонился им и сказал: “Я привёл с собой дочь, пусть она станет манасчи, она всё никак не начнет рассказывать, уже давно мучается... Она больна, у неё сердце болит”, – добавил он. У меня действительно болело сердце. И тут же Бакай ата вскочил со словами: “Не будет болеть, сердце выздоровеет. Начнёт рассказывать”, – махнул на меня рукой и три раза громким голосом приказал: “Говори! Говори!”, и тогда я начала так:

*Ээээй, с двух сторон две горы,
В середине два противника
Один черный, один белый
Их было двое врагов...».¹*

Так нам 25 декабря 2021 года в своей квартире в Караколе рассказывала 73-летняя манасчи Зууракан Сыдыкова, как ей впервые был дан голос свыше – она увидела во сне дедушку и стала сказительницей эпоса «Манас». Этот сон она увидела, когда только окончила математический факультет педагогического института в Пржевальске (ныне Каракол) и начала работать учительницей. В тот день проводили бешик той дочери её младшего брата. Сон ей приснился, когда помогая встречать гостей, она потеряла сознание и упала. Было ли это сном или внушением свыше, девушка не успела толком разобраться. Тогда она впервые рассказала сказание о Манасе. Тревожные дни, необычные сны, когда она слышала различные голоса, случались и раньше. Она вспоминает, как однажды на последнем курсе пединститута бредила всю ночь и до рассвета не давала покоя девушкам, живущих с ней в одной комнате. Тогда она даже не поняла, что это сон, и долго беспокоилась о том, не теряет ли она рассудок и не останется ли навсегда больной. Позже, когда она закончила учёбу, вышла замуж и начала работать, таких снов-внушений стало больше.

«Тогда дипломы не давали сразу после окончания учёбы, мы его получали на руки только после года работы в школе, в которую тебя направляли. Я получила направление в школу в селе Тору-Айгыр, когда я там работала, меня украл мой первый муж. Мой будущий деверь увидел меня, когда я с учениками работала в поле на картошке, и он тогда сказал ему: «Чтобы не случилось, женись на этой девушке». Так я и стала жить с ним, муж был трактористом. Он часто выпивал, в пьяном виде скандалил, бил посуду. В те годы мне было тяжело и от снов, и от жизни. Неподалёку в поле был большой овраг, меня всегда тянуло туда. Закончив свои дела, я уходила туда. Чтобы домашние не заметили обычно выходила в сумерках. Это заметила мой свекровь и сказала домашним, что «она каждый вечер ходит к этому оврагу, не знаю, что она там делает». А я шла туда и говорила разное, что я говорила, я и сама не знала, иногда пела, само выходило из меня...», –

рассказывала Зууракан Сыдыкова о том, что ей пришлось пережить до того, как она стала рассказывать «Манас».

Через год по совету родственников Зууракан вместе с мужем стала жить отдельно от его семьи, они переехали в село Кок-Мойнок, где она начала работать в школе. На новом месте таинственных снов-внушений меньше не стало, появилась бессонница. Муж также продолжал пить, после рождения ребёнка они развелись.

Уже более сорока лет Зууракан Сыдыкова наряду с педагогической деятельностью продолжает рассказывать «Манас», выступает на различных культурных мероприятиях, теле- и радиопрограммах. В 2014 году при поддержке молодежного центра «Манас» опубликовала свою версию эпизодов «Великий поход» и «Тризна Кокотоя» и презентовала книгу в Бишкеке при участии фольклористов и манасчи.

Тетради, в которых на протяжении многих лет она записывала события эпоса, она передала в рукописный фонд Национальной академии наук.

*Зууракан Сыдыкова.
Детские годы.*

Помимо эпоса «Манас», она также написала и подготовила к изданию малый эпос «Жаныш-Байыш». За заслуги в образовании отмечена наградами «Учитель-наставник», «Отличник образования КР», «Почётный гражданин» и др.

Вспомнилось, что, когда, взяв её номер телефона у манасчи Талантаалы Бакчиева, мы позвонили ей и рассказали, что делаем исследование о женщинах-сказительницах, она прохладно встретила наше предложение об интервью: *«Теперь я уж старая, не такая как прежде, почему бы вам не пойти к молодым?»*.

Несколько раз переносила встречу, ссылаясь на старость, здоровье, зимнюю стужу, работу в школе. Наверное, нелегко рассказывать другим об этом загадочном и непростом искусстве. Может быть, она не хотела рассказывать другим о своем умении, часто слыша, как люди вокруг говорили: *«разве женщина может стать манасчи?»*. Рассказывая о своем сне, она не раз вздыхала, и лицо её становилось задумчивым.

Когда Зууракан апа рассказывала о перипетиях своей судьбы как сказительницы, я думала и о непростых судьбах других женщин-манасчи.

Готовясь к исследовательскому проекту о женщинах-манасчи, я собрала информацию из книг и от близких родственников о сказительницах Сейде Дейди кызы, Сейдене Молдокеевой (семетейчи), Канымбубу Абдыраимовой, Асаткан Атаналиевой. Они также столкнулись со многими препятствиями на пути к сказительству, им было трудно добиться признания в качестве манасчи. В обществе постоянно повторялись утверждения, что *«женщина не может стать манасчи»*, *«женщин-манасчи не существует»*, *«только одна женщина-манасчи и была, и та не осмелилась на “Манас”, а рассказывала только “Семетей”*, и, кажется, что эти установки навсегда впитались в сознание людей. Вот почему, хотя есть точная и доказанная информация о том, что женщин-манасчи были в нашей истории, их имена остались в тени, не признаны в обществе и не исследованы.

Например, манасчи Канымбубу из Ат-Баши, побеждавшей на районных и областных конкурсах и занявшей первое место на 1000-летие Манаса, заинтересовался только антрополог из Нидерландов (11), а местные учёные не проявили интереса.

А исполнитель Дейди нашел выход, назвав свою дочь Сейде мужским именем Сейит, и так выводил её на публику, чтобы она рассказывала «Манас». В рукописном фонде Академии наук КР есть лишь три страницы, которые были записаны из сказаний

Сейде Дейди кызы. А сказительство Зууракан Сыдыковой, участвовавшей в фестивалях и конкурсах наравне с известными манасчи Кааба и Шабаяем, выходцами из Иссык-Куля – родины сказительского искусства, никто не исследовал.

Ещё в советские времена Сейдене Молдоке кызы, единственная женщина-манасчи, которая была признана и даже получила звание Народной артистки КР, считалась лишь сказительницей «Семетей» – она не осмеливалась рассказывать «Манас», эта установка жива и по сей день. Имена девушек и женщин не звучат среди большой группы известных манасчи и сегодня.

В этой статье мы хотели бы рассказать о том, как женщины-манасчи, оставшиеся в тени и безвестности, продолжают сказительское искусство, несмотря на множество препятствий. Для этого взглянем на жизнь и сказительскую судьбу Зууракан Сыдыковой, женщины-манасчи старшего поколения, которая жила на Иссык-Куле, откуда родом многие знаменитые манасчи. Она рассказывала эпос до 74 лет и стала известной как «манасчи математик».

Проект, который познакомил с Зууракан Сыдыковой. В 2021 году, когда я приступила к исследованию «Невидимые

Зууракан Сыдыкова.
Студенческие годы.

манасчи: проблемы признания женщин-сказительниц», я поставила перед собой задачу найти ответ на вопрос: почему имена женщин, практикующих это великое искусство, остаются в неизвестности? Почему у сказителей эпоса, которые особо почитаемы и уважаемы в народе, усложняется творческий путь, судьба становится незавидной только потому, что они женщины? Есть ли девушки, которые продолжают это искусство и сейчас? Были ли в культурах других народов женщины, рассказывавшие героические сказания? Как их воспринимали в этих обществах? Что о них пишут фольклористы и культурологи?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, я встретилась с рядом женщин-манасчи, включая Зууракан Сыдыкову. По мере расширения своих знаний по данной теме, я убедилась в том, что женщины-манасчи остаются незамеченными и непризнанными, они терпят унижение за занятие этим видом искусства. На общество большое влияние кроме религии, обычаев и традиций оказывают стереотипы о месте женщины. Кажется, что убеждение *«женщине не стать манасчи»*, прочно утвердилось не только в традиционной среде, в которой строго придерживаются обычаев и установок, но и в среде деятелей культуры и исследователей.

Однако, если мы обратимся к нашей истории, то увидим, что женщины-манасчи были и раньше, девушки, молодые женщины и бабушки, которые рассказывают и записывают «Манас», есть и сейчас. Как сказала манасчи Зууракан Сыдыкова: *«Женщина или мужчина, какая разница, если будет послание свыше, то [оно] заставит рассказывать, ты не можешь отказаться от этого»*. Женщины также приходят к сказительству после получения во сне внушений свыше, болезней, и пройдя ряд испытаний. Об этом свидетельствуют примеры из жизни самой Зууракан апы. Конечно, на развитие сказительских навыков большое влияние оказывает и среда, в которой человек провел своё детство.

Детство манасчи Зууракан: поддержка творческой семьи. Зууракан Сыдыкова родилась в 1948 году в селе Талды-Суу Тюпского района Иссык-Кульской области в боль-

шой многодетной семье, в которой было 12 детей. Её отец, Акимкан Сыдыков, был специалистом в области сельского хозяйства и образования, и помимо того, что он как партийный активист занимал руководящие должности, он был известен в народе как мастер игры на комузе и сочинитель мелодий. А её мать Ракия, хотя и не имела определенной профессии, но искусно играла на ооз комузе и увлекательно рассказывала истории исполняемых мелодий.

Манасчи Зууракан и по сей день помнит, как её мать исполняла мелодию о грузинской девушке Зулейко и занимательно рассказывала историю этой песни. Под влиянием своих родителей дети Акимкана и Ракии умели играть на комузе, подбирать мелодии и петь песни. Сегодня на доске почета школы села Талды-Суу висят фотографии четверых членов семьи Акимкан ата – почётных жителей села. Это Акимкан Сыдыков, сыновья Муканалы и Акматкалый Сыдыковы, и дочь – манасчи и учительница Зууракан Сыдыкова. Акимкан отец Зууракан, Муканалы и Акматкалый братья Зууракан.

Если некоторые мелодии для комуза Акимкана Сыдыкова вошли в золотой фонд, то мелодии его сына Муканалы получили широкое распространение в народе, его «Две звезды», «Красный цветок» исполнялись несколькими поколениями звёзд кыргызской эстрады, и не потеряли своей популярности до сих пор.

«Две звезды», которые когда-то исполняли Абдумалик Шерматов и Динара Акулова, теперь не сходят со сцены в исполнении Аваза Акимова и Айданы Дека.² Мелодия «Алмакун», которую Акимкан Сыдыков посвятил брату своей матери, была адаптирована и исполнена казахским оркестром «Отрар-Сазы» в Алматы.³ Похоже, что особая творческая атмосфера в доме, где все были равнодушны к исполнительскому искусству, с детства пробудила в Зууракан интерес к эпосу. В этом отношении в биографии Зууракан Сыдыковой есть много общего с другими женщинами-манасчи. Напомним, что роль отцов была также важна в сказительской практике Сейде Дейди кызы, Канымбубу

Абдыраимовой, дочерей манасчи Сагымбая. Можно отметить, что отец Сейде – Дейди – был известным в своем регионе певцом, отец Канымбубу – собирал и знал родословные – санжыра, а в семье манасчи Сагымбая сказительское мастерство отца передалось дочерям.

Здесь важна не только генетическая предрасположенность, но и связь народного пения со сказительским мастерством. Например, один из исследователей эпоса «Манас» К. Абакиров в своей статье подчеркивает, что сказительство и народное пение объединяет искусство импровизации, и отмечает, что знаменитые сказители с юных лет были талантливыми импровизаторами.⁴

Дочери манасчи Канымбубу во время интервью также вспоминали случаи, когда их мать в стихотворной форме пристыдила бухгалтера, задержавшего зарплату сельским учителям, деверя, поднявшего руку на невестку.⁵ А немецкий философ и социолог Аксель Хоннет, продолжатель идей Франкфуртской школы, считал, что поддержка близких людей и общества играет большую роль в становлении и росте творческого мастерства (12). В созданной им «теории признания» он отмечает, что важным фактором для творческого человека является поддержка близких людей. А в таком традиционном патриархальном обществе, как кыргызское, строго контролирующем поведение женщин, поддержка отца и мужа была для творческих женщин важна вдвойне. В традиционном обществе, где публичная демонстрация женщиной своего мастерства считалось чем-то постыдным, к таким женщинам относились предвзято и с подозрением, на них оказывалось и давление. Поэтому говорят, что певец-импровизатор Дейди, чтобы защитить свою талантливую дочь-манасчи от такого отношения, дал ей имя Сейит, одевал её как мальчика и водил с собой рассказывать «Манас», пока она не стала взрослой.⁶ А Сейдене Молдоке кызы всегда подчеркивала, что преуспела в сказительском мастерстве благодаря благословию и поддержки своего свекра Сейитбека,⁷ судьбе же Зууракан Сыдыковой сторонником и

защитником дочери-сказительницы был её отец Акимкан.

Когда его дочери было дано внушение свыше, и она, потеряв сознание, увидела Манаса, только отец понял смысл видения, совершил обряд, позвал молдо, чтобы добиться благословения для своей дочери.

Внушение свыше, атеизм и благословение. В народе

существует поверье, что истинные манасчи начинают рассказывать «Манас» после того, как получают внушение свыше. Поэтому манасчи после такого сновидения приносят в жертву барана, читают коран духам предков, зовут людей и получают благословение. Известно, что Саякбай Каралаев, увидев такой сон, зарезал двух жертвенных овец и созвал старейшин села (4). Сегодняшние манасчи также прежде, чем выйти на публику, идут вплоть до Манас ордо, созиывают много людей, приносят в жертву скот. Что касается сна Зууракан Сыдыковой, то её отец сразу понял смысл видения, зарезал овцу, позвал молдо и совершил обряд. Но, поскольку её отец был партийным активистом, он не пригласил никого кроме молдо. Прочитав коран и дав благословение, молдо сказал в конце: «*Доченька, не бросай это, рассказывай*».

С одной стороны, бата, благословение – это пожелание успехов в начатом деле, с другой – связанное с чем-то священным, трактуется у кыргызов как поддержка духов предков. Исследовательница Ева-Мари Дюбюиссон (9) изучая искусство казахских акынов, объясняла бата не только как поддержку предков, но и как чувство ответственности перед ними, связью между умершими и живыми.

Именно так мы можем понять жертвоприношение и благословение, которые устраивают манасчи. Кроме того, во время этого обряда манасчи предстают перед общественностью в новом статусе, подчеркивается их особая

Акимкан ата с детьми.

миссия перед обществом. С этого момента они признавались манасчи и были обязаны рассказывать, распространять и сохранять героический эпос среди народа. Обычно на обряд жертвоприношения мужчин-манасчи приглашается всё село, и это отмечается как большое событие, тогда как обряд для женщин-манасчи проводится как небольшой обряд внутри семьи. Забив овцу и совершая обряд, Акимкан не вывел свою дочь Зууракан перед всем народом и не объявил публично о её статусе манасчи. В то время, когда атеизм набирал силу, партийным работникам вроде него было опасно публично проводить такой обряд. Поэтому все прошло негласно без приглашения людей. Акимкан Сыдыков всегда оказывал поддержку дочери. Он брал её с другими детьми, которые играли на комузе и не раз выводил её на публику на различных культурных мероприятиях таких как «Ыр кесе».

Позже он думал о том, чтобы отвезти дочь в Манас ордо, но, к сожалению, не успел осуществить задуманное. Зууракан апа рассказала, что, взяв с собой сестру, побывала там уже после смерти отца. Со стороны первого мужа Зууракан не имела никакой поддержки, поскольку он был пьющим человеком – они вскоре развелись.

Препятствия на пути к признанию: «Разве может женщина стать манасчи?» В устной поэтической культуре кыргызов существует такое значимое явление как наставник и ученик. Чтобы совершенствовать своё мастерство, импровизаторы, манасчи, сказители, следовали за своим наставником, выходили вместе с ним на публику, представляли свои произведения, регулярно встречались с другими умельцами и находились в творческом окружении. В становлении манасчи наставник играет важную роль. Искусные манасчи месяцами водили с собой своих учеников, путешествовали по стране, вместе рассказывали «Манас» и представляли своих учеников людям. При поддержке наставников начинающие манасчи знакомились с другими сказителями и тем самым быстрее включались в творческую среду. Почти все манасчи рассказывают о

том, кем были их наставники, какие советы они получали от них и какие уроки извлекли. Для начинающего манасчи было важно иметь наставника, которого ценили в народе. Исследователь Альберт Лорд, изучавший сказительское искусство среди югославов, написавший известный труд «Сказитель» (14), считал, что работа наставника имеет важное значение в формировании мастерства начинающего сказителя. Он писал, что ученик может получить от наставника много практических советов в плане выбора тем, эпизодов, составления рифмованных текстов, использования различных художественных инструментов, постановки голоса. И у нашего народа наставники всегда водили своих учеников на события, где было много народу, оказывали огромную поддержку ученикам в народном признании. Кроме того, в кыргызской сказительской школе большую поддержку ученику оказывало не только мастерство наставника, но и само имя знаменитого наставника. Называться учеником известного манасчи значило для начинающего сказителя получить доверие и уважение аудитории. По Пьеру Бурдые, само имя учителя играло роль огромного «социального капитала». Поэтому молодые манасчи вспоминают не только своих наставников современников, но и знаменитых манасчи прошлого, которые являлись к ним во сне, и их дух оказывал им поддержку. Однако такие отношения наставник-ученик не сложились в практике женщин-манасчи. По религиозным и традиционным представлениям сотрудничество женщины и постороннего мужчины, создание тесной творческой связи не допускалось, поэтому женщины не могли иметь в наставниках мужчин-манасчи. А поскольку информации о женщинах-манасчи мало, то и примеров того, как кто-то искал женщину-наставницу и стал её учеником, практически нет.

У вышеупомянутых сказительниц мы видим, что у них роль наставника играл отец. Это подтверждается сведениями о манасчи Сагымбае, обучавшем своих дочерей, а в случае с Сейде, Канымбуу, Зууракан мы видим зачастую

не наставника, а сторонника. Поскольку их отцы не были манасчи, они не могли научить их сказительскому искусству, но верно оценили талант своих дочерей и оказали поддержку. На примере манасчи Зууракан Сыдыковой мы заметили две вещи. С одной стороны, как творческий человек, Акимкан ата не запрещал, а поддерживал сказительское мастерство своей дочери Зууракан, брал её с собой на различные культурные мероприятия, выводил её на публику. Однако, с другой стороны, он не мог пойти против традиционных норм, которые препятствовали признанию его дочери и росту её мастерства. Когда его односельчанин, известный манасчи Уркаш Мамбеталиев, услышал, как Зууракан рассказывает «Манас» и предложил взять её во Фрунзе, чтобы там обучить её, он отказался. Он сам принял решение об отказе, даже не сказав об этом дочери. Потому что в традиционном обществе могли неверно истолковать, если бы молодая женщина сопровождала незнакомого мужчину, и отец старался защитить свою дочь от этих домыслов. А когда об этом узнала Зууракан, она сожалела о решении отца и жалеет об этом до сих пор:

«Иногда я думаю, что если бы он тогда отпустил меня к Уркаш аба, возможно, сейчас я была бы известной и великой манасчи. Меня некому было учить. Это умение таково, что чем больше ты рассказываешь, тем больше оно раскрывается. А я лишь изредка вижу манасчи и не могу освободиться от домашних дел, чтобы участвовать в мероприятиях. А если бы я поехала во Фрунзе, то я бы пошла в этом направлении. А здесь ты никого не знаешь, и нет связи с другими манасчи. А так как я ещё и математик, то мне трудно говорить красноречиво и словарный запас у меня небогатый. Рассказывала лишь то, что сама знала. Ели бы тогда отец сказал мне не скрывая, то я бы не стала никого слушать, а уехала бы. Потому что в тот момент у меня было сильное стремление, мне хотелось рассказывать “Манас”, я не могла находиться в одном месте». (Интервью от 25.12.2021.)

Таким образом, на практике женщинам-манасчи сложно находиться в тесном контакте с другими манасчи и постоянно участвовать вместе с ними в различных мероприятиях. Нет возможности учиться у наставника и вместе с ним выступать перед публикой. Это одна из основных причин, которая препятствует росту мастерства женщин-манасчи и их признанию. Из-за подобных препятствий Зууракан Сыдыкова полагает, что её творческие возможности не были полностью раскрыты и условия выхода на публику были ограничены. Иногда она жалеет, что сказительство было дано ей, а не её братьям:

«Семья у нас была большая, было же 8 сыновей, а Слово пришло ко мне. Когда моя мама была маленькой, она увидела во сне манасчи Саякбая и подумала, что “наверное, кто-то из моих сыновей будет манасчи”. Но это перешло не на сыновей, а на дочь, теперь я манасчи. Думаю, что если бы это было дано кому-то из моих братьев, то они бы легко пошли по этому пути. Для женщины это сложно. Иногда, когда приходишь куда-нибудь по приглашению, то люди открыто говорят “оставь, разве может

Зууракан Сыдыкова.

женщина рассказывать". Даже журналисты, снимающие мероприятие, окружают молодых ребят, а на меня не обращают внимания. Думаешь уже не рассказывать, но оказывается, что ты не можешь бросить это. Теперь я старею, становлюсь забывчивой. Бывает, что забываю слова, когда рассказываю. Я записывала на бумагу то, что рассказывала, сократила и издала книгу. (Интервью от 25.12.2021)

Доктор филологических наук А. Эгембердиева, изучавшая сказителей эпоса «Манас», считает, что из женщин не выходят манасчи, потому что бремя этого мастерства слишком тяжело для женщин (8). С одной стороны, если согласиться с этим мнением приходишь к мысли, что война, несметное количество сражений, мечи, батыры с кровавыми копьями, составляющие основу героического эпоса, не очень-то и подходят женщинам. В то же время мнение о том, что *«бремя этого искусства непосильно для женщины, поэтому из женщины не получится манасчи»*, не может не вызвать вопросов.

На примере манасчи Сейдене и Зууракан можно заметить, что откровение свыше не допускает выбора. Есть много примеров того, как они обе не могли отказаться от того, что дано свыше, были вынуждены терпеть унижения, пережили в своей жизни развод, потери, страдали от болезней. Мнение о том, что Сейдене не рассказывала «Манас», а только «Семетей», потому что бремя семетейчи было легче, также необоснованно. Трудно понять, чем же легче бремя Сейдене, потерявшей четырех сыновей и страдавшей от болезни.

На самом деле эта тема недостаточно изучена и в науке. Среди народов Сибири женщины-сказительницы героического эпоса, встречаются у хакасов, бурят, якутов (7). У некоторых нет и запретов, у других – не поддерживается, хотя и не запрещено. Женщин-сказительниц считают дурным предзнаменованием, так как считается, что женщины начинают рассказывать эпос, когда все мужчины ушли на войну и уже больше некому рассказывать (7). Если принять

во внимание, что известные теории о сказительстве созданы на основе практик мужчин-сказителей (10,14,18), то представляется, что изучение объективных причин, почему женщины не получили широкого признания в этой области, ещё впереди. Конечно, при проведении таких исследований необходимо помнить, что испытания, с которыми сталкиваются женщины, занимающиеся этим искусством, тяжелы вдвойне. Женщинам нелегко полностью погрузиться в преимущественно мужскую среду манасчи, найти наставника, сотрудничать с ними, месяцами и годами представлять свое искусство, путешествуя по стране, потому что это противоречит традиционным нормам, и женщинам в этой сфере трудно даже выделиться и стать заметной. Развод, возражения мужа и родственников заставили многих сказительниц отказаться от этого умения. Даже девушки, которые только начинают свой путь в сказительстве, перестают рассказывать «Манас», как только выходят замуж, и их имена тут же забываются. Из-за тех же укоренившихся стереотипов и представлений о традиционной роли женщины, сказительницы, которые выступали перед публикой, остаются в тени и не имеют возможности добиться признания.

Возможно, для решения этой проблемы, как отмечает Аксель Хоннет в своей «теории признания» (12), необходимо, чтобы этим женщинам-манасчи оказали поддержку, прежде всего отцы, мужа и братья; если бы общественность не делала окончательного вывода, что *«женщине не стать манасчи»*, не пренебрегала ими, а ценила их, то тогда, возможно, как сказала Зууракан Сыдыкова искусство женщин-манасчи *«с каждым сказанием раскрывалось бы и совершенствовалось»*.

1. Интервью с Зууракан Сыдыковой.12.2021. г. Каракол.
2. <https://www.youtube.com/watch?v=AHh1xhnnYu0>
3. Бейбіт Дэлденбай – «Алмакун»
4. Абакиров, К. (2014). Манасчылар – төкмө ырчылар: Көз караштар. 65-79 б. Тил, адабият жана искусствомаселелери. Илимий журнал. Бишкек. «Турар».

5. Видео о Канымбүбү. <https://www.youtube.com/watch?v=pdOaOLRaVrk>
6. <https://w.wiki/9Z24>
7. <https://w.wiki/9Z26>

Литература

1. Абакиров, К. (2014). Манасчылар – төкмө ырчылар: Көз караштар. 65-79 б. Тил, адабият жана искусствомаселелери. Илимий журнал. Бишкек. «Турар».
2. Бакчиев, Т. Исаков Р. (2010). Кыргыз элинин манасчылары: Маалымдама китеп. Бишкек. Кыргызпатент.
3. Бакчиев Т. (2012). Манасоведение. Учебник для студентов ВУЗов.
4. Бакчиев, Т. (2021). Сновидение как один из путей получения сказительского дара (на примере кыргызских сказителей-манасчи)
5. Бакчиев, Т. (2021). Сказительский дар. Бишкек.
6. Талиева К. (2000). Семетейчи Сейдене Молдокееванын чыгармачылык өнөрканасындагы салттуулук жана өзүнчөлүктүн карым-катышы. Бишкек.
7. Шинжин, И. (1997). Тропой, проложенной веками. Жизнь и творчество сказительницы Н. П. Черноевой /. Горно-Алтайск
8. Эгембердиева, А. (2010) Манасчылык өнөрбү же илдетпи? Жеманасчылык өнөрдөгү купуя сырлар. «Назар» («Кыргыз гезиттер айылы»). <https://kmborboru.wordpress.com/2010/02/08/manaschylyk-%D3%A9n%D3%A9rb%D2%AF-zhe-ildetpi-zhe-manaschylyk-%D3%A9n%D3%A9rd%D3%A9g%D2%AF-kupuya-syrlar/>
9. Dubuisson, E. M. (2017). Living language in Kazakhstan: The dialogic emergence of an ancestral worldview. University of Pittsburgh Press.
10. Heide N van der. (1999). The Last Manaschi, a contradiction in terms. In The Nature of University Education and Research, pp. 79-84. Bishkek: American University in Kyrgyzstan
11. Heide N. van der. (2008). Spirited Performance. The Manas Epic and Society in Kyrgyzstan. Amsterdam
12. Honneth, A. (1995). The struggle for recognition: The moral grammar of social conflicts. Polity Press.
13. Kandiyoti, D. (1988). Bargaining with patriarchy. Gender & society, 2(3), 274-290.
14. Lord, A. (1960). The Singer of Tales. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. Plumtree, J. (2021). A Contemporary Manaschi in Oral Performance and in Print. Ala too Academic Studies, 1, 238-244.
16. Prior, D. (2002). The Twilight Age of the Kirghiz Epic Tradition (Doctoral Thesis). Indiana University, Department of Central Eurasian Studies, Indiana.
17. Coskun, M. (2021). Improvising the Voice of the Ancestors: Heritage and Identity in Central Asia (Vol. 39). LIT Verlag Münster.
18. K Reihl. The true nature of the aoidos: The Kyrgyz Singer of tales and The epic of Manas.

ТЕПКЕДЕЙ АПА. НЕПОВТОРИМАЯ СУДЬБА

Гулжамал ЭСЕНАЛИЕВА

Наша страна, закладывающая основы независимости, делает выводы из своей истории – это становится уроком для следующих поколений. Вопросы Уркуна 1916 года требуют осмысленного подхода. Исторические источники и литература о восстании 1916 года в Центральной Азии, включая Кыргызстан, в последние годы советского периода до обретения независимости, разрабатывалась и исследовалась весьма ограничено. Забвение истории означает проблемы в будущем. Невозможно забыть трагическую судьбу кыргызского народа, оставшуюся на страницах истории. До конца не исследована печальная судьба на чужбине кыргызских девушек во время Уркуна.

Это история жительницы Нарынской области, бежавшей во время Уркуна 1916 года в Китай и вернувшейся обратно. Трагическая судьба девушек, оставшихся на чужбине во время Уркуна, нашла отражение в истории, воспоминаниях, литературе и произведениях искусства. В качестве примера можно упомянуть повесть К. Баялинова «Ажар». Но были девушки, которым удалось избежать участи Ажар, и благодаря силе воли вернуться на родную землю.

Тепкедей апа родилась в 1901 году в селе Базар-Турук (Жумгал). Когда население Иссык-Куля бежало в Китай, это коснулось и жителей Жумгала. Отец Тепкедей, Сарала, был уважаемым человеком. Вместе с семьями семи своих братьев, всего сорок два человека, он бежал в Китай. Спустя два месяца, они достигли места под названием Ак-Суу в Турфане, где жили тем, что нанимались на работу к местным богатым китайцам. После того как они прожили в Турфане 3-4 месяца, волостной Ак-Суу Орозакун предложил за Тепкедей калым и помощь семье в возвращении на родину. Орозакун просил отдать её второй женой за его младшего брата Токтакуна. Находясь в безвыходной ситуации, чтобы благополучно доставить на родину десять семей своих родственников, единственным выходом и спасе-

нием казалось продажа 14-летней Тепкедей. Она была продана за мешок риса, мешок кукурузы и 80 сар (серебряных монет). Тепкедей была вынуждена согласиться на эту сделку и терпеть издевательства и избиения Токтакуна и его старшей жены.

Когда сородичи ушли в родные места, Тепкедей не находила себе места – она хотела сбежать на родину любой ценой. Об этом она рассказала своему өкүл ата Акуну и стала готовиться. Акун ата подарил Тепкедей нож с ножами, сказав: «*пригодится против волков*» и стремяна с ремнём. Следуя советам Акун ата, она спала на больших камнях, ела на ходу, 5-6 дней её преследовали голодные волки. Она оборонялась от них, яростно стуча по камням стремянами. Через два-три дня она увидела вдали огни, к своему счастью она встретила своих односельчан вместе с известным потешником Куйручком, добралась с ними до Жумгала и стала живой легендой. Вернувшись из Китая, она вышла замуж за Акуналы, жителя села Куртка Ак-Талинского района, и родила четырнадцать детей. Её внуки и правнуки живут в этом селе до сих пор.

Из воспоминаний Тепкедей апа, которые записал её односельчанин Турсунбек Ибрагимов: «*Мне в этом году ровно 86 лет. Сколько таких несчастных кыргызских девушек, как я, были проданы за скот. Новая эпоха открыла мне дорогу, вручила мою свободу в собственные руки. Я мать четырнадцати детей. Я даже и не мечтала жить в такое благодатное время*».

Вся семья Тепкедей погибла по дороге из Китая, только она одна, пожертвовавшая собой ради рода, смогла вырваться из Турфана и вернуться на родину.

Тепкедей апа с младшей дочерью Канчай и внуком.

ЕЛЕНА ДРУЖИНИНА, ОТКРЫВШАЯ ОШ НАУЧНОМУ МИРУ

Бактыгуль МИДИНОВА

С момента зарождения современной археологии женщины внесли значительный вклад в сохранение и продвижение культурного наследия. Однако их работа часто оставалась без внимания. Многие из них столкнулись с тем, что работая в научных областях с доминированием мужчин, их труды недооценивались или вовсе приписывались их коллегам-мужчинам. Об этом история Елены Дружининой.

Елена Дружинина впервые приехала в Кыргызстан будучи студенткой в составе археологической экспедиции в 1964 году. Богатство древней культуры Ферганы и яркая живописная природа покорили будущего археолога – она твёрдо решила вернуться в эти края. В комиссии по распределению выпускников она добилась направления на работу в город Ош и в июле 1967 года после окончания отделения археологии Исторического факультета Ленинградского государственного университета им. Жданова она приезжает в Ош, где проживёт 20 лет до самой смерти. Её принимают на работу в Ошский областной краеведческий музей на должность заведующей отделом досоветского периода. Поступив на работу, она активно начала заниматься обследованием окрестностей Оша и горы Сулайман. На поверхности Сулайман-Тоо ею была собрана большая коллекция разновременной керамики, в том числе и обломки посуды, типичной для чувстских поселений – поселений земледельческих племен с уникальной культурой. Именно тогда она впервые выдвинула предположение о существовании на горе Сулайман-Тоо древнего поселения. Предположение это подтвердилось почти через 10 лет.

Во второй половине 1970-х годов на склоне Сулайман-Тоо стали возводить сооружение первоначально для ресторана, а позже для Пещерного музейного комплекса. В 1976 году к будущему музею начали строить дорогу, где Елена

Дружинина отвечала за археологический надзор. На месте строительства весной того же 1976-го года, на склоне горы она обнаружила выходы культурного слоя, содержащего фрагменты древней керамики. Новостью о сенсационной находке она поделилась с археологом Юрием Заднепровским, который вёл раскопки недалеко от Оша, и сообщение об открытии сильно заинтересовало его. Вскоре они совместно будут вести раскопки на горе на месте поселения первых земледельцев.

«Ошское поселение открыто позднее всех других аналогичных памятников и совершенно неожиданно. Честь открытия принадлежит Елене Васильевне Дружининой, сотруднику Ошского областного музея, моей ученице» – так напишет об открытии Заднепровский в своей книге «Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы». В течение четырех полевых сезонов Дружинина и Заднепровский будут проводить раскопки на горе. Тем не менее для Юрия Александровича Елена Васильевна так и останется на роли ученицы, находящейся в тени своего профессора.

«По-настоящему сенсационное открытие сделала научная сотрудница Ошского историко-культурного музея-заповедника археолог Елена Васильевна Дружинина... Именно Елена Васильевна впервые высказала научную гипотезу о том, что это поселение, может быть, было построено более 3000 лет назад. Возможно, это смелое предположение осталось бы без внимания научной общественности, потому что по менталитету общества того времени подобные открытия должны были делать только ученые с громкими именами», – считают преподаватели Ошского технологического университета Ж. Казыбаев и А.А. Абдыраева.

Коммунистка. Елена Васильевна Дружинина была партийным человеком. В 1962 году она вступила в ряды коммунистической партии СССР. В партии она оказалась не случайно, в её семье все были активными коммунистами, и в начале она отличалась усердием – изучала марксизм-

ленинизм на вечерних курсах, избиралась членом партийного бюро.

По приезду в Ош в 1967–1968 годах она избиралась членом партбюро первичной партийной организации управления культуры Ошского облисполкома, училась в вечернем университете марксизма-ленинизма, который не смогла окончить по семейным обстоятельствам.

В сентябре 1969 года сотрудниками музея в шкафу Дружининой были обнаружены и изъяты материалы «политически вредного содержания». Началось расследование по вопросу хранения запрещенной в СССР литературы. В ходе дела она передала и другие хранившиеся у неё материалы «самиздата» в рукописях и отпечатанные на машинке: «Открытые письма И. Сталину», автобиографические повести Пастернака и Евтушенко, стихи о Хрущеве, произведения Гумилёва, Мандельштама, Цветаевой и Саши Черного, которые в СССР не публиковались. Эту «злополучную» папку Елена Дружинина привезла из Ленинграда, где перепечатки имели частое хождение среди студентов.

Ей будут предъявлять обвинение, что в период учёбы в университете она сблизилась с городскими диссидентами и выполняла отдельные их поручения «по размножению на машинке политически вредных материалов». Долгое время Дружинина боролась с обвинениями: «...я не думаю, что она запрещенная, особенно вредная, так как она большой давности. Некоторые стихи перепечатаны из книг, официально изданных. Автобиография Евтушенко и автобиография Пастернака, по-моему, не антисоветские», – писала она в своей объяснительной записке. Но была вынуждена признать вину, и ей был объявлен строгий выговор.

«Панисламистка». Приезд Елены Дружининой в Ош совпал со временем начавшейся в Оше массовой антирелигиозной кампании. Многие архитектурные памятники сносились как «символы религиозного фанатизма», либо использоваться под хозяйственные нужды. На её глазах стал исчезать старый Ош, она попыталась обратиться к

местным властям через газету. На страницах областной газеты «Ленинский путь» Елена Дружинина опубликовала статьи «Ош наших предков», «Бывал Бабур в Оше», «Новая жизнь старого мавзолея». Она писала: *«Подводя итог описанию архитектурных памятников старого Оша, следует подчеркнуть, что в городе не сохранилось ни одного здания медресе, из ста с лишним мечетей до нас дошло менее десятка, а мазар – один. Представьте себе после этого экскурсию на тему: “Архитектурные памятники старого Оша”. Гид вынужден говорить в основном о зданиях, которые уже не существуют, показывать на пустующие площади, и, в лучшем случае, демонстрировать фотографии. Осмотр же сохранившихся зданий невозможен, так как они заняты предприятиями или складами...».*

Публикации против произвола местных властей вызвали большой резонанс, а Дружинина была подвергнута гонениям со стороны партийных органов. 28 января 1972 года она была исключена из членов КПСС «за проявленную политическую незрелость, выразившуюся в ненаучном подходе к оценке значения культовых сооружений города Ош, протаскивание религиозных догм на страницах областной газеты». ... и Елену Васильевну уволили из музея.

Музейщица. Музей был для неё всем. В первые годы жизни в Оше она даже жила в музее. Всегда с сигаретой, с утра до вечера она трудилась в подвале музея, где были расположены археологические фонды. За двадцать лет работы Дружинина навела образцовый порядок в экспозиции и в археологических фондах. Больше её так никто в этом музее не работал. Увлеченная работой она забывала о

Е. Дружинина.
год съёмки неизвестен.

повседневных делах. Если случались археологические находки, то старалась сразу же выезжать на место.

Из воспоминаний коллег: *«Елена Васильевна говорила: “Весь мой внутренний мир посвящен музею, посвящен археологии. Потому что это моя профессия такая”. Она выкуривала сигарету, закуривала другую и снова начинала говорить»*, – вспоминает Адалат Жумабаева, научная сотрудница музея.

Елена Дружинина вела замкнутый образ жизни. На работе говорила только о работе, будто больше ничего её не интересовало. Но никогда не жалела своего времени, обучала сотрудников, делилась своими находками, сведениями, материалами и планами. Она была в общении очень простым человеком. Никогда не повышала голоса, держалась со всеми на равных.

«Именно она подробно объяснила мне историю. Благодаря ей я поняла даты и эпохи истории. Она была человеком, чьи слова прочно усваивались. Даже тогда в музее было мало денег, но их все равно хватало. Она даже не ходила на дополнительную работу (другие сотрудники подрабатывали преподаванием), а она занималась только своей археологией. Вот так и работала. Работая вместе я заметила её высокий уровень знаний по истории и археологии, но в то же время её простоту и преданность своему делу», – говорит Адалат Жумабаева.

Археолог. Открытие «Ошского поселения» изменило жизнь Дружининой. *«Ошское поселение, ошское поселение...»* только и слышали от неё коллеги. Археологические раскопки там шли четыре полевых сезона с 1978 по 1984 годы. Работы выполнялись Ферганской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР под руководством доктора исторических наук Ю.А. Заднепровского совместно с сотрудниками Ошского музея-заповедника, при участии студентов и преподавателей Ошского государственного университета.

Древнее поселение располагалось террасами на крутом южном склоне Сулайман-Тоо и раскопки проходили

в очень трудных условиях. Дружинина всё время была на горе и за работой часто забывала про еду. *«Елена Васильевна пообедайте, уже двенадцать, выпейте чаю, напоминала я иногда. Она пила чай и сто раз благодарила»*, – вспоминает Адалат Жумабаева.

В результате археологических раскопок были обнаружены 350 каменных изделий, три шила из бронзы, сердоликовые бусы, древесный уголь, кухонные котлы, керамические сосуды разного размера. Описание всех найденных артефактов делала Дружинина.

«Она не думала об ученой степени, можно было бы стать кандидатом наук, потому что материала было достаточно. Честно говоря, основной рабочей силой на раскопках на поселении была Дружинина. Заднепровский был большим человеком, профессором, а она – обычная служащая. Труд человека можно оценить и после жизни. В нашем музее сохранилось много [плодов] её работы, её многолетний труд могут оценить те, кто её знает. Она до конца своей жизни осталась привязанной своей работе» – говорит Адалат Жумабаева.

«Фанатка». Археология составила счастье, смысл и главное увлечение жизни Елены Дружининой. Она была точна и внимательна к своей работе, и ничем больше не интересовалась. Но всё менялось, когда приезжал её учитель Заднепровский. Она превозносила его до небес – так высоко ценила. Много лет с Еленой Васильевной рядом работала сотрудница музея Шазада Саттарова, которую она часто брала с собой в поездки. Она вспоминает, что как только Заднепровский оказывался в Оше она забывал обо мне. Постоянно была с Заднепровским. Елена Васильевна говорила: *«Шаза, ты можешь остаться и уезжала с учителем»*.

«Я часто ходила к ней домой. Иногда оставалась. Она что-то спрашивала и говорила: “Шаза приходи”. Я была единственной, кого оно приглашала к себе. И Заднепровский. Мы трое много времени проводили у неё дома. Она очень любила Заднепровского, он был для неё душой».

Заднепровский много брал у Елены Васильевны. Она много работала для него, печатала ему. Так Заднепровский стал Заднепровским. В основном это был её труд. Но она говорила: “Ну ладно”», – вспоминает Шазада Сатарова.

Заднепровский в основном приезжал в Ош летом на раскопки. Музейщики могли наблюдать, как они вдвоем сидели, он высказывал своё мнение, а она высказывала своё мнение. Разговаривали они вдвоём только по делу. «Ему надо написать, он скоро уедет, ему надо сделать вот это» – часто говорила Елена Васильевна. И садилась для него работать.

Машинистка. У Елены Васильевны была маленькая чёрная ручная пишущая машинка, она часто печатала на ней. Редко писала от руки. У тюрколога-лингвиста Четина Джумагулова сохранились два письма от Дружининой – одно короткое, другое – длинное. Одно рукописное, другое машинописное. В своей книге «Эпиграфические памятники древнего Оша» он отдаёт должное Елене Дружининой и отмечает, что благодаря ей, в 70-е годы изучение и обследование Ошского оазиса, окрестностей Оша и памятников Сулайман-Тоо были подняты на новый уровень.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

г. Ош, 16 января 1973.

Четин, здравствуйте!

Во-первых, позвольте поздравить Вас с НОВЫМ ГОДОМ и пожелать Вам и Вашей семье отличного здоровья, семейного счастья, а Вам – успехов на научном поприще.

Во-вторых, все от Вас получила: открытки, письма, дарственные экземпляры книги и статьи, за что Вам искреннее спасибо. Юрий Александрович Заднепровский как раз был у меня, когда получила книгу и оттиск, обмолвилась, что неплохо бы и ему иметь экземпляр Вашей «Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии». Возможно, у Вас есть экземпляр, он был бы очень Вам признателен. Четин, и за фотографию спасибо, хорошо бы ещё

мазара Сахабаля, если есть у вас лишний экземпляр, т.к. данные о поздних мазарах области я тоже собираю.

Всё лето, Четин, была в «бегах»: месяц копала с кружковцами у Ю.А. Заднепровского, потом ездила к нему с ребятами в Дальверзин [Дальверзин-тепе – древнее городище на юге Узбекистана. Б.М.], где он уже 14 лет работает, помогли ему и там. В общем, выручили мы его в этот сезон здорово, т.к. плохо с рабочей силой. Ходила с ребятами в походы. Два месяца ежедневно находилась на сборе хлопка (выпали из жизни). Между экспедицией и походами похоронила мужа (он в Ваш приезд лежал в больнице). После операции во Фрунзе год лежал в онкологическом отделении в Оше и так умер дома у брата. В день возвращения из похода справляла поминки. Вот такой паршивый год у меня был 1972-ой. В течение его же исключали из партии, потом дали строгача с занесением [строгий выговор с занесением в личное дело, Б.М.], ушла из музея – чего хорошего. 1971-ый был не лучше. Чего ждать в этом?

Четин, ну конечно же закономерено, что не все получилось с кальками с Сахабаляра. ещё бы, такая масса памятников и так

Елена Дружинина.
Фото Ч. Джумагулова. 1972 г.

Е. Дружинина с
Ч. Джумагуловым и
М. Толубаевым. Фото 1972 г.

мало времени. Приезжайте весной да на более длительный срок, чтобы работать спокойнее. Кстати, если будет возможность, прихватите кальки и для меня (чистой). Я тоже тут кое-что сделала по надписям: во-первых, побывала все-таки в большом наукатском Данги: сняла на кальку арабские надписи и уйгурскую, рисунки. Времени чистого для работы было всего полдня, да за ребятами надо смотреть, да добирались мы пешком 10 км с полной выкладкой. Так что надписи надо ещё проверить. Придется идти весной снова. Прошла я тем путём – по противоположному берегу. Написала статейку в «Советскую Киргизию» (25 ноября 1972 г.), но они, как водится, выбросили там, где не надо (об уйгурской надписи – ни слова не оставили). Да и с газеты какой спрос. Вы бы лучше мне подсказали, как доводить все эти кальки до опубликования в приличной научной печати и куда посылать.

Была в этом году в командировке в Советском районе [Ошской области, Б.М.] и конечно же посетила Кыз-Мазар. Но с собой не было ни кальки, ни бумаги нужной, поэтому только посмотрела и то, не стала ворочать гальки, т.к. меня очень торопили. Видимо, весной поеду туда, тогда и сниму. Там же мне обещали ещё один камешек с какой-то надписью откуда-то с границы с Китаем, но это надо ждать, когда привезут в райцентр, т.к. добраться весной в поход вряд ли сможем. Ещё есть там два камня с китайскими (?) надписями. Если поход все-таки состоится, то я до них доберусь.

В общем, работу по отыскиванию и фиксации надписей веду и буду продолжать. Прорись с оставшегося на кладбище в Оше кайрака сделаю, он стоит, была вчера. Пишите. Да, побывали ли Вы в Абшир-Сае?

С глубоким уважением
Е. Дружинина.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Ош, 26.06.73 г.

Четин, здравствуйте!

Что-то нет весточки от Вас.

Приехал Ю.А. Заднепровский. Копала с ним в Наукате могильник. Съездили в Сахобу (так местные называют Сахобалар мазар). Есть сведения, что в горах, в р-не г. Кызыл-Кия, имеется кайрак. Дала задание снять копию и сфотографировать. Возможно, летом это сделают.

Ю.А. показывал Лившицу копию уйгурской (?) надписи из Катта Данги в Наукате. Есть предположение, что она согдийская. Если Лившиц будет в этом году в Токтогуле, то попытайтесь организовать поездку в Наукат.

Кайрак из Кыз-Мазара пока не привезен шофером в музей.

Прориси с зеркальца ещё никому не показывали? Как монеты доехали до Фрунзе? Что-то ничего не пишет Фёдоров М.Н.

При случае не забудьте отправить мне книжечку о Кани-Гуте. Жду список мест с кайраками, которые надо проверить. Уйдете в отпуск, потом отправитесь в Москву, а я за это время смогу кое-что проверить. На днях еду на сенокос в Узг [енский]. р-н, с/з «Яссы», поговорю там о мазаре, который знает Винник Д.Ф. Есть там ещё мазар (Кызыл-Дехкан), тоже рядом с Узгеном, может, там и есть кайраки? Уч-Капчал, куда Вы ездили в этом году, надо проверить. Ещё о каких-то местах в р-не Шах-Фазила Вы говорили – напишите.

Очень интересный мог[ильки]к показала Ю.А. в Наукате. Он вскрыл 19 могил, работали дети из моего кружка. Время захоронений тюркское.

Много езжу, можно сказать, непрерывно. Пишите мне на домашний адрес, как всегда. Соседи собирают почту, и всё до меня доходит. Пожалуй, всё.

С глубоким уважением,
Дружинина.

Наставница. С первых дней работы в музее Елена Дружинина возглавила работу кружка юных археологов, который действовал при её Отделе дореволюционной истории. В кружке занимались учащиеся разных школ города Ош. В среднем за учебный год через кружок проходили более 60 учеников. Многие занимались в течение нескольких лет. Были примеры, когда дети начинали посещать кружок с третьего класса, хотя по правилам набор начинали с пятого класса и старше, и заканчивали занятия, уходя из школы. Она поддерживала связь со многими из них, кто уезжал в другие в города или возвращался после армии – ребята обязательно заходили в музей, рассказывали о себе, интересовались работой кружка.

Многие из них проводили летний сезон в археологических экспедициях. Под её руководством в те года ребята участвовали в раскопках разных памятников от эпохи бронзы до средневековья, осваивали особенности методик раскопок поселений и могильников, снятия наскальных рисунков и надписей. *«В 1978 году они участвовали в научном изучении поселения эпохи бронзы на территории Сулейман-Тоо – ядре нынешнего города Ош, раскапывали могильники в зоне затопления Курпсайской ГЭС, работали в Наукатском районе. В этом году планируются раскопки большой площадью Ошского поселения, после чего на месте раскопок будет создан музей под открытым небом «Ошское поселение 3 000 лет», –* пишет в отчёте Дружинина.

Все участники кружка становились членами Общества охраны памятников истории и культуры и *«не пассивные, делающие по-настоящему большое и нужное дело. Открытые ими памятники становятся достоянием исторической науки»* (Дружинина). Юные археологи значительно помогали исследователям.

Дружинина посвятила себя обучению юных археологов, вела практику у студентов, и многие из тех, кто работал с ней на раскопках, и которым она преподавала, очень тепло вспоминают ее. Феруза Амадалиева, одна из студенток

Отряд студентов ОшПИ. В центре Е.В. Дружинина, рядом Ю.А. Заднепровский (начальник экспедиции) Фото 1980 г. Из книги Ю. А. Заднепровского «Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы». Бишкек, 1997

Ошский краеведческий музей. Фото 1980-е годы.

Исторического отделения при филфаке ОшГУ, поделилась, что им студентам, которые поступили в 1985 году, посчастливилось увидеться и пообщаться с ней. *«Я впервые увидела такого человека, знаете, она была полностью поглощена, она жила этим. Сейчас я понимаю, насколько много Дружинина сделала, она просто делала и делала. Её не интересовали какие-то почести, чтобы её имя осталось или какие-то деньги, чтобы зарплату повысили, какие-то привилегии. Жила историей города Ош. Жила музеем и экспонатами», –* вспоминает Феруза Амадалиева.

Елена Васильевна. Дружинина была единственным археологом в Оше, после скандала в 1972 году её восстановили в музее на ту же должность – заведующей Отделом досюветского периода. Она продолжила самозабвенно работать, открывать и исследовать новые памятники, руководить раскопками. Совместные исследования с Юрием Заднепровским продолжались буквально до последних дней её жизни. Она преждевременно скончалась в мае 1987 года, одна, у себя в квартире в Черемушках (Ош). Единственную дочь она отправила в Ленинград на учёбу, муж после болезни умер в 1972 году. Когда она не вышла на работу после длинных майских праздников, сотрудники забеспокоились, и несколько человек из музея отправились к ней домой. Она лежала на диване с газетой в руках. Похоронили её на Юго-западном городском кладбище. Хоронили всем коллективом музея.

Сегодня на месте проведения раскопок у «Ошского поселения» стоит информационный стенд на трех языках. Но упоминания о Елене Дружининой там нет. Нет сведений о Дружининой и в зале с археологическими находками, где практически каждый экспонат прошел через руки Елены Васильевны.

Памяти Елены Дружининой Юрий Заднепровский посвятил свою книгу «Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы». В книге он напишет: *«она была надежным помощником в работах на Ошском поселении и руководила основными раскопками. Автор с благодарностью отмечает её помощь во многих исследованиях, и эту работу посвящает светлой памяти Елены Васильевны Дружининой!»*

Её большой вклад в изучение истории Оша также отмечали исследователи В.Я. Галицкий, В.М. Плоских, А.Е. Захарова, К.Ж. Малтаев, Ч. Джумагулов, Т. Аюпов. В год её смерти издаётся знаменитая энциклопедия «Ошская область», где она была задействована как консультант и автор статей.

Большая часть её богатейшей научной библиотеки после её смерти были передана в музейную библиотеку.

Послесловие. Информация о Елене Дружининой собиралась буквально по крупицам. В начале исследования я столкнулась с несколькими отказами в интервью от людей, которые, как мне казалось, достаточно хорошо знали Елену Васильевну по работе. После её смерти таинственным образом исчезли её записи, заметки и ценные книги. Совсем недавно (вторая неделя августа 2024 года) я попросила музейных сотрудников вспомнить имя её мужа и дочери. Дочь звали Ирина, но кроме поступления в ВУЗ в Ленинграде, о её судьбе больше ничего не известно. Возможно, стоит поехать в Санкт-Петербург, откуда Дружинина когда-то приехала в Ош.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ШЕКЕР

Клара СООРОНКУЛОВА

«Человеческая жизнь словно крылатая птица, улетающая вдаль. То, что было сегодня, завтра уже не вернётся. Куда ушла эпоха наших родителей, которую мы, казалось бы, ощущали ещё вчера? Их время безвозвратно ушло, но осталось в нашем сердце, и, хотя мы говорим, что не надо сожалеть о прошлом, горевать об ушедших, что надо думать о будущем, мы не замечаем, как уходит и наше время», – такими словами мой отец Сооронкулов Сыргакбек начинает свое повествование о судьбах своих родителей – отца, и особо о тяжелой судьбе своей матери Шекер, которую мой отец написал на основе своих и чужих воспоминаний, с искренней верой и надеждой на то, что и последующие поколения будут знать и помнить историю жизни своих предков.

Мою бабушку звали Курман кызы Шекер, родилась она в 1903 году и прожила всего лишь 34 года. Жизнь её была короткой, но беспокойной, полной драм и потерь.

Калича апа, мать Шекер, овдовев, по обычаю левирата, вышла замуж за Бечеля – брата своего покойного мужа. Шекер и её брат Ниязбек относились к последнему как к родному отцу. В шестнадцать лет Шекер выдали замуж, к несчастью первый её брак длился меньше года, муж погиб под снежной лавиной. В это время Шекер была на седьмом месяце беременности, но и ребёнок умер сразу же после родов. Из-за свалившихся невзгод бедная Шекер плакала днями и ночами. *«Скоро ты растаешь как сахар, не плачь родная»*, – успокаивала её Калича апа.

Ранней весной 1922 году наш дед (дед) Сооронкул переселил безутешную, восемнадцатилетнюю Шекер в свой дом. Сорока четырехлетний вдовец выбрал себе в спутницы жизни Шекер, совсем молодую женщину, но уже, также как и он, познавшую горечь потерь. Создатель услышал их мольбы о счастье, и вскоре она забеременела двойней.

Дед наш Сооронкул, кроме скотоводства, занимался торговлей, и один из его отъездов в Наманган обернулся для молодой семьи большим несчастьем. Уезжая, Сооронкул наказал младшему брату Турсункулу перекочевать с оскудевшего пастбища на другое, а в день отъезда Шекер благополучно родила сына. Запеленав младенца и крепко привязав его к груди матери, поспешили в дорогу, чтобы перейти реку Талас и затемно добраться до южного склона. Молодая мать, несмотря на боль и усталость, ехала с младенцем в руках верхом на лошади. И как только перешли реку и ступили на землю – она родила второго мальчика. У обессиленной переездом и двойными родами женщины началось кровотечение, её удалось спасти, но оба младенца умерли. Прежде чем предать младенцев земле им дали имена, старшего, назвали Эдиге, а младшего, родившегося чуть позже – Кедиге.

Так долгожданный день вместо радости принёс скорбь и печаль. Сооронкул вернулся спустя неделю после случившегося и нашел свою жену в тяжелом состоянии. Сооронкул ата вспоминал, что, когда он поцеловал её в лоб, она была холодная как лед. Об умении нашего деда лечить людей знали все вокруг, он вылечил свою молодую жену – зарезал барана и завернул её в теплую и жирную шкуру, накормил горячим шорпо и свежим мясом.

Однако душевное состояние Шекер было безрадостным – безучастная и равнодушная ко всему, она не проявляла интереса к жизни. Родственники стали уговаривать Сооронкула взять в дом вторую жену – токол: *«Дай бог, ты стал богатым и уважаемым человеком, единственное было бы хорошо, если бы всем этим заправляла твоя жена, но видно, бедняжка Шекер ещё не скоро оправится, тебе нужна хозяйка, а для Шекер помощница»*. Так в доме появилась Айке, привлекательная, многое повидавшая в жизни, двадцатичетырехлетняя женщина. Дед наш рассказывал, как сделал Айке предложение: *«Ты молода, а мне уже за сорок, вот уж седеют борода и усы, если ты согласилась, чтобы только не перечить родственникам, ты скажи, я*

готов развернуть коня и вернуться обратно». «Я готова пригладить эти седые усы, и сев на этого коня уйти вместе с вами», – ответила она смеясь.

Только через месяц Шекер апа поняла, что произошло и сказала мужу: «Раз уж ты взял другую жену, то почему не отвез меня обратно к родным, я бы всё поняла, ведь теперь я больна». Тогда муж ей ответил: «Хозяйство осталось без присмотра, некому за всем следить и встречать гостей, я взял не от того, что увлекся ею, ты уж меня прости, она тебя не обидит, у каждой из вас будет свой дом, ты сама будешь вести своё хозяйство». Он позвал Айке, сели они втроем и поговорили, как им теперь вместе жить и вести хозяйство.

Вскоре Шекер оправилась от болезни. В воспоминаниях современников, Шекер отличалась не только красивой внешностью, но и общительностью и остроумием, была большой выдумщицей забав и розыгрышей. В кругу родственников часто пересказывали её шутки и рассказы.

В 1926 году Шекер родила сына Умара, в 1929 году Шекер родила ещё одного сына Турусбека. Шекер восстановила свое здоровье, бойко вела хозяйство, радовала окружающих своими шутками, одним словом, стала хозяйкой большого дома. Казалось, что самые тяжелые события жизни пережиты и остались позади.

Однако в общественной жизни спокойствия не было. Кыргызов Таласской долины беспокоило, что с каждым днём становилось все больше русских переселенцев, они, не спрашивали согласия людей, отбирали пастбища и вспахивали их. По словам очевидцев, было немало случаев, когда переселенцы собирались и избивали местных жителей. Кыргызов особенно возмущало разведение свиней и их выпас на лугах вдоль рек. Это оскорбляло религиозные чувства верующих мусульман и вызывало не только брезгливость, но и массовое возмущение. Переселенцы занимали под пашни лучшие земли и начали теснить местное население. «Мало того, что царская Россия отдала благодатную землю Таласа немцам, так похоже, что прави-

Семейная фотография Соорокуловых.

Сыргак Сооронкулов в молодости.

тельство Советов отберёт оставшиеся у нас земли и отдаст неверным русским. Как мы будем жить вместе с ними? Куда мы пойдём? Мы должны принести жертву за нашу землю, за наш народ, за нашу родину, за наших подрастающих детей, за духов наших предков», – такие мысли будоражили таласцев.

Многие знатные и авторитетные люди, недовольные советской властью, стали призывать людей к объединению и сопротивлению. С этой целью осенью 1929 года таласцы собрались на курултай. Среди активных участников курултая были близкие родственники Шекер, во главе с Бечелем (дядя Шекер, заменивший ей отца). Бечел, который всегда

знал, что сказать, выступал достаточно долго. Он вдохновлял собравшихся и напомнил о Конок батыре, дошедшем до Китая и участвовавшем там в боях, о Тубай батыре, гнавшем войска Шыгай хана и калмаков за Кашгар, об Эр Эшиме, который мстил за отца и преследовал калмаков до Или. Говорили и о других защитниках народа, о тех, кто не давал его в обиду и гнал пришедших с нашей священной земли, оставленную нашим отцом Манасом, и призывал народ к мужеству, чести, единству, согласию и братству. В связи с тем, что скоро должны были начаться холода, решили все вместе выступить весной, в апреле 1930 года.

Курултайцы обсудили способы борьбы, говорили, что, вооружившись в основном копьями и винтовками, оставшимися от дедов, очистят от русских захватчиков все села Таласа, от начала до конца, а тех, кто будет оказывать сопротивление наказывать вплоть до применения смертной казни. Несмотря на то, что прошло одиннадцать лет со дня установления советской власти, в народе ещё было мало людей, принимающих новые порядки и понимающих сущность советской власти. Таласцы, которые раньше не видели и не знали русских, воспринимали их как чужих и были против них. Взаимная неприязнь часто доходила до прямого противостояния и насилия. Таласцы относились к русским переселенцам как к захватчикам и обвиняли в этом новую власть. Тем более, что проводившаяся тогда политика коллективизации в начале 1930-годов воспринималась населением как грабительство, «уполномоченные» новой пришлой власти под предлогом коллективизации отбирали как скот, так и любое имущество, а тех, кто оказывал сопротивление называли кулаками, судили и высылали в Оренбург.

За полтора месяца до установленного на курултае срока в различных местах начался переполох. Начали восставать люди племен айтамга и жети уруу, составлявшие основную часть рода саруу. В ответ начались репрессии против лидеров и активных участников Курултая. Так, в начале марта 1930 года, против «бунтовщиков» были направлены

солдаты ОГПУ, чтобы арестовать стоявших во главе бунта. Со стороны восставших более четырехсот джигитов рода жети уруу направились в Талас. Они разделились на три группы: одна напала на здание ОГПУ, другая на учреждение кантона (*административно-территориальная единица в некоторых частях СССР до 1941 года. Прим. ред.*) и третья на тюрьму. Однако добиться своих целей им не удалось, солдаты, у которых была информация о их прибытии, были хорошо подготовлены и вооружены, они встретили их перед тюремой пулеметным огнем. Восстание захлебнулось, так и не начавшись. Несколько человек были застрелены, и если бы не густой туман, по словам очевидцев, погибших было бы гораздо больше. Люди жети уруу разошлись по своим сёлам, кто-то прятался, часть подалась, подвергшись гонениям, в горы и превратились в беглецов. Тогда их стали называть «басмачами», но они ни у кого ничего не захватывали, а заплатились своими жизнями в борьбе за идею защиты своей родной земли. Но, благодаря советской пропаганде за ними так и закрепилась дурная слава, даже спустя сто лет, когда нам говорят, что мы «басмачи», мы покорно молчим, кивая головой в знак согласия.

Сотни людей были заключены в тюрьмы, сколько из них умерло и сколько осталось, сколько из бежавших были расстреляны, сколько умерло от голода, а сколько бежало на юг и выжило, никто не считал. О курултае перестали упоминать, даже те, кто там выступал. Многие стали отказываться от своего участия и от своих слов. Таласцы покорились советской власти, немало было и тех, кто перешел к активному сотрудничеству и доносителству. Нашего деда Сооронкула тоже допросили и посадили в тюрьму, в которой он провел более двадцать дней.

Драматические события таласского восстания оставили трагический след и в судьбе Шекер. Именно в дни нахождения Сооронкула в тюрьме, во время одной из перекочевок, Шекер натолкнулась в русле реки на мертвые тела своего деда Чоко и отца Бечеля, расстрелянных солдатами. Свалившееся на неё горе подкосило её, к ней вновь

вернулись приступы болезни. Но жизнь побеждает смерть, в 1931 году Шекер родила моего отца Сыргакбека.

Эхо таласского восстания ещё долго отзывалось в судьбах людей. Особенно длительными и жестокими были преследования участников курултая, в том числе родственников Шекер. Спасаясь от преследования, они вынуждены были бежать в Аксы, селения доблестного и красноречивого Бечеля было стёрто с лица земли.

День и ночь, думая о своих родных, Шекер не переставала плакать. Она все время говорила мужу, что хочет увидеть своих братьев, сестёр и просила её отвезти в Аксы. В конце концов, он был вынужден согласиться.

Итак, когда настала весна, и люди начали перебираться на жайлоо, отлучив от груди Сыргакбека, в сопровождении младшего брата мужа Турсункула она отправилась в Аксы. Отправив Турсункула обратно в Талас, Шекер задержалась в Аксы гораздо дольше условленного с мужем срока.

В один из дней пребывания Шекер в Аксы, в дом вошли двое мужчин. Увидев во дворе красивую женщину, они остановились и долго смотрели на нее. На следующее же утро, когда взошло солнце, к дому на лошади подъехал мужчина, который держал перед собой барана, остановившись у дверей, он позвал хозяина дома: «*Племянник! Выходи!*», затем спешился и привязал во дворе барана. Когда его спросили, что это за баран, он ответил: «*Председатель сельсовета собирается сделать нике с молодой женщиной, которая была здесь вчера. Он сам приведет молдо и будет здесь после обеда. Лучше помощи, надо барана зарезать*».

– *Постойте, так нельзя, она только три дня назад приехала из Таласа! У неё есть трое детей и всеми уважаемый муж! Вы бы хоть спросили?* – ответили ему.

– *Думаете, что сельсовет не знает об этом, а детей – что он не сможет привезти сюда и усыновить?* – ответил он, зарезал барана и ушел.

Тогда Ниязбек, брат Шекер, сказал своей сестре: «*Что же нам теперь делать, вот что значит беглецы, чужие*

люди, кто нам теперь поможет на чужой земле? Если мы не исполним того, что он говорит, он скажет, что мы беглецы и посадит нас». Ниязбек со своими родными ещё не прижились здесь, и каждый день ожидали проверок и ареста. Над Шекер апой нависла беда.

– *Я что пришла сюда через перевал, чтобы выйти замуж? Хотела лишь вас увидеть. Что же мне теперь несчастной делать? Если бы я знала, что так случится, вернулась бы с братом мужа. Брошу мужа, оставлю без матери троих сыновей, чтобы выйти замуж за “сельсовета”? Уж лучше умереть, чем замуж! Пока он не пришел, переведи меня через перевал, а ночью вернётся, – сказала она своему младшему брату и засобиралась в дорогу.*

– *Сестра, сейчас ещё сурки не вышли из своих нор, волки голодные, а если я с вами пойду, меня там поймут и посадят в тюрьму, что тогда будет с нашими младшими братьями и сестрами? А если я вас отправлю одну, то сегодня же ночью вас съедят волки*», – отвечал ей брат.

– *Вставай, седлай лошадь, переведи меня через перевал Оркун и возвращайся обратно. Скажешь, что я ещё вчера уехала, не предупредив тебя, ничего он тебе не сделает.*

– *А как же вы доберётесь, что будет с вами.*

– *Обо мне не переживай, уж всё лучше, чем выйти за “сельсовета”, поспеши, – ответила Шекер, быстро попрощалась с родными и вынудила Ниязбека выйти в дорогу. «По дороге я сделал себе палку из крепкого ствола дерева, вычистил её добела, и опирался на неё, когда стемнело мы спустились с перевала Акун. Тогда сестра сказала, чтобы я возвращался обратно, не показываясь никому, и взяла себе мою палку», – вспоминал Ниязбек. Взяв вместо лошади палку и уповая лишь на Бога, Шекер одна пустилась в путь. Когда совсем стемнело, за ней увязались два волка, они то приближались, то отдалялись от неё. «Вначале со страха всё тело как будто умерло, а затем я потихоньку начала приноравливаться, когда я добежала до вершины Торгой, стало светать, оказывается, когда рассветает,*

волки отдаляются. У меня было немного еды, которую мне в дорогу собрала жена брата, ела на ходу, думала, что, если сяду и остановлюсь, что-то обязательно случится. Как я не силилась, но страх не проходил. Два дня и две ночи я была в пути, на жайлоо ещё никого не было. Спутником мне была палка, которую мне сделал мой родной Ниязбек, она меня и от волков спасла, и в долгой дороге была настоящей опорой», – рассказывала Шекер.

«На второй день, когда начало темнеть, волки снова показались позади меня. Выходит, что все это время они шли за мной. Как только они пытались приблизиться ко мне, я издавала звуки и показывала, что хочу ударить их палкой. Особенно близко они подходили на тропинках, тогда я старалась передвигаться быстрее. Мне придавало силы то, что мне удалось сбежать от лап “сельсоветов”, главное, я не растерялась и не поддаюсь панике», – рассказывали моему отцу эти слова его матери. Преследовавшие её волки остановились на тропинке от перевала Бешкуль к реке, время было ближе к полудню. Словно избавившись от напасти, она добежала до входа в Бешкуль, и увидела справа от себя человека, спускающегося верхом на лошади со стороны Табылгыты. Оказалось, что мужчина был дальним родственником Сооронкула, он помог Шекер добраться до дома. Навстречу ей вышла вся семья, среди них она увидела Сыргака, который только начал ходить, прибежал Умар, а за ним Турусбек. Обняв и поцеловав троих сыновей, она потеряла сознание.

С того момента Шекер стала терзать душевная болезнь, она говорила бессвязные вещи, смеялась без причины, могла выйти из дома и уйти, куда глаза глядят. В приступках беспричинного гнева Шекер стала представлять опасность для близких. Опасаясь за детей, Сооронкул вынужден был держать её в глубокой яме, в которой хранили пшеницу. Туда же ей приносили еду. Осенью 1934 года Шекер выздоровела. Но в счастливую мирную жизнь семьи Сооронкула вновь пришла беда. В 1936 году неожиданно скончался семилетний Турусбек. Он был очень одаренным ребёнком, и

как считает мой отец, умер от сглаза. Шекер не перенесла смерть Турусбека, с ней случилось тоже, что было, когда она потеряла своих близнецов, она неподвижно сидела, её не интересовало то, что происходило вокруг. *«Бывало наиграешься, прибежишь домой, хочется есть, а она сидит на одном месте», – вспоминает отец.*

Спустя полгода после смерти сына всевышний забрал Шекер к себе.

История короткой и драматичной жизни Шекер – это история обыкновенной кыргызской женщины, схожая с множеством ещё нерассказанных историй о наших бабушках, живших в суровых условиях кочевого быта и перенесших не только личные, но и трагические события жизни нашего народа.

«ВПЕРЕД, В ТОТАЛИТАРНОЕ ПРОШЛОЕ?», ИЛИ ЗАВЕЩАНИЕ РЕГИНЫ ХЕЛИМСКОЙ

Айгуль ОМУРКАНОВА

«Установить надо в Бишкеке камень из черного иссык-кульского гранита с надписью «Жертвам политических репрессий в Кыргызстане 1918–1953 годов». По примеру Соловецкого камня в центре Москвы и Памятника жертвам Голодомора в центре Киева. Место нашего камня надо определить у нынешнего Дома дружбы, в подвалах которого при Сталине были расстрельные камеры, да и просто тюремные камеры тоже. Добираться до чон-ташского «Ата-Бейита» могут далеко не все, чтобы возложить цветы. Мэры Бишкека обещали установить камень, дело дошло до привязки к местности и, увы, застряло. Неужели навсегда? Неужели никому не стыдно за нашу низкую политическую культуру?»

Регина Хелимская, журналистка

Это высказывание Регины Хелимской говорит само за себя. Всё, что я пыталась написать о Хелимской избыточно и апокрифично на фоне её документального повествования. Оставляю только одно. Коллеги вспоминают такой диалог на планёрке:

– Хелимская, вы же журналист! И должны ездить в командировки. Почему отлыниваете?

– Потому что редактор хочет, чтобы я только с ним ездила в командировки!

И это не за спиной у шефа, а в присутствии всех сотрудников редакции. Говорят, что его потом отпаивали, наверное, коньяком. Она пришла в журналистику, когда считалось, что это занятие для мужчин. Регина Хелимская отстаивала свое место в профессии.

«Регина Хелимская родилась на Дальнем Востоке в семье офицера-пограничника. Окончила Киргизский Госу-

дарственный университет и аспирантуру МГУ им. М. Ломоносова. Автор статей и книг по TV-информации, документальному кино, межнациональным отношениям. Живёт в Бишкеке. Работает в редакции республиканской газеты «Слово Кыргызстана»», – так представили Хелимскую читателям её главной книги – «Тайна Чон-Таша».

«Книга написана по следам реальных событий: летом 1991 года в пригороде столицы Кыргызстана Бишкека было обнаружено массовое захоронение человеческих останков. Серия материалов о тайнах урочища Чон-Таш (в переводе с кыргызского Большой Камень), опубликованная в газете «Слово Кыргызстана», вызвала широкий общественный интерес. Жители республики наконец узнали правду о трагической судьбе своих отцов, мужей, братьев, людей разных национальностей, ставшими жертвами невиданного террора.

На основе свидетельств очевидцев и архивных данных автор воссоздает события полувековой давности. Впервые публикуются ранее секретные документы и материалы из архива НКВД-КГБ республики, неизвестные прежде фотографии», – говорится в аннотации к этой небольшой, но важной книге.

Обложка книги
«Тайна Чон-Таша» и
фотография её автора –
Регины Хелимской.

«Как это было?». *Историческое расследование.* Материалы публиковались в республиканском издании «Слово Кыргызстана» и в приложении «В конце недели» с 15.06.1991 под общим названием «Тайна Большого Камня» в рубрике «Как это было?» с пометкой «Память». Статьи вошли в книгу почти без изменений и в той же последовательности.

Это историческое расследование. Источниками информации в ходе журналистского расследования стали люди, обладающие нужными сведениями: свидетели, очевидцы, хранители писем, дневников, устных сведений, различные специалисты, связанные с делом. И, конечно же, государственные учреждения и архивы.

Регина Хелимская в своих материалах умело сочетала информацию из этих двух групп источников. Она встречалась с родственниками репрессированных, археологами, криминалистами, историками и сотрудниками КГБ, изучала архивные документы, дела репрессированных, заявления, жалобы, обвинения, указы и постановления.

Но в начале этого расследования было слово, и слово было устное.

Керез – завещание. В 1973 году Абыкан Кыдыралиев, работавший в 1930-е годы сторожем на даче НКВД в Чон-Таше, рассказал своей старшей дочери Бюбюре, что на территории дачи, в печи для обжига кирпича, находятся тела сотен расстрелянных.

Только в конце 1980-х годов Бюбюра Кыдыралиева стала искать надёжного человека, чтобы выполнить завещание отца – показать место, куда были брошены тела убитых в 1938 году.

«...На столах, на полках в трёх комнатах расставлены человеческие черепа. То, что они из чон-ташского "захоронения", видно сразу по небольшим, как правило, пулевым отверстиям разной величины. В затылочной кости – и в лобной. В затылочной – и в челюсти. В затылочной – и в виске», – фиксирует журналистка Хелимская.

А до этого была встреча Бюбюры Кыдыралиевой с капитаном Комитета государственной безопасности СССР

Болотом Абдрахмановым, которому пришлось в прямом смысле слова откапывать то, что было сделано сотрудниками Народного комиссариата внутренних дел СССР в тридцатые годы XX века.

А вот и одна из иллюстраций книги: 27 июля 1937 года Михаил Калинин вручает Николаю Ежову орден Ленина. И тут же текст выступления самого генерального комиссара госбезопасности: *«В мире нет больше такого государства, где бы органы государственной безопасности были так тесно спаяны с народом... У нас органы разведки, органы государственной безопасности стоят на страже интересов советского народа. Поэтому пользуются заслуженным уважением, заслуженной любовью всего советского народа».* Хелимская вспоминает и тех, кто слагал песни и прославлял «батыра Ежова».

Без вины. Без следствия. И без суда. *«В какое время, в каком государстве, человек, зная, КАКОЕ наказание грозит ему за преступление, говорит: "я занимался активной контрреволюционной деятельностью вплоть до своего ареста, к контрреволюционной деятельности я примкнул в двадцать втором, несколько слов о моей деятельности по линии подготовки восстания против Советской власти в Киргизии, с этого момента начинается моя активная террористическая деятельность..." Где и когда такое было возможно? Где и когда было? Это люди говорили изо дня в день, из месяца в месяц,*

Капитан КГБ Болот Абдрахманов и свидетельница Бюбюра Кыдыралиева. 1991 г. Фотографии из книги Регины Хелимской «Тайна Чон-Таша».

нередко годами. Говорили, зная, что не виновны. Не зная, что через два десятилетия уже другая рука подошьет в архивное дело уже другой документ Военной коллегии: определение об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления», – пишет журналистка-расследовательница.

В каждой главе книги новая история об одном из тех, чьи останки оказались в печи для обжига кирпича на даче НКВД в Чон-Таше. Описание материалов дела, комментарии автора и специалистов. Истории их семей, многолетних ожиданий и безвестности.

24 октября 1939

Москва, Наркомут. Берии

«... По сведениям, полученным мной из НКВД Киргизской ССР, мой муж в ноябре месяце 1938 осужден тройкой на 10 лет с высылкой на Дальний Восток без права переписки. Кроме вышеуказанных, никаких сведений о муже не могу получить и его судьба мне совершенно неизвестно, жив он или нет. Так как в последнее время многие лица, обвиненные как враги народа, оказались невиновными, я решила обратиться в Вам и прошу пересмотреть дело моего мужа».

Нагима Айтматова

22 ноября 1939

Начальнику Кировского

РО НКВД Киргизской ССР

«Объявите гр-ке Айтматовой Нагиме, ... что её муж осужден правильно и выслан в дальние лагеря без права переписки».

Нач. I спецотдела НКВД Киргизской ССР
лейтенант госбезопасности Сааков

«Эти письма, заявления, жалобы жён, детей, братьев надо, на мой взгляд, извлекать из закрытых архивов. Чтобы мы и те, кто придут потом, знали доподлинно, из первоисточников, через ЧТО мы прошли. И почему стали такими, какие есть», – пишет Регина Хелимская.

23 августа 1991 года останки 138 жертв репрессий были перезахоронены. Иван Иванович Тютюников сомневается...

Житель села Ново-Покровка написал в редакцию письмо. Он сомневался. *«И вообще-то – есть ли они?»*, – всё ещё спрашивал он. Материалы Регины Хелимской, рассказы и комментарии десятков специалистов – от криминалистов до сотрудников госбезопасности, архивные документы, заявления, жалобы, признания, документальные фотографии останков не убедили его.

Именно поэтому она предлагала показать по телевидению видеозапись того, как были обнаружены важные следственные доказательства, в частности копии обвинительных заключений.

Она считала, что нужно использовать не только печатные СМИ, но и телевидение, чтобы рассказать о случившемся. И как журналистка думала о том, как лучше передать масштаб репрессий и значимость перезахоронения:

«И люди шли пешком. Они несли портреты погибших, несли цветы, маленьких детей. Шли без портретов, без детей и цветов. Старые, молодые, здоровые и больные, кыргызы, русские, уйгуры, немцы, белорусы, татары, дунгане, китайцы, корейцы. Это надо было снимать сверху, с вертолётта», – отмечала она. Хелимская пережила, что операторы «Кыргызфильма», хроникеры-документалисты подключились только после того, как первые, самые трагические события трёх июньских недель остались позади.

Коллаж ко второй главе книги Регины Хелимской «Тайна Чон-Таша».

Её слова – это документальная хроника: «...С каждым взмахом лопат следы кирпичного производства становились всё заметнее. Открылась и верхняя часть стен небольшого, три на три с половиной, помещения.

В первый день раскопок сотрудникам КГБ, прокуратуры и бюро судебно-медицинской экспертизы удалось обнаружить останки семи человек. Судя по всему, людей в прямом смысле слова ставили к стенке. Полуистлевшие калоши (на подошве одной из них отчетливо видно клеймо завода “Красный богатырь”), подошвы (одна из автомобильной шины), две эмалированные кружки, сохранился даже цвет – коричневая и зеленая, днище, видимо, одной из них, с надписью “Ростов н/Д”, остатки пуговицы, кусок одежды. Все это тщательно собирается, складывается в полиэтиленовые пакеты. Криминалистам, судебно-медицинским экспертам предстоит большая работа.

... Из рук в руки передаются лопаты.

И все шире и шире становится углубление в земле. Идет видео- и фотосъемки каждого найденного в земле, как говорят следователи, фрагмента. Сотрудники КГБ, прокуратуры, журналисты, представитель общественных организаций Демократического движения “Кыргызстан” и “Мемориала”, становились первыми свидетелями первых шагов по восстановлению истины, которую и сегодня кое-кто хотел бы не просто оставить в земле навсегда, но и закопать ещё дальше, как можно глубже».

«Личность и насилие». Большой террор показан в книге Регины Хелимской через документ, в котором звучит голос человека. Ей было важно показать, как это было. «...Первый допрос был в тот же день во Фрунзе, целые сутки допрашивал следователь (фамилии его я не знал), который ругал, оскорблял, несколько раз бил, в полночь заходил Иванов (начальник 3 отделения УГБ НКВД Киргизской ССР, капитан госбезопасности – Р.Х.) и он один раз ударил, требовал сказать когда, кем завербован. В то же время предупреждал: слышишь голос? И, действительно, с полночи во всех кабинетах было слышно – кто плакал, кого по

полу таскали, кто охает. Одновременно по кабинетам ходили одетые в гражданские одежды, спрашивая: говорил ли я или хочу получить “награды”. Но несмотря на это, постольку, поскольку не состоял и не знал сказал не знаю и не состою. После суточного допроса меня спустили в подвал, где без допроса я пролежал 47 дней».

Это не воспоминание. Это заявление на имя прокурора и наркома внутренних дел республики написанное 21 мая 1939, подшитое в конце архивного следственного дела. Досалы Туратбеков никак не сознавался, что он член Социал-Туранской партии (СТП) Кировского района.

«... Потом меня отправили в Кировский район, где я работал 14 месяцев назад два с половиной года секретарем РК КП (б) Киргизии, где и действительно начались издевательства, избиения. Как приехал, так с машины взяли меня на допрос, сидел на табуретке 38 дней у зам. начальника РО НКВД Петука, и никуда ни на один час не отлучался, все время сидел. В это время Юрченко и его ставленники били по шее, по ногам, по подбородку, сутками трясли голову, обливали водой. Юрченко организовал группу “мордобоя” из кулаков, хулиганов Ташиева, Шабданова, Курбанова. Эти по команде Юрченко меня и других били, издевались. Это подтвердят все граждане, арестованные

Дело Досалы Туратбекова. Ордер на освобождение Досалы Туратбекова от 20 июля 1939. Из архивно-следственного дела. Д. Туратбеков. Ноябрь 1991. Из книги Регины Хелимской «Тайна Чон-Таша».

из Кировского района, а также может подтвердить сидевший в клубе арестант, что Ташиев каждый день вызывал. В результате таких издевательств Юрченко и его группы я был вынужден дать ложные и неправильные показания... А на самом деле я о СТП никогда не слышал и не знал и никакой вредительской работы не проводил, а наоборот. После получения показаний меня обратно привезли во Фрунзе».

А младший лейтенант госбезопасности Юрченко написал рапорт старшему лейтенанту госбезопасности Идашкину, начальнику четвертого отдела УГБ, чтобы возбудить ходатайство перед замнаркома полковником Окуневым о заключении Досалы Туратбекова в карцер на восемь суток. Его перевели в карцер, все это зафиксировано в деле.

«... Потом посадили меня на пять суток в карцер, тогда тоже не подписал, писал заявления 3-4 раза, все эти заявления порвали. Потом я просил вызвать кого-нибудь из начальников, через некоторое время зашел какой-то гражданин, Юрченко говорит: “вот начальник отделения Сорокин”. Я ему говорю, что Юрченко меня принуждает ложные показания подписать, тогда он, обращаясь к Юрченко, сказал: “Привяжите за яйцо и повесьте, потом посмотрим, как он не подпишет”, – и ушел. После этого Юрченко ещё сильно стал бить меня, три раза я был без сознания, после такого избиения был вынужден дать ложные показания».

«Преступления не было. Наказание готовилось... Закон не был включен в систему ценностей Режим», – констатирует Регина Хелимская.

Примечательно, что в русскоязычной и кыргызоязычной Википедии о Досалы Туратбекове, который позже много лет проработал на различных государственных и партийных должностях, даже не упоминается об этих событиях. «А 8 ноября – это что?» «Не будем забывать, будем помнить», – писала Хелимская. Слова «память», «помнить», «чтобы помнили», «будем помнить», «не забыть» – в каждом её материале о Чон Таше, почти на каждой странице её книги.

«Чон-Таш – единственное в Кыргызстане документально установленное место преступлений государства против собственного народа. Это трагический символ общей беды. 138 «врагов народа» 19 национальностей – мусульман, христиан, буддистов, иудеев – расстреляли в ночь с 5 на 6 и с 8 на 9 ноября 1938 года. Среди них – основатели киргизского советского государства, первые наркомы – Юсуп Абдрахманов, Баялы Исакеев, Касым Тыныстанов, пастух с Иссык-Куля Чекуш Сулейманов, колхозник из Александровки Харти Хунлава, бухгалтер из Кара-Балты Борис Белошицкий, учитель из Ленинполя Борис Бергман», – писала Регина Хелимская в ноябре 2009 года накануне Дня памяти жертв политических репрессий.¹

Она считала, что мало описать и рассказать о сталинских репрессиях, необходимо увековечить места, связанные с жертвами политических репрессий. Чтобы кыргыстанцы помнили об этой странице своей истории, чтобы не шли «вперед, в тоталитарное прошлое».

В 2008 году постановлением Жогорку Кенеша в Кыргызстане 8 ноября установлен Днём памяти жертв политических репрессий. Через год после этого постановления она звонила в пресс-службы президента, премьер-министра, Жогорку Кенеша, агентства по культуре, в Министерстве образования и науки, Национальную библиотеку, чтобы узнать какие мероприятия назначены на 8 ноября. А там её спрашивали: «А 8 ноября – это что?».

«В программах всех кыргызстанских телеканалов на 8 ноября – ни передач, ни фильмов. Ни о тех, кто погиб, ни о тех, кто выжил. Ни о том, что испытали в жизни их сыновья и дочери – дети «врагов народа», – возмущалась она. В книге она фиксирует, что и в далеком ноябре 1938 г. советские газеты тоже сообщали лишь о рекордах и урожаях.

Так совпало, что 8 ноября, все школьники Кыргызстана на каникулах. «Что ждёт государство, которое ежегодно отправляет память миллионов своих юных и молодых граждан на каникулы? К нашему стыду, память-то у нас оказалась преступно короткой. Будем жить манкуртами.

Иванами, не помнящими родства. И так же воспитывать детей и внуков. Вперед в тоталитарное прошлое?», – негодовала она и требовала перенести на два дня осенние каникулы по всей республике.

«В Кыргызстане в День памяти жертв политических репрессий у школьников Кыргызстана продолжают осенние каникулы. Чиновники от образования второй год не могут передвинуть осенние каникулы на два дня раньше, и будущие поколения граждан демократического государства отдыхают. От непредусмотренных ни одной программой Минобразования уроков. Уроков нравственности, интереса к закрытой прежде истории своей страны. Истории своей семьи. Ответственности за свои дела и поступки».

«“Ата-Бейит” – мемориальный комплекс жертв политических репрессий. 137 человек, фамилии которых мы узнали, и десятков тысяч тех, чьи останки закопаны на территории бывшего дома отдыха НКВД, в соседних холмах, в известных и неизвестных нам местах массовых захоронений по всему Кыргызстану. Это – их место. Их символическое место. У них забрали всё: честное имя, семью, детей, имущество. И жизни – тоже. Оставьте им их 3,087 га», – писала Регина Хелимская.

Она выступала за то, чтобы Ата-Бейит оставался местом захоронения останков жертв репрессий, чтобы это место напоминало о массовом терроре, о том, что государство сотворило со своими гражданами. А государство постепенно превращало его в примирительный мемориальный комплекс. У неё было своё видение музейных пространств о репрессиях. Для неё не прошло незамеченным, что в историческом музее разобрали экспонаты выставки «Личность и насилие». Ей хотелось, чтобы выставка стала постоянной и ездила по всей стране. Чтобы люди увидели копии документов из архивов КГБ, статей из республиканских газет за 1937-й год, вещи, обнаруженные во время раскопок.

«Остатки одежды, обуви, кружек – простых солдатских и тонких чашек из фарфора, зубные щётки, коробки

спичек, кисты с махоркой – без очистки, неразобранные больше года пролежали в столе, а может быть и в шкафу солидного учреждения. Безмолвные свидетельства трагедии, которые мы совместными усилиями превратили в хлам. Сколько тайн опять поглотило наше равнодушие?... Нам, как, впрочем, и вчера, и позавчера, не до памяти. Каждый – сам по себе... Так постепенно, но незаметно разваливается общество – Сообщество людей», – сокрушалась Хелимская.

Книгу завершало своего рода послесловие «Трава забвения». Журналистку тревожило, что в республике, где были репрессированы десятки тысяч человек, известно место захоронения только ста тридцати семи...

В каждой статье, в каждом комментарии и интервью на эту тему, она не уставала говорить, что память о репрессиях важна, прежде всего, для нас и будущих поколений.

И вот первое сентября 2020 года, и некролог – «Скончалась «главная антисталинистка Кыргызстана» журналист Регина Хелимская».² Автор пишет, что она была членом Союза журналистов и Союза кинематографистов КР, проработала много лет в газете «Советская Киргизия» – «Слово Кыргызстана», была автором статей и книг по TV-информации, документальному кино, межнациональным отношениям. Но отмечает, что «главной её темой было разоблачение преступлений сталинизма в Кыргызстане и во всех странах мира».

«И вот сама она, неистовая и одинокая Регина, легла в землю недалеко от Чон-Таша, на еврейском участке кладбища Чон-Арыка», – цитирует автор некролога давнего друга Хелимской, заслуженного деятеля культуры КР Александра Баршая.

Обложка книги Р. Хелимской «...и общее объять и человека», Фрунзе, 1984 г.

«...И общее объять и человека» так назывались очерки Регины Хелимской о развитии республиканского телевидения в 70-е и начале 80-х годов, вышедшие в 1984 году в издательстве «Кыргызстан». В небольшой книге даны обзорные и критические очерки, зарисовки бесед с известными кинематографистами Дооронбеком Садырбаевым, Альгимантасом Видугирисом и другими, репортажи с Международных кинофестивалей. Одна из глав называлась «Документ нашей современности». Эпиграфом были слова нидерландского режиссера документального кино Йориса Ивенса: *«Документальный фильм – это совесть эпохи».*

Эти два принципа и лежат в основе всей журналистской деятельности Регины Хелимской – задокументировать эпоху так, чтобы и общее объять и человека.

Послесловие. «Розовый памятник у Сейтека», так она называла камень, который установили в Бишкеке жертвам политических репрессий. Она считала, что камень установлен не в том месте и не отражает той трагедии, память о которой должен олицетворять. *«А этот – не памятник, не монумент, а издевательство над памятью жертв. Кто вообще знает, что в Бишкеке такой памятник существует?»*, – возмущалась она, комментируя осквернение памятника.³ Её беспокоило, что в стране нет подходящего памятника и что до сих пор не собраны воедино все документы репрессированных.

16 февраля 2024 года в исправительной колонии особого режима, расположенной в посёлке Харп в Ямало-Ненецком автономном округе, умер российский оппозиционер Алексей Навальный. И люди приносили цветы к этому не приметному памятнику жертвам политических репрессий...

А неподалеку от этого не приметного камня, напротив министерства внутренних дел стоит другой памятник. Пока он стоит без указания имени, но тропинка к Железному Феликсу кем-то уже заботливо расчищена...

Памятник жертвам политических репрессий в Бишкеке. Февраль 2024 г.

Памятник Ф. Дзержинскому в Бишкеке. Февраль 2024 г.

Фотографии автора.

1. Регина Хелимская. Осуждая массовый террор, или Память на каникулах. 24.kg, 06.11.2009 // <https://24.kg/archive/ru/community/65238-osuzhdaya-massovyj-terror-ili-pamyat-nakanikulax.html/>
2. Александр Тузов. Скончалась «главная антисталинистка Кыргызстана» журналист Регина Хелимская. Вечерний Бишкек, 01 сентября 2020. URL: https://www.vb.kg/doc/391585_skonchalas_glavnaia_antistalinistka_kyrgyzstana_jrnlst_regina_helimskaia.html
3. В Бишкеке осквернен памятник репрессированным. Вечерний Бишкек, 23 августа 2013. URL: https://www.vb.kg/doc/240543_v_bishkeke_oskvernen_pamiatnik_repressirovannym.html

ВЕК ЖИЗНИ: БОРЬБА И ВОЛЯ МАРИИ МАРТЫН

Нестор МАНИЧКИН

Пани Марии Мартын (укр. *Марія Мартин*) в этом году исполнилось сто лет. Ровесница века, она застала Вторую мировую войну, училась у лучших умов своего времени, чаяла национальной независимости, прошла два советских концлагеря, а после периода «спецпоселения» осталась жить в Караганде. Сейчас пани Мария – одна из самых авторитетных участниц украинского сообщества Караганды и любимца прихожан местной греко-католической церкви. Встреча с ней – одна из тех, что вдохновляют жить и ценить свободу.

На родине Роксоланы. Непростое место рождения пани Марии во многом предопределило её судьбу. Она появилась на свет в селе Бабинци, прилегающем к старинному городу Рогатин. Тогда, в 1924 г., Рогатин вместе с землями исторического Галицкого княжества входил в состав Польши. По преданию, именно здесь родилась в XVI в. Настя Лисовская – будущая Роксолана, жена султана Сулеймана Великолепного, оказавшая влияние на политику Османской империи. Говорят, что её отцом был священник рогатинской Святодуховской церкви, уникального деревянного храма, включенного в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ещё во времена Австро-Венгрии Рогатин стал одним из интеллектуальных центров Украины: здесь жили многие деятели, заложившие основы украинского национально-освободительного движения, выходили издания на украинском языке, функционировала гимназия, работали общества «*Просвіта*» и «*Рідна Школа*». Здесь же сформировался один из центров Украинской Войсковой организации (УВО), которая позже станет частью нового движения – Организации украинских националистов (ОУН). Популярности этого движения способствовало крушение надежд, возложенных на Украинскую Революцию 1917–1921 гг. Недолго просущество-

Мария Мартын во дворе Церкви Покрова Пресвятой Богородицы в пальто, пошитом её мужем Иваном. Караганда, Казахстан. Январь 2024 г. Фото автора.

вовавшая в те времена Украинская держава была ликвидирована и разделена между СССР, Польшей, Чехословакией и Румынией. Украинские националисты поставили себе целью возродить единую и самостоятельную Украину, для чего первоначально требовалось принести народу образование и привить национальное самосознание. Ставка в межвоенный период делалась на просвещение. Неслучайно в духовном гимне «Молитва за Украину», обретшим популярность в начале прошлого века, у Бога просят света науки и знания: «*Світлом науки і знання / Нас, дітей, просвіти...*».

В 1924 г., когда родилась пани Мария, польское правительство приняло так называемые «кресовые законы», регламентирующие использование языков национальных меньшинств. Они позволяли вести преподавание на украинском языке, но в то же время Варшава продолжала политику постепенной полонизации, стимулируя преференциями украинцев, переходивших на польский язык и

католицизм латинского обряда, и подавляя ростки движения за национальную независимость. В 1930-е гг. противостояние украинских националистов и польской администрации обострилось: активисты ОУН прибегли к революционному террору, а в ответ последовали карательные акции – подпольщиков арестовывали, некоторые украинские читальни были разрушены и сожжены, гимназии закрыты. Отстоять рогатинскую гимназию им. Владимира Великого удалось благодаря многократному вмешательству митрополита Андрея Шептицкого.

Рогатинские учителя привили пани Марии не только любовь к родной земле, но и любовь к знаниям, особенно, к истории. Наш разговор с ней заметно оживился, когда я вспомнил подробности из жизни гетманов Петра Калнышевского и Павла Полуботка. Оказалось, что у нас с пани Марией одна и та же настольная книга – «Иллюстрированная история Украины» Михаила Грушевского, отца украинской исторической науки и лидера Украинской Народной Республики в 1917-1918 гг. Если пани Марию обрадовала моя погруженность в историю, то я в свою очередь удивился, узнав, что среди её учителей был поэт, писатель и дипломат Микола Угрин-Безгришний (укр. *Микола Угрин-Безгришний*), соратник известного под украинским именем Василь Вышиваний (укр. *Василь Вишиваний*) австро-венгерского эрцгерцога Вильгельма Франца Габсбурга, одной из наиболее интересных для меня фигур украинской истории. Среди учителей пани Марии были музыкант и просветитель Михайло Пириг (укр. *Михайло Пиріг*), биолог и лексиколог Иван Вербяный (укр. *Іван Верб'яний*), педагог Василь Кривоус (укр. *Василь Кривоус*), доктор философии Никифор Гирняк (укр. *Никифор Гірняк*) и другие выдающиеся украинцы. «Польская власть зарплату нашим учителям не платила, они получали из тех денег, которые собирали сами украинцы. А всё же мы могли иметь свою школу, веру и культуру, а в советское время уже не могли. Одни учителя эмигрировали, другие были уничтожены большевиками. Никого из них в советской Украине не осталось», –

вспоминает Мария Мартын, тогда носившая девичью фамилию Андрейцев (укр. *Андрейців*).

Не только учителя, но и родственники влияли на настроения девушки. Её кузина и кузен были активистами национального движения: «Помню пламенную речь своей двоюродной сестры, как она рассказала мне о восставшей Карпатской Украине и её президенте Августине Волошине. Это было примером для нас», – рассказывает пани Мария о событиях 1939 года.

На связи с партизанами за волю Украины. Какими бы ни были сложности жизни под польской властью, они, как считает пани Мария, померкли в сравнении с советскими порядками. В 1939 г. в результате реализации советско-германских договоренностей, известных как секретные приложения к пакту Молотова-Риббентропа, Западная Украина оказалась в составе СССР. «Сразу же раздавались паспорта граждан СССР, и никуда от этого было не деться. И не успели люди стать гражданами Советского Союза, как начали их вывозить в Сибирь», – вспоминает пани Мария.

Украинские патриотические организации были закрыты,

Святодуховская церковь в Рогатине, рисунок Осипа Куриласа (1870–1951).

Деятели украинского национального движения в 1919 г. Крайний слева – Микола Угрин-Безгришний, учитель пани Марии, крайний справа – Василь Вышиваний, эрцгерцог Вильгельм, которого украинские консерваторы предлагали сделать правителем Украины. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО України), фонд 1871, опись 1, дело 7.

начались преследования греко-католического духовенства, «кулаков» и «буржуазных националистов», первые советские аресты и депортации. Но уже в 1941 г. немецкие войска оккупировали Галицию и советская власть прекратилась также внезапно, как началась. Среди части украинских националистов распространились надежды на возможность построения самостийной Украины в союзе с немцами – как вскоре станет понятным, надежды иллюзорные. В Берлине ни о какой независимости украинцев и слышать не хотели, что усугубило раскол в ОУН: часть революционно настроенных националистов под предводительством Степана Бандеры решили вести вооруженную борьбу сразу против всех – Германии, СССР и польских вооруженных формирований, а более умеренное крыло ОУН, возглавляемое Андреем Мельником, ограничилось самоорганизацией на низовом уровне, до поры сотрудничая с Третьим Рейхом. Впрочем, такая политика не спасла мельниковцев от преследования со стороны гестапо. В 1944 г. Мельник был арестован и отправлен в Заксенхаузен, где с 1941 г. в заключении находился его политический соперник Бандера.

13 декабря 1943 г. немецкая полиция расстреляла 11 подпольщиков ОУН, выходцев из Бережанщины и Рогатинщины, а в июле 1944 г. Рогатин перешел под контроль Красной армии, и с украинскими националистами, укрывшимися в лесу, начали бороться подразделения НКВД. Тем временем в соседней области, Львовской, таким же хлопцем из леса был Иван Мартын (укр. *Іван Мартин*) – член ОУН, в будущем муж пани Марии, с которым она познакомится уже в Караганде, после отбывания своих сроков в советских лагерях.

Во времена войны Мария Мартын тайно работала в отделе пропаганды мельниковской ОУН. Боясь вывоза на принудительные работы в Германию, она смогла устроиться в местное управление: «Ничего особенного я не делала, выполняла различные поручения. То информацию переда-

вала, какую узнавала в органах власти, нашим партизанам. То людей предупреждала, если им грозила опасность. Была одна девочка, что пасла коров, с виду просто девочка, но это была наша связная, передавала записочки, предупреждала об облавах. Когда пришли Советы, никто не думал, что это надолго. Мы надеялись, что темили иным путем добьемся своего и продолжали бороться за волю Украины». «А я читал в материалах, собранных монахиней Анастасией Балинской, что Вы однажды перенесли через весь город винтовку в стоге соломы...», – вставляю я. Пани Мария продолжает скромничать: «Надо же, и до Вас дошла эта информация! В нашей хате ночевали три ночи партизаны, потом пошли в лес. Им нужно было снаряжение, которое оставалось от немецких войск. Вот и переносили оружие». Соратница пани Марии, работавшая в горсовете, знала, кого будут задерживать и вывозить, и предупреждала людей: «А её хлопец-то был убежденный комсомолец. И он ей всё говорил, что ни к чему мечтать о той свободной Украине, которой нет и быть не может. Та Украина, казалось, была обречена, она осталась в лесах. Но мы думали по-другому. Мы смотрели кругом, и видели смерть, расстрелы, выселения!».

В 1945 г. пани Мария работала в коммунальной конторе. Она и трое её друзей надеялись, что задерживать их, работающих на госслужбе, не станут. Но в ноябре всех схватили и стали допрашивать в тюрьме. Суд был в Ивано-Франковске, в марте 1946 г., и этого суда арестованные ждали с нетерпением, ведь он означал, что следствие закончилось, а, значит, закончились побои и пытки, с помощью которых

Подпольщики ОУН, действовавшие на Рогатинщине, 1940-50-е гг. В центре руководитель рогатинского провода ОУН Олекса Демский.

выбивались показания. Потом осужденных перевезли до Львова, где формировался состав на Сибирь.

Пани Мария так вспоминает об украинском подполье: *«В лесу была железная дисциплина, но нуждались наши хлопцы очень сильно. Если передавали бутылочку молока, так они по глотку пили, чтоб вкус вспомнить, и радовались. А мы им каши и сухари доставляли, одежду латали».*

В Красноярских лесах. *«Вот, полюбуйте, – пани Мария с усмешкой протягивает мне документ о реабилитации, – не абы как, а целый военный трибунал меня судил».* Она была осуждена в качестве члена ОУН – за «измену родине» на 10 лет лишения свободы и на 3 года ссылки. В апреле того же года власти депортировали её семью – для этого никакого состава преступления и юридического решения вовсе не требовалось: у людей забирали имущество, а самих их вывозили на спецпоселения как «родственников членов ОУН». Брат Михайло и мать Катерина Дмитриевна отправились в Архангельскую область, а пани Мария в Красноярский край, в поселок с говорящим названием Решёты, где заключенных распределяли по различным лагпунктам. Это было похоже на работорговлю: *«Приходили своего рода покупатели и разбирали нас кого куда».*

Сидя в тюрьме, пани Мария вышила изображение с Иисусом Христом, которую хранила при себе до тех пор, пока ни подарила одному священнику уже во времена, когда не существовало ни ГУЛАГа, ни СССР. Чтобы сделать эту вышивку, она вытягивала нитки из одежды. Похожим образом поступали и другие заключенные, а если нельзя было добыть иголок, использовали рыбы кости. Вера в Бога и свою правоту помогала держаться. Чётки для чтения молитв тоже делали из подручного материала – катали и сушили бусины из хлебного мякиша. В Красноярском крае молитвенную группу девушек возглавила Володимира Бандера (укр. *Володимира Бандера-Давидюк*), сестра лидера украинских националистов, арестованная в 1946 г. В лагере её называли Марией, возможно, из-за непривычного женского

*Украинки в Степлаге, Казахстан, 1949 г.
Фото из Музея памяти жертв политических репрессий посёлка Долинка.*

имени Володимира: *«Она ведь не только дочь священника, но ещё и жена священника Теодора Давидюка. Вот под её началом мы и читали молитвы... Маленький ребенок у неё был, его отняли».* Двух других сестёр Бандеры Марту-Марию и Оксану вместе с их отцом Андреем арестовали ещё в 1941 г., отца расстреляли, а девушек отправили в сибирские лагеря.

В Красноярском лагере действовали разные производства от гончарного до обувного, но специализировался он на лесозаготовках. Одни заключенные валили лес, другие обрубали сучки, третьи обрабатывали древесину. Ни

*Свадьба Терезы Данилиев.
Пани Мария – четвертая справа во втором ряду, за невестой. Надзирательница Коржакова, помогавшая в лагере заключенным, стоит вторая слева, рядом с невестой сидит врач Клара Васильевна, спасавшая узниц от болезней и гибели в нечеловеческих условиях.*

нарывы, ни простуда не спасали от работ на лютom морозе. Лагерная докторша, чье отчество – Максимовна – осталось в памяти пани Марии, не принимала никаких жалоб, посылая «трудиться во имя социалистической родины» даже при температуре тела 39°. Крайний авитаминоз, угрожавший обездвижить рабсилу, заставлял начальство слегка разнообразить продовольствие узников: *«Тогда давали кусок сырой капусты да свёклы, и то был большой подарок для нас – то, что нужно, чтобы не подохли...»*.

Карлаг: огненный ад, ледяной ад... Спустя пять лет пани Марию перевели в Песчаный лагерь – часть Карлага, занимавшего территорию с целую область в центре Казахстана. Тут жили по сто – сто пятьдесят человек в бараке и работали на кирпичном заводе. Толкая вагонетки с формованной глиной в раскаленную печь, женщины работали в одних сорочках, поскольку стоял невыносимый жар. После того, как кирпичи пропекались, их катили вверх на мороз, попадая из адского пламени сразу в зимнюю стужу. Нередко вагонетки срывались, наезжая на заключенных: одни теряли конечности, другие гибли от потери крови. Во всем этом по-настоящему inferнальном кошмаре, тем не менее, было место человеческим проявлениям: мужчины и женщины, никогда не видевшие друг друга, поскольку первые работали в дневную смену, а вторые в ночную, переписывались, оставляя записки в условленном месте – под кирпичом. Пани Мария вспоминает: *«В основном, писали, поскольку искали своих родных. Все мы делились сведениями о том, с кем и где сидели. Был один надзиратель, очень жесткий, но всё же не лишенный человечности. И вот он разрешал нам эти записочки оставлять»*.

Среди сотрудников советских лагерей изредка попадались люди, готовые помогать жертвам репрессий: *«Клара Васильевна, врач, вольнонаёмная, была у нас, которая буквально спасала жизни истощенным людям. Она держала по два-три дня заключенных в больничном бараке, чтобы они хоть немного отогрелись и насытились. Мы все её ценили и любили»*.

СПРАВКА
о реабилитации

Выдана о том, что гр. Андрейцев Екатерине Дмитриевне, 1899 года рождения,
Андрейцев Михаил Иванович, 1928 года рождения.

2 апреля 1946 года из села Бабинцы Рогатинского района Станиславской области выселены на спецпоселение в Няндовский район Архангельской области как члены семьи участника организации украинских националистов с конфискацией имущества.

Андрейцев Е.Д. и Андрейцев М.И. со спецпоселения освобождены 13 июня 1956 года.

На основании ст. 3 Закона Украинской ССР от 17 апреля 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» вышеупомянутые лица реабилитированы с восстановлением во всех гражданских правах и возвращением конфискованного имущества или его стоимости. Сведений о конфискации имущества в деле не имеется.

Основание: архивное дело № 28134

И.Б. Начальник УВД Ивано-Франковской области *[подпись]* М.Б. Бучко.

М. П.

Ивано-Франковск, обл.бюрок. 1/8 д.з. 1991 р. з. 615 т. 30060

Справка о реабилитации матери и брата пани Марии.

Тереза Даниливу, подруга пани Марии, сберегла корреспонденцию «под кирпичом», а когда вышла на волю, вышла замуж за парня, с которым переписывалась: *«Они увидели друг друга уже только после лагеря. И поженились. И на свою свадьбу позвали докторшу и ещё одну надзирательницу, которая в отличие от других помогала нам выжить»*.

«В лагерях было ужасно, но маме в ссылке прихотилось и того хуже». *«Я имела в лагерях пайку черного*

мокрого хлеба, которую съедала ещё с утра на нарах, не могла удержаться... Да и теперь ещё не могу наесться хлеба. А маме в ссылке в Архангельской области, в вечной мерзлоте, приходилось и того хуже», – продолжает пани Мария. Пока она хлебала баланду из чечевицы, уже ненавистной, но все же содержащей полезные вещества, мать Катерина Дмитриевна собирала ягоды в лесу, когда там ненадолго сходил снег. Первые годы спецпоселенцам никаких посылок получать от родственников было нельзя, а со временем дозированно разрешили. Одному мужчине, вспоминала потом Катерина Дмитриевна, родственники прислали колбаску, о которой он давно мечтал. Однако съесть её тот поселенец не смог, поскольку был хвор – мог только нюхать. Так и умер, сжимая мясное изделие в руке.

Михайло, брат пани Марии, через пару лет после депортации сбежал и смог добрался до Рогатина в вагоне с углем. Тётка, к которой он наведалься, поначалу не узнала племянника, худого, чумазого, в обносках. Остаться у родственников – значило подвергнуть их опасности. Через пару дней Михайло ушел в село, а потом поехал во Львов, откуда простодушно написал маме письмо, чтобы та не беспокоилась. И указал обратный адрес для связи. Разумеется, вскоре его задержали и снова этапировали на спецпоселение в Няндомский район Архангельской области.

Когда свиньи были человечнее людей. Катерина Дмитриевна рубила лес, пока не слегла. Опухшую и полуживую, её положили в больницу, а после этого отправили работать в свинарник. «Повезло маме. По пояс в грязи, зато в тепле...», – констатирует пани Мария. Чтобы «побаловать» себя горячей пищей, Катерина Дмитриевна порой заимствовала у элитной свиноматки, победительница всесоюзной выставки, к которой её приставили, овощные очистки и готовила себе в уголке свинарника из них похлёбку. Как-то раз за этим занятием её застал начальник фермы. Перевернув ногой булькающий котелок, обвинил в краже, после чего захотел посмотреть на свинью – не исхудала ли. «А та свинья была очень ревнивой до своих поросят, ни-

кого к ним, кроме мамы не подпускала. Маму она любила, поскольку та очень заботилась о каждом поросёнке, дрожала над ними, ведь от их благополучия зависела её жизнь. Мужчина, ругавший маму, а потом двинувшийся к поросятам, свинье не понравился. Огромного размера, она перескочила загородку и принялась гонять его по всему свинарнику». История о том, как свинья заступилась за переселенку, достойна экранизации. Особенно забавным было её завершение. Вскочив на печь, чтобы укрыться от разъяренного животного, начальник вынужден был пританцовывать на жаркой поверхности, а свиноматка не позволяла ему спуститься, пока Катерина Дмитриевна её не успокоила. Об этом случае товарищ начальник предпочитал не вспоминать.

Мать пани Марии оставалась на спецпоселении до конца 1956 г. Вернувшись в родные места, она столкнулась с неприязнью в сельсовете, и вынуждена была скрываться – работала в полях, а ночевала у тех или иных родственников – пока не поменялся председатель. Новый глава позволил ей прописаться у одной переселенки, но родной дом возратить она так и не смогла.

Мать пани Марии Катерина Андрейцев и её брат Михайло Андрейцев. Из фотоальбома семьи Марты.

Пани Мартин с мужем Иваном и ребёнком в Караганде.

Брат Михайло после освобождения предпочел «затеряться» во Львове – в городе скрыться от ока режима было легче.

«Жила мама на кухонке, было тесно, но там была плита, и плита та была для мамы как воскресенье из мертвых...», – вспоминает пани Мария. Катерина Дмитриевна приезжала в Караганду, но остаться не захотела, вернулась в Украину, где и умерла в возрасте 86 лет. Пани Мария её навещала, приезжала обычно с детьми – сыном Юрием и дочерью Ириной.

Караганда – новая родина. Из Карлага пани Марию выпустили в 1955 г., после чего она ежемесячно отмечалась в карагандинской комендатуре: *«Один раз опоздала на день, получила страшный выговор. Орала на меня: что хочешь обратно в лагерь?!»*. Устроившись работать в областной больнице медсестрой, пани Мария прошла курсы повышения квалификации. С Иваном Мартыном, тоже недавно освобожденным, она познакомилась на крестинах ребёнка своей подруги. Иван работал портным, обшивал на заказ карагандинскую интеллигенцию. Пальто его работы пани Мария носит до сих пор.

Еще в 1957 г., когда у неё появился первенец, пани Марию вызывали на беседу в КГБ, искали активиста ОУН Михаила Нагирняка. Пани Мария как ни в чём не бывало сообщила, что знает одного Нагирняка по имени Юрий, заведомого другого человека, и *«насколько мне известно, сейчас он у себя дома»*. Устало посмотрев на украинку, следователь отпустил её домой.

Греко-католическую церковь в СССР преследовали до самого распада страны. Верующие встречались и молились тайно. В 1980-1985 гг. в римско-католическом костеле стали открыто проводить богослужения на украинском языке, вспоминает пани Мария. Греко-католический священник Николай Шабан, в прошлом тоже политзаключенный, поминал на литургии жившего в Риме предстоятеля запрещенной церкви Йосифа Слипого, которого советская пропаганда выставила «пособником нацизма». По распоряжению карагандинского райкома украинские богослужения

Пани Мария рядом с мемориальным крестом, поставленным в память о жертвах депортаций из Украины в Казахстан, со священниками и прихожанами греко-католической парафии в Караганде.

прекратили, а отца Николая уволили. В Казахстане община верующих зарегистрировалась только в 1993 г. С тех пор и до нынешнего времени пани Мария – ревностная прихожанка родной церкви и активистка украинского товарищества *«Рідне Слово»*. Она – хранительница исторической памяти, живой свидетель истории, которую теперь кое-где снова пытаются переписать. Пани Мария пристально следит за всем происходящим – и за ползучей реабилитацией сталинизма, и за геополитическими играми, и, разумеется, за военными действиями в родной и всегда любимой Украине: *«Наша мечта была той же мечтой, которая стояла за действиями великого и до сих пор недооцененного гетмана Мазепы. Эта цель все ещё не достигнута. Многострадальная, стойкая, отважная Украина знает: главное – это воля»*.

Материал подготовлен в рамках исследовательского проекта «Сохранение этнокультурной памяти в среде украинских специальных переселенцев в условиях каткомбной деятельности Греко-Католической церкви в советской Центральной Азии», поддержанного Фондом Герды Хенкель.

ГУЛЖАНАР САДЫКОВА, МЕДСЕСТРА ИЗ ДЖЕЛАЛАБАДА. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Раушан АБЫЛКАСЫМОВА

Война СССР в Афганистане – секретная операция, начавшаяся в 1979 году и рассчитанная на короткий срок – в результате стала «затянувшимся вторжением» (Артемий Калининский). Только 10 лет спустя, в 1989 году, уже при Горбачёве советское правительство, наконец, приняло решение вывести войска, потеряв по официальной статистике около 13 000 человек убитыми. Число раненых доходило до 40 000. Помимо значительных человеческих потерь, эта война нанесла долгосрочный физический и психологический урон здоровью ветеранов. Тогда как истории мужчин, прошедших войну, хоть и в малом количестве, но собраны, война глазами женщин, служивших в Афганистане, до сих пор остается в тени.

«Мы там и были для них и мамы, мы там для них были и сёстры», – вспоминает Гулжанар Садыкова, затаив на мгновение, будто мысленно уносясь от нашей встречи в боевую свою юность. Но грустить долго Гулжанар не хочет, и с присущим ей чувством юмора, смеясь, замечает: *«Хотя такой возраст у нас был, что нас нужно было поддерживать».*

Медсестра пульмонологического отделения из небольшого казахстанского города Рудный, она была командирована в Афганистан и стала воином-интернационалистом, когда ей было всего 23 года. Гулжанар Асановна Садыкова служила в Афганистане с 1985 по 1988 годы, работая в госпитале Джелалабада, одной из горячих точек советско-афганского конфликта. Сложно представить, что такая юная девушка решила отправиться туда, откуда можно было не вернуться, а если и вернуться, то с большим грузом тяжелых воспоминаний. Но, обо всём по порядку.

Как и для большинства граждан СССР, её знания о вторжении в Афганистан были фрагментированы. Так за несколько недель до вызова в военкомат, она увидела небольшие отрывки из документальных кинолент, повествующих о простой и отсталой жизни мирных людей в Афганистане. Советский экран демонстрировал повседневность афганцев с арыками, которые местные жители использовали одновременно и как источник питьевой воды, и как место для бытовых нужд. Картинка такой жизни, по словам Гулжанар, хоть и казалась ей отсталой и антисанитарной, но, тем не менее, создавала впечатление мирно-текущей повседневности. Вскоре для неё, как и для афганского народа, эта нормальность мирного времени стала всего лишь картинкой и воспоминанием.

В один обычный день в дверь квартиры, где жила мать с тремя дочерьми, раздался звонок – майор искал среднюю сестру Исчанову Гулжанар, медсестру в пульмонологическом отделении местной больницы. В семье только недавно произошла трагедия, погиб зять-лётчик – во время одного из служебных перелётов вертолёт неожиданно загорелся, и парашютов не хватило на всех. Поэтому заявление прибывшего майора о том, что по хорошей рекомендации с места работы, среднюю сестру *«необходимо срочно отправить в горячую точку»* стало особенным шоком для семьи. Несмотря на возмущение сестры и её вопросы, ответ майора был сухим и жёстким в своей прямоте: *«Гарантию мы ни на*

*Гулжанар Садыкова.
Джелалабад, Афганистан,
1985-88.*

что не даём. Мы гарантию не даём даже на завтрашний день». Как выяснится позже, выбор Гулжанар был не просто профессиональной рекомендацией, а скорее последствием малодушного поступка местного военкома. Используя свое служебное положение, мужчина пытался обойти очередь для покупки билета в кассе вокзала. Однако кассир отказала ему, а военком, уходя, он бросил угрозу: «Знаете, я вашего сына отправлю в горячую точку». Кассиром была мама Гулжанар, у которой не было сыновей, но была военнообязанная дочь-медик. Так и начался новый этап в жизни Гулжанар, где гарантия определенности действительно осталась в прошлом.

Её закружил быстрый водоворот событий – собеседования в городском исполкоме, горкоме, областном военкомате, множественные проверки политических взглядов и знаний, прежде чем утвердить её отправку в Афганистан. Совершенной же противоположностью тщательному подходу к отбору служащих была реальность её встречи с Афганистаном. После нескольких дней распределения, проведенных в Кабуле, она была командирована в одну из горячих точек конфликта – город Желалабад. Вспоминая первые моменты после приземления на новом месте:

«Для нас это был страх, конечно. У меня было такое ощущение, как будто всё происходит не со мной... Афганцы бегают, на нас смотрят так, как будто мы, это, с Луны свалились. Мы стоим, ждём, кто же нас встретит-то и кто нас проводит в часть – понятия мы не имеем. Ходим, вокруг афганцы, никого нет наших, и вдруг мы увидели (вздыхает) наших солдат...»

Прибытие в Желалабад для Гулжанар было словно продолжение короткометражного фильма, только в этот раз результатом был шок и дезориентации от происходящего вокруг. Слушая её воспоминания о самых начальных этапах, я невольно поражалась, как не подготовлены, «заброшены» были новоприбывшие служащие, и при этом каким обыденным такой опыт становился в контексте войны. Добирались они в назначенную часть вместе с военными,

согласившимися их отвезти. В её рассказе повседневность слов и поведения военных ещё больше усиливает шок от происходящего: *«Ну, поехали, говорит с нами, мы сами не знаем, где эта часть, поехали с нами... Мы сели в машину, в кузов (пауза), с чемоданами, ага. Потом нам, кто же он по званию был, лейтенант, по-моему, он сказал, что если начнут стрелять, бросайте свои чемоданы, падайте на землю вниз лицом и лежите».*

Медсестры. Желалабад, Афганистан, 1985-88. Фото из архива Гулжанар Садыковой.

Маленький мир посреди войны. Военная часть в Желалабаде, где работала Гулжанар, была недалеко от Асабада, откуда солдаты регулярно ходили в бой, поэтому поток раненных, а соответственно и работа медиков, были постоянными. Из молодой медсестры, работавшей в терапии, Гулжанар спустя всего месяц службы стала главной медсестрой в операционно-перевязочном отделении. Новые медикаменты, обучение новым навыкам – всё это происходило в процессе, и как она сама описывает, несмотря на всю сложность и отсутствие подготовки, работа медиков шла сообща и организовано. В своих воспоминаниях она с восхищением рассказывает о командном духе и профессионализме хирургов, проводивших такие сложные операции как трепанация черепа, и медсестёр, которые понимали друг друга с полувзгляда: *«А там мы на самом деле мы жили одной семьей, мы понимали взгляд – вот глянешь – то одна историю заполняет, вторая – мочевой катетер вставит, третья – раны обрабатывает, четвёртая – ещё что-то делает. У нас буквально всё отработано было».*

Тёплые воспоминания об ощущении единства и взаимоподдержки сопровождают и её рассказы о периодах затишья в воинской части. Атмосферу дома и общности

вне стен госпиталя пытались воссоздать, организовывая праздничные вечера и отмечая дни рождения. Как и другие женщины-медики, Гулжанар рассказывает, как будучи в Афганистане, она научилась печь торты. В жестких условиях войны, служащие пытались привнести ощущение праздника, как говорит сама Гулжанар: *«Хоть на какой-то миг, знаешь, позабыть о той боли, хотя тяжело, конечно, забыть».*

«В словах не выскажешь то, что ты пережила там... реально, не выскажешь». Когда говорят о войне, безотказная работа медработников вряд ли удивит кого-то. Однако слушая историю Гулжанар в деталях, я каждый раз поражалась тому, насколько человек способен превзойти рамки своего «Я». Думаю, сложно не использовать в данном контексте слово «самопожертвование», несмотря на его пафосность и опасность романтизации войны. Спустя полгода службы Гулжанар поседела, позже переболела малярией, от экстремальных рабочих нагрузок пострадало и её зрение. *«У меня резко зрение упало – у меня было 3, стало у меня 7».*

Медработники часто были донорами крови для раненых солдат – условия работы оставляли мало выбора...

На вопрос *«Вы не задумывались о том, что это жестоко по отношению...»*

Гулжанар улыбается: *«К себе, да? Там не задумываешься над этим, потому что, когда находишься на смене, поступают раненые – кровь нужна. Ты в первую очередь бежишь туда, понимаешь? Сумасшедший подвиг? (смеётся). Ответственность. Вот. И вплоть до того, что у меня было истощение организма, ты понимаешь. Не то, например, что там похудела или ещё что-либо, а из-за того, что у меня недостаток крови, я не могла ни кашлянуть, ни смеяться не могла, я не могла повернуться, не могла. Я, например, спать ложилась как робот, на спину. (пауза) На тумбочку клала спазмолитики, на стол, там, депалгин, аналгин, баралгин – вот такие таблетки клала. Если среди ночи сквозь сон переворачиваешься на*

бок – просыпаешься, такие боли адские. Я таблеток не глотаю и дальше сплю. Вот такое вот было. Потом (смеётся) не поняли вначале наши хирурги, в чём дело со мной, (пауза) только потом наш ведущий хирург понял. Говорит: слушай, дорогая моя, хватит кровь сдавать... (пауза) Ну потом всё стабилизировалось – откачали меня, привели меня в чувство, потом я начала полной жизнью жить. Нормально всё уже стало, потом опять начала кровь сдавать, но уже реже».

Тем не менее, в нашем разговоре вызывают у Гулжанар слезы не воспоминания о собственных физических сложностях, а истории солдат. Пациентов в отделении было много – помимо основных модулей, где могли находиться около 100 тяжелораненых, были также палаточные отделения, которые разворачивали на улице для выздоравливающих. Среди пострадавших были те, кому в бою оторвало конечности, и они остались инвалидами, молодые парни с газовой гангреной. На плечи медработников ложилась ответственность – не просто оказать помощь и лечение, но видя эту ужасающую реальность, выслушать и поддержать раненого. Одним из таких юных парней был солдат с открытыми незаживающими ранами – его поддерживали постоянными обезболивающими. Во время визитов Гулжанар он рассказывал ей о своих маме и невесте, о своей жизни до Афганистана, просил написать письма домой, чтобы рассказать об экзотичной красоте увиденной природы. Психологическая травма, как рассказывает Гулжанар, была самым тяжелым последствием её службы в Афганистане, при этом возможность поделится своей болью с теми, кто не прошел этот опыт, казалось ей невозможной: *«Ты знаешь, слово “Афган”, просто слово “Афган” – у меня сразу ком в горле, у меня слёзы на глазах. Вот такое у меня было состояние. Потому что всегда перед глазами та картина, что я видела, в общем, все эти годы...»*

Возвращение домой. Гулжанар должна была вернуться в Казахстан ещё в 1987 году. Приехав в отпуск к родным в Рудный спустя полтора года, она была уверена, что

осталось всего 6 месяцев, и она сможет снова быть с семьей. Однако по прибытию в Афганистан руководство уведомило её о том, что в связи с планируемым выводом войск, она, в числе других служащих, должна будет подписать рапорт и остаться ещё на полтора года. Только после подписания она заметила пункт: «...я прочитала потом, если, например, там что-то случится с нами – они за нас не несут ответственность».

Возвращение домой было нелёгким для Гулжанар. Первое время она особенно сильно испытывала последствия посттравматического синдрома, включая проблемы со сном и острую реакцию на шумы. Психологическая поддержка ветеранам не предоставлялась, и Гулжанар самостоятельно пыталась помочь себе, принимая успокоительные. Адаптация к дому и работе также заняла время. Так, по её словам, было «очень больно» слышать праздные материалистичные вопросы от знакомых, которых в первую очередь интересовало, сколько она заработала и какие вещи смогла привезти: «Просто им не понять, понимаешь, они все думают, что это будто как в санаторий съездить».

Несмотря на сложности, через которые Гулжанар пришлось пройти, она и другие вернувшиеся ветераны были представлены часто как вольнонаемные. Женщины в особенности долгое время оставались в тени, однако, как она отмечает, благодаря поддержке и инициативе некоторых сослуживцев в Союзе воинов-афганцев в Астане, ситуация стала меняться. На мой вопрос о том, изменила бы она своё решение служить в Афганистане, будь у неё возможность вернуться в прошлое, задумавшись, она отвечает, что нет. Опыт в военном госпитале, по её словам, послужил для неё школой жизни:

«...То что я прожила, наверное, вот то же самое бы и сделала – я вот нисколько не сожалею, потому что (пауза) я была такая спокойная, тихая была такая, знаешь. Вот могла промолчать там, кто если что, например, мне скажет – я не могла свою точку зрения отстоять, по-

тому что я была такая, знаешь... Мне мама говорила, что взрослым нельзя говорить что-либо поперёк, вот что они сказали, нужно так и делать. Вот тебя послали туда работать, иди туда работать. Правы, не правы, но ты должна учитывать возраст, вот. А сейчас, например, вот допустим, ну, после Афганистана, да, как тебе сказать, всё равно мне как-то – я в корне изменилась».

ЖЕНЩИНЫ-ТАБАЧНИЦЫ

Динара САПАРОВА

САПАРОВА Жумагуль Заировна родилась 8 ноября 1949 года в селе Кара-Ой, в настоящее время Кыргыз-Атинского айылного аймака Т. Зулпуевского айыл окмоту Ноокатского района Ошской области. В 1970 году вышла замуж за главу Т. Зулпуевского айыл окмоту. Сейчас ей 75 лет, она мать 5 дочерей, 2 сыновей, у нее 20 внуков и 9 правнуков. Начала работать на табаке с 1978 года.

Жумагуль Сапарова, жительница села Кашкалдак:
«По профессии я бухгалтер, в 1970-1978 годах работала бухгалтером в райсовете. В то время те, кто не работал в колхозе, подвергались давлению со стороны государства, поэтому я была вынуждена работать в колхозе в 1978-1980 годы. В табачных сараях были ясли, где присматривали за маленькими детьми. Я работала нянечкой. В 5-6 утра я шла в сарай, табачницы оставляли мне своих маленьких детей и уходили в поле собирать табак. В яслях было около 20-30 маленьких кроваток, в эти кроватки я укладывала детей спать, тех, кто плакал, укладывала на металлическую кровать с сеткой, мы называли её «воздушная колыбель», всего было около 15 детей, а новорожденных младенцев оставляли дома, запеленав в детской колыбели – бешике. Со стороны государства детям выдавалось молоко, мы готовили кашу и приглядывали за ними. Детей было много, я не успевала, мне дали помощницу. Она готовила детям кашу с молоком и кормила их. Работали с 5 утра до 12-ти часов ночи. Своих у меня было 5 детей, они были уже старше детского возраста, поэтому я оставляла их дома. Работала целый день, своих детей не видела. В яслях один ребёнок засыпал, второй просыпался и плакал – я уставала за день. Время от времени прибежали их матери, кормили их грудью и обратно возвращались на сбор или нанизку табака. В отличие от нынешних садиков, там детей не

учили читать, петь и другим навыкам. Нам давали задание – “главное, чтобы не плакали и не отвлекали матерей от работы на табаке”».

Несмотря на то, что в 1991 году СССР прекратил своё существование, многие семьи продолжали выращивать табак, так как нужно было на что-то жить. Табак требовал много труда, его скупали по очень низкой цене. Жумагуль Сапарова вместе со своими детьми продолжала выращивать табак до 2007 года. С 2000 года количество семей, выращивающих табак, стало постепенно уменьшаться. В 2006-2007 годах в селе всего 5-6 семей сажали табак. Если до 1990 года табак выращивался под непосредственным контролем властей, а собранный табак сдавался государству, и выплачивалась заработная плата, то с начала 1990-х годов увеличилось число тех, кто, собрав табак, не мог его продать, но люди продолжали его выращивать, так как не было опыта в выращивании других культур. Тяжелый труд на протяжении всего года приносил лишь небольшой доход. Лишь с 2007 года вместо табака стали сажать кукурузу, картофель и занялись сельским хозяйством. Сельское хозяйство, которое требовало более лёгкого труда, чем табак, и давало больше урожая, приносило и больше прибыли. С этого момента в селе перестали сажать табак.

Хотя табак уже не выращивают, но он постоянно напоминает о себе. Тяжелые условия труда сказались на здоровье Жумагуль Сапаровой, которая проработала на табаке почти 30 лет, с 2000 года она страдает различными заболеваниями. Она сожалеет, что это отразилось не только на её здоровье, но и на здоровье её детей. Позже, когда

Сапарова Жумагуль.

научились выращивать не только картофель и кукурузу, но и лук, помидоры и морковь – стало очевидным, что тяжелее всего было выращивать именно табак.

Тяжёлые работы, связанные с выращиванием табака, привели к тому, что в 40-45 лет она начала страдать от болей в спине, руках и ногах. Проблемы со здоровьем она связывает с поднятием тяжестей, и тем, что руки и ноги отмывали от сока табачных листьев в холодной воде. В СССР женщинам, имеющим 5 детей, давали медаль, но льгот не полагалось. В 2010 году она получила орден «Баатыр эне», поскольку у неё было 7 детей. А во времена СССР орденом «Мать-героиня» награждали женщин, имеющих 10 детей.

С 1990-х годов из-за кризиса возникли трудности и высокие цены, которые продолжались более 10 лет. Именно на это непростое время пришлось время учёбы детей Жумагуль Сапаровой в учебных заведениях. Несмотря на все трудности, ей удалось дать всем своим сыновьям и дочерям высшее образование. Наша героиня вспоминала и тяготы, с которыми столкнулась в советское время, когда работала на табаке, и непростые времена, когда одновременно все её пятеро детей были студентами. Сколько людей из-за отсутствия денег не смогли дать своим детям высшее образование? Она же будучи уверенной, что если не дать детям образования сейчас, то потом будет поздно, стремилась чтобы её дети имели специальность и получили высшее образование. Для этого она занималась земледелием и параллельно выращивала табак.

В советское время табачникам были созданы все условия для продуктивной работы и повышения производительности урожая табака: мурабы обеспечивали полив, в каждом сарае для низки табака открывались ясли, кормили обедом, самолётами опрыскивали табачные поля специальными препаратами, собранный табак сдавали государству, были обеспечены необходимой техникой... Все эти усилия были направлены на «повышение производительности труда» в табаководстве, а «человеческие ресурсы» не брались в расчёт, если быть точнее, то никого

Советские колхозницы за чистой и обработкой табака.

не интересовали здоровье людей, их отдых, забота о детях, правильное питание, своевременное лечение, сон и рост организма.

После распада СССР для табачников наступили самые тяжёлые времена – государство больше не было заинтересовано в табаке, всё оборудование и сараи были распроданы в частные руки. Табачники были вынуждены нанизывать и сушить табак у себя дома. Были проблемы с техникой. Поливная вода стала основной проблемой независимо от того, какие культуры высаживались в поле. В сельском хозяйстве была полная безконтрольность – колхозные земля, товары, постройки и оборудование продавались за бесценок. В 1994-95 годах стали организовывать крестьянские хозяйства. Каждому жителю села был предоставлен земельный надел. В зависимости от того сколько земли было в конкретном айыл окмоту, выделяли по 6-7 соток на человека сроком на

99 лет. Жумагуль Сапарова и её семья также стали членами крестьянского хозяйства «Береке-17».

Членами этого хозяйства были её родственники, а руководителем – Б. Бекмуратов. Постепенно крупные хозяйства стали делиться, и каждая семья стала отдельным крестьянским хозяйством. Жумагуль Сапарова с семьей создала крестьянские хозяйства «Бекназар» и «Хантенир». По сей день на этих земельных наделах её сыновья и внуки ведут хозяйство и сажают многолетние травы, кукурузу, помидоры, морковь, картофель и лук. Кроме того, они занимаются садоводством, выращивают абрикосы и яблони.

Жумагуль Сапарова: *«Когда мы работали на табаке, мы не знали, что табак вреден. О необходимости отдыха, лечения, сна и правильного питания мы даже не задумывались. Единственной целью было работать, чтобы выполнить план. Иногда я думаю, что в то время женщины рожали много, в сельской местности не менее 7-8 детей, а в больших семьях рождалось до 15 детей. А в городах женщины в то время рожали реже. Женщинам, у которых было 5 детей, давали медаль, а у кого было 10 детей – орден “Мать-героиня”. Теперь я думаю, что это была политика того времени. Каждый рожденный ребенок был дешевой рабочей силой для производства табака».*

– Вы так думаете, какова была продолжительность жизни в то время?

Жумагуль Сапарова: *Я не могу точно сказать, какова была продолжительность жизни по сравнению с сегодняшним днем. А вот те, кто работал поливальщиком, уходили из жизни в 35-40 лет. Случалось, что и те, кто работал на табаке, умирали в молодом возрасте. Но из-за того, что мы не заботились о себе, мы выглядели старше своих лет. В 40 лет у нас на лицах уже были морщины, и одевались мы как старухи. Сегодня 55-летние выглядят моложе, чем мы тогда в 40 лет. Мы, можно сказать, всей своей жизнью пожертвовали. Сейчас хорошо, все ездят на курорты и другие места отдыха, красиво одеваются, а мы прожили жизнь в страхе.*

Сегодня мне всего достаточно. За то, что я мать-героиня, мне к пенсии прибавили 1000 сомов. Трудностей нет, живу окруженная заботой и уважением своих сыновей и дочерей, бываю на праздниках и торжествах внуков. Вам большое спасибо. Сохраняете на страницах истории наши трудные дни. Если бы вы не записали и не сохранили, всё могло быть забыто.

Сегодня Жумагуль Сапарова – почётная пенсионерка, одна из уважаемых жительниц села.

АБЖАЛОВА Майрамкан родилась 10 марта 1976 года. В 1983-1993 годах училась в средней школе имени III Интернационала в колхозе «Россия» (ныне айыл окмоту имени Т. Зулпуева) Ноокатского района.

Воспоминания Майрамкан Абжаловой, жительницы села Атамерек: *«Я работала на табаке с тех пор, как я себя помню. Когда я ещё не училась в школе и ещё не могла обрывать табак, мама брала меня в поле, где она, папа, мои брат и сестра обрывали табачные листья, а мы с младшим братом взяв в охапку сорванный ими табак носили его к началу борозды, на место, которое называлась “такта”. С трудом обхватив руками, несли и укладывали. К укладке табака привлекали маленьких детей. Уложенный табак мама собирала в тюки. Эти тюки были по 60-80, иногда по 100 кг., эти тюки мама, папа, брат и даже сестра переносили до места, куда приезжал трактор.*

После этого мы нанизывали табак. Когда мы приходили в школу, все руки были в табачном экстракте, учителя для виду ругали нас и говорили, чтобы мы вымыли руки. Когда работали на табаке, мы даже не думали о школе, играх и других вещах. Когда я немного подросла, вместе со старшим братом и сестрами стала обрывать табачные листья, поднимать тяжелые тюки. Сейчас я думаю, может, поэтому у меня небольшой рост, тело приземистое, тело неправильно развивалось. Мы не знали, что такое модная одежда, косметика, причёска,

макияж. Нам даже не давали поспать вдоволь, если мы отставали, то мама нас ругала и укоряла, что о нас расскажут по радио».

С момента как себя помнит и до 40 лет, Майрамкан Абжалова работала на табаке. Её детство пришлось на те годы, когда людей принуждали работать на табаке днём и ночью, круглый год без отдыха. С 1993 по 1994 год она училась в профессиональном учебном заведении № 116 в Оше. В мае 1994 года вышла замуж на жителя села Атамекрек Кашкалдакского айылного аймака Т. Зулпуевского айыл окмоту Ноокатского района Ошской области.

Она и после замужества, с 1994 по 2004 год, вместе с мужем работала на табаке. Табак, который они выращивали с ранней весны до самой зимы, удавалось продать только по очень низкой цене, на это и жили. У неё два сына и дочь, их она также была вынуждена привлекать к работе на табаке. Поскольку табак требует много труда, ей приходилось использовать труд своих детей. В 2017 году Майрамкан устроилась на работу в качестве сотрудницы отдела доходов в Т. Зулпуевский айыл окмоту, где работает по сегодняшний день.

– Можете ли вы рассказать нам о воспоминаниях, связанных с вашим детством?

Майрамкан Абжалова: *«Когда я вспоминаю своё детство, то перед глазами только картины тех дней, когда меня заставляли работать на табаке. Я поняла, что родители лишили своих детей детства, а точнее, можно сказать, что политика государства того времени ставила детство на последнее место. Чего или кого боялись наши родители, что заставляли нас так тяжело работать?»*

– Расскажите о том, как вы работали на табаке во времена СССР и после его распада в период независимости?

Майрамкан Абжалова: *«До 1990-х годов мы всегда работали по приказу и под контролем. А после 1991 года табак люди выращивали только добровольно. Если бы я вышла замуж в другую местность, то, возможно, я бы*

занималась бы выращиванием чего-то другого, а не табака. Поскольку основное занятие населения в нашем айыл окмоту – табаководство, то мне и после замужества пришлось работать на табаке где-то 10-11 лет».

– Ваши дети так же работали на табаке?

Майрамкан Абжалова: *«Я не сильно загружала своих детей. Они работали вместе со мной, но я давала им время играть и учиться. Нас мама будила ни свет ни заря и отправляла на табачное поле. А я не нарушала сон моих детей и не гнала их на поле. Я из всех сил старалась, чтобы у них остались хорошие воспоминания о детстве.»*

Майрамкан Абжалова работает в отделе доходов в своём айыл окмоту и способствует увеличению доходов местного бюджета. Она собирает налоги в двух сёлах айылного аймака – Караке и Айбек. В 2022 году она была награждена Почетной грамотой Т. Зулпуевского айыл окмоту, а в 2023 году – Почётной грамотой Ноокатской районной государственной администрации. Сейчас она мать одной дочери, двух сыновей и бабушка двух внуков.

Абжалова Майрамкан с сыном.

Борубаева Назипа.

БОРУБАЕВА Назипа родилась 9 ноября 1965 года в селе Котормо Кыргыз-Атинского айылного аймака. В 1972-1982 годах училась в средней школе имени К. Маркса того же села, где и получила аттестат о среднем образовании. В 1984 году стала студенткой Ошского гуманитарно-педагогического института, окончила его в 1987 году и получила специальность учителя начальных классов. В 1987 году вышла замуж за жителя села Кашкалдак Жолдошева Маматкалила. В том же году начала трудовую деятельность в качестве учительницы начальных классов в средней школе в селе Кашкалдак. Ныне она мать 2 сыновей и 3 дочерей, бабушка 14 внуков.

«Все мое детство – это прополка, посадка, покос, сбор, нанизывание, уборка, сортировка, связывание и укладка табака. Мы с радостью шли в школу. Сейчас ученики не любят ходить в школу. А мы с радостью ходили. Мы ходили в школу не учиться, а порадоваться, что хоть на какое-то время освободились от табака. Но 1 сентября, школа открывалась торжественным собранием, а через полчаса-час снова закрывалась. В сентябре месяце школьников привлекали для сбора и нанизывания табака, а учёбу снова останавливали. В студенческие годы я примерно 3 года не работала на табаке. А после того, как вышла замуж снова начала. Шла в школу, отводила уроки, приходила домой, а затем шла на табачное поле. С 1988 года начался очень трудный период. Дети были маленькие, и у нас не было дома, где мы могли бы жить. Так было до 1990 года. После этого мы с мужем посоветовались и решили забрать детей и поехать в село Тоо-Моюн.

В 1990-е годы колхозы были упразднены и созданы частные крестьянские хозяйства, а в 1995 году были упразднены и совхозы. В 1990 году Назипа Борубаева вместе с мужем и детьми поехала в совхоз Тоо-Моюн и начала работать на табаке. С 1990 по 1995 год её семья выращивала табак на 1,5 га земли в селе Тоо-Моюн. Собрав табачные листья в тюки, они сдавали их в совхоз. Кроме того, на

1 гектаре земли они выращивали кукурузу. Стебли кукурузы собирали, связывали и продавали, а сами зерна продавали ближе к зиме. Кукурузу продавали за наличные, а за работу на табаке совхоз расплачивался тем, что выдавал одежду, обувь, предметы быта (столы, стулья, шкафы), хозяйственные принадлежности, продукты питания (муку, масло, чай, сахар и т. д.) и даже ковры. В середине 1990-х совхозы начали ликвидировать. В 1995 году Назипа Борубаева и её семья сдали совхозу табак, который они получили за год работы и получили за него 6 голов скота. Продав их, они вернулись в село Кашкалдак, а на вырученные деньги построили там дом.

В 1996 Назипа Борубаева снова начала работать учительницей начальных классов и проработала в школе до 2009 года. Поскольку зарплата учительницы не покрывала ежемесячные расходы семьи, в 2009 году они с мужем были вынуждены уехать в Российскую Федерацию в качестве трудовых мигрантов. Проработала 3 года в столовой одного из университетов в Москве, они в 2012 году вернулись с мужем в родное село. С тех пор она работает учительницей в средней школе имени М. Нурматова Ноокатского района. Назипа Борубаева своим упорным трудом заслужила уважение учащихся, родителей и коллектива школы и была награждена Почетными грамотами айыл окмоту и районного отдела образования. В 2020 году она была награждена Почетной грамотой Ошского института образования. В 2017 году по результатам проверки школы комиссия приняла решение рекомендовать её к награде Министерства образования. Все её сыновья и дочери получили образование в учебных заведениях и работают по своим специальностям. Семья Назипы Борубаевой одна из самых уважаемых и образцовых семей села.

АВТОРЫ

Гульзада АБДАЛИЕВА,
доктор исторических наук.

Болот АБДРАХМАНОВ,
доктор исторических наук, директор Национального исторического мемориального комплекса «Ата-Бейит», ветеран спецслужб, полковник в отставке.

Раушан АБЫЛКАСЫМОВА.
Исследователь, магистр искусств в области Евразийских Исследований (Назарбаев Университет). Сфера интересов: история позднего социализма, материальная история, история Центральной Азии.

АЛАГӨЗ кызы Гүлзат,
историк, исследователь «Эсимде».

Айида КУБАТОВА,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР.

Нестор МАНИЧКИН,
кандидат исторических наук, исследователь-атташе Французского Института исследований Центральной Азии, социальный антрополог, писатель, публицист, автор двух монографий и более пятидесяти научных статей, множества научно-популярных публикаций, поэтических переводов и литературных работ. Живёт и работает в Бишкеке.

Бактыгүль МИДИНОВА.
Директор Ошского областного музея изобразительных искусств им. Т. Садыкова. Член Международного совета музеев ИСОМ. В 2019 году получила степень магистра культурологии в Национальном исследовательском

университете «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). В 2008 году окончила Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Институт истории и социально-правового образования, специализация история.

Людмила МОЛДАЛИЕВА,
театровед, театральный критик, эксперт, драматург, публицист.

Айгүль ОМУРКАНОВА,
кандидат филологических наук, доцент.

Динара САПАРОВА,
исследователь.

Клара СООРОНКУЛОВА,
кандидат юридических наук, экс-судья Конституционной палаты КР.

Мукарам ТОКТОГУЛОВА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры антропологии, АУЦА.

Гүлжамал ЭСЕНАЛИЕВА,
историк, кандидат исторических наук.

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

сборник

Руководитель проекта «Эсимде: осмысляя свое прошлое», составитель
и ответственный редактор Эльмира Ногойбаева.

Формат 140x215 мм. 158 стр. тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Манасартдизайн»

Женщины Кыргызстана – неравнодушные, смелые, недооцененные. Все и каждая. Эта книга посвящена вам. Вам, которые узнают себя в судьбах наших героинь – в умолчании, в забвении, в пронзительном крике каждой судьбы, в голосах тех, кого как будто исключили из общей памяти нашего общества. Их взгляды на мир, память, науку, семью, род, государство – часто отличные своей «шероховатостью» от общего гладко-маслянистого хора современников. Их гражданская позиция и понимание будущего нашего общества всё ещё недооценены на фоне пафоса и фанфар очередных знаменосцев.

Голос Женщины-созидательницы.
Голос Женщины-матери/дочери.
Голос иногда негромкий, но не ушедший в тишину благодаря авторкам/авторам этой книги.
Мы вас помним.

БИШКЕК 2024